

АКАДЕМИЯ ВИНДЗОР КНИГА 3

ПАДШМЕ НАСЛЕДНИКИ

VK.COM/AMORNOVELS

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ USA TODAY

ЛОРА ЛИ

Какую же запутанную паутину мы плетем, когда впервые практикуемся в обмане...

Милые, напыщенные маленькие лжецы. Они окружают меня повсюду, куда бы я ни пошла. Но я осознала, что не все так, как кажется. Те, кого я считала своими врагами, стали моими самыми лучшими союзниками. А те, кого я сильно недооценивала, оказались гораздо злее, чем я могла себе представить.

Говорят, что за деньги счастья не купишь. Что ж... я хочу сказать, что за них можно заключить сделку с дьяволом. А что самое интересное в сделках с дьяволом? Они всегда приходят за деньгами. К несчастью для них, я собираюсь вступить в бой.

Я сильнее. Я подготовлена. И я с радостью буду наблюдать за их падением.

Переводчик: Алима

Перевод: AmorNovels — t.me/lorenhalefucksbetter

1. Жас

— Дамы, вы выглядите потрясающе, — говорит Чарльз, когда я присоединяюсь к ним в фойе.

Слова моего донора спермы могут быть добрыми, но язык его тела и обвиняющий взгляд, которым он одаривает свою жену, — это совсем другое. Интересно, знает ли он о романе Мэдлин с отцом Кингстона? Это, конечно, объяснило бы его внезапную перемену в отношении к ней.

Мэдлин выглядит нервной, но Пейтон, кажется, ничего не замечает, поскольку сияет от комплимента.

Тем временем я борюсь с тошнотой, бормоча: — Спасибо.

После четырех ночей, проведенных в доме Кингстона, Чарльз послал за мной своего водителя Фрэнка. Несмотря на яростные протесты моего парня — я все еще привыкаю называть его так — я села в машину. Осознание того, что Пейтон замышляет что-то против меня, одновременно пугает и выводит меня из себя, но после того, как я увидела не очень тонкую угрозу мистера Дэвенпорта, предупредившего ее держаться от меня подальше, я почувствовала немного спокойствия, как бы глупо это ни звучало. Пейтон может и коварная сучка, но я думаю, что у нее достаточно чувства самосохранения, чтобы пока не связываться со мной.

Кингстон был прав насчет ожиданий моего отца относительно Дня благодарения. Когда я вернулась в особняк, мне тут же прочитали лекцию о правилах приличия и вежливости. Он сообщил мне, что, хотя мне уже восемнадцать, я все еще живу под его крышей, и он оплачивает мое обучение, поэтому я должна следовать его правилам.

Когда я попросила его уточнить, он сказал: — Честно говоря, мне все равно, где ты спишь по ночам и трахаешься ли ты со всей командой по полу, если только ты делаешь это за закрытыми дверями и если они из хорошей семьи. Но быть Каллахан — это определенные обязательства. Будут времена, когда от тебя потребуется присутствовать на собрании в качестве члена этой семьи. И когда это произойдет, ты будешь выглядеть как леди Каллахан и вести себя как леди Каллахан. Проще говоря, все, что ты обычно делаешь, но наоборот.

Пока я мысленно отмахивалась от него, я сделала себе пометку как можно скорее

законно сменить свое имя обратно. Можно подумать, что мой собственный отец приложит усилия, чтобы узнать меня получше, но для этого человека это явно не является приоритетом. Как будто я когда-нибудь пересплю с каким-то придурком, который играет в поло. Неудивительно, что у Мэдлин было коктейльное платье и целая команда стилистов, которые ждали, когда я попаду к ним в руки, чтобы сделать меня *похожей на Каллахан*. Однако неожиданностью стало то, насколько сексуально платье.

Мэдлин выбрала облегающее платье кроя русалки без рукавов с глубоким вырезом сзади. Стратегически расположенные черные кружевные аппликации, наложенные на обнаженную подкладку, создают впечатление, что я могу обнажить товар в любой момент времени. Платье *великолепное* и, судя по дизайну, скорее всего, дорогое. Тем не менее, я считаю, что оно слишком вызывающее для праздничного ужина. Учитывая реакцию моего отца, когда он впервые увидел меня, я готова поспорить, что он не видел его до этого момента, и он не слишком доволен тем, что Мэдлин выбрала его.

Учитывая, что платья Пейтон и Мэдлин гораздо более консервативны, я не могу не усомниться в мотивах моей мачехи, учитывая подозрения Кингстона относительно некоторых гостей. Однако я не могу солгать и сказать, что мысль о том, что Кингстон увидит меня в этом платье, не вызывает восторга. На самом деле, это палка с двумя концами: я бы хотела, чтобы на меня смотрел мой парень, но не большие убудки, которые могут присутствовать сегодня вечером. Другой главный недостаток — я не смогу в этой штуке наесться картофельного пюре, а я чертовски люблю картофельное пюре.

Чарльз смотрит на свои инкрустированные бриллиантами часы.

— Нам пора идти. Фрэнк ждет у входа. — Его голубые глаза обращены ко мне. — Жасмин, я надеюсь, твой спутник будет здесь с минуты на минуту?

Я не замечаю, как хмурятся Мэдлин и Пейтон, когда он называет Кингстона моим спутником.

— Он написал мне прямо перед тем, как я спустилась вниз. Он должен быть здесь через несколько минут.

Он кивает.

— Очень хорошо. Увидимся там.

Пейтон бросает злобный взгляд в мою сторону, когда уходит. Я изо всех сил стараюсь не смотреть на нее иначе, но это легче сказать, чем сделать, после того как я увидела видео с мистером Дэвенпортом. То, как он ударил ее по лицу, как он силой засунул свой член ей в горло, тот факт, что это явно было не в первый раз, я вижу ее в другом свете. Осмелюсь ли я сказать, что мне действительно жаль ее?

Не поймите меня неправильно, я по-прежнему считаю ее еще той сукой, которая должна ответить за свои действия. Но ни одна женщина не должна подвергаться избиению или насилию, независимо от обстоятельств. Мне приходится постоянно напоминать себе, что Пейтон не живет по тем же правилам, и она не заслуживает моего сочувствия. В конце концов, она послала какого-то парня избить и изнасиловать меня, не один раз, а дважды, без всяких угрызений совести.

Интересно, знает ли Мэдлин о сделке, которую ее дочь заключила с Сатаной, чтобы разделить своё наследство, или о том, что Престон трахает и мать, и дочь? По какой-то причине я не могу представить, чтобы Мэдлин была согласна с последним. Не потому, что она испытывает какое-то моральное отвращение к почти шестидесятилетнему мужчине, трахающему девушку, которой только что исполнилось восемнадцать. Учитывая огромную

разницу в возрасте между Мэдлин и биологическим отцом Пейтон, это обычное дело для золотоискательницы. Но Мэдлин производит впечатление женщины, которая не любит конкуренции, а Пейтон — молодая, более привлекательная версия ее матери.

Я выхожу на улицу, когда слышу, как к подъездной дорожке подъезжает машина Кингстона «секс на колесах». Тонировка на окнах такая темная, что я его не вижу, но я чувствую его взгляд на себе, когда он останавливает машину прямо перед деревянными двойными дверями. Крупное тело Кингстона практически выпрыгивает из машины, как только он выключает зажигание.

Черт возьми, он отлично выглядит в смокинге.

Кингстон проводит рукой по слегка заросшей щетиной челюсти и бормочет проклятия. Его глаза с золотистым отливом пожирают меня, вероятно, так же, как мои пожирают его, пока он сокращает расстояние между нами. Как только я оказываюсь в пределах досягаемости, его пальцы впиваются в мои бедра, и он притягивает меня к себе, пока наши тела не оказываются вровень.

— Я передумал; к черту ужин. Единственное место, куда ты пойдешь в этом платье, это моя кровать. — Его глаза путешествуют по моему телу и снова поднимаются вверх. — Господи, Жас.

— Ты и сам не так уж плох. — Я разглаживаю лацкан его пиджака. — Но кровать подождет до сказочного пира наших отцов в честь Дня благодарения.

Он хмурится, вероятно, потому что чувствует мое опасение скрывающиеся за сарказмом.

— Все будет хорошо, Жас. Я буду рядом с тобой, а если мне придется уйти по какой-либо причине, Бентли или Рид займут мое место.

— Я знаю, — заверяю я его. — Но это не изменит того факта, что мы окажемся в одной комнате с кучей отвратительных хищников. Не говоря уже о том, что это будет первый раз, когда мы увидим твоего отца после просмотра того видео. Честно говоря, я не знаю, смогу ли я скрыть свое отвращение, которое выдаст тот факт, что мы его раскусили.

Уговорить Кингстона не поддаваться на уговоры после просмотра этого видео было непростой задачей. Он был готов наброситься на своего отца и бывшую девушку на полном серьезе, не заботясь о последствиях. К счастью, мой парень — один из самых логичных людей, которых я знаю, и я могла бы воспользоваться этим. Я напомнила ему, что Пейтон и Престон могут быть не единственными угрозами, а Кингстон не может быть со мной и защищать меня из тюрьмы. Феминистка во мне ненавидит признавать, что мне нужна мужская помощь, но факты есть факты. Я вляпалась по уши. У Кингстона есть информация и ресурсы, необходимые нам, чтобы уничтожить этих ублюдков, и это важнее моей гордости.

— Я знаю, что ты справишься, Жас, но если тебе в любой момент понадобится перерыв, просто скажи. Мы отойдем, пока ты не перегруппируешься, — он сгибает колени, пока наши глаза не оказываются на одном уровне.

— Хорошо?

Я смотрю в его золотисто-зеленые глаза и киваю.

— Хорошо.

Кингстон быстро обнимает меня, целует в макушку, прежде чем открыть пассажирскую дверь машины и помочь мне сесть. Пока мы едем, мы сводим наши разговоры к минимуму, возможно, потому что я слишком занята тем, что сосредотачиваюсь на своем дыхании, чтобы предотвратить приступ паники. Когда мы подъезжаем к шикарному отелю и Кингстон

обходит парковщика, чтобы самому припарковать машину, я смеюсь, благодарная за внезапное веселье.

— Я не дам этим ублюдкам ключи от моей малышки, — объясняет он, — Это одна из самых редких машин в мире.

Я снова смеюсь.

— Конечно, нет. Никто не водит твою прелесть, кроме тебя.

— Чертовски верно, — бормочет он, полностью игнорируя мое потрясающее впечатление Голлума.

Я приподнимаю бровь.

— Ну, раз уж ты это сказал, это первое, что я сделаю, когда получу права.

Кингстон усмехается, загоня Агеру на парковочное место и глуша двигатель.

— Да, точно. Если я не позволяю трогать машину тому, кто профессионально паркует машины, зачем мне передавать ключи совсем новому водителю?

Я скрещиваю руки на груди, не упуская из виду, как его взгляд перемещается к моему декольте, когда оно приподнимается.

— Держу пари, ты изменишь свое мнение, если я пригрожу тебе отказом от секса.

Он окидывает меня внимательным взглядом, не пытаясь скрыть свое желание.

— Да, конечно. Ты будешь умолять меня о члене в течение нескольких часов.

Я говорю своей вагине, чтобы она притормозила, потому что этой сучке очень нравится картинка которую только что вызвали в воображении слова Кингстона.

— Ты так думаешь, да? Как насчет того, чтобы проверить эту теорию сейчас?

Убежденности в моем тоне не хватает, а судя по тому, как Кингстон сейчас улыбается, я бы сказала, что он прекрасно знает, что я несу полную чушь.

— Конечно, Жас. Посмотрим, кто продержится дольше. Что скажешь, если мы сделаем это интереснее и добавим небольшое пари?

Я скептически смотрю на него.

— Какого рода пари?

Он на мгновение задумывается об этом.

— Если я выиграю — а мы оба знаем, что это произойдет, — ты должна будешь делать мне минет каждый день подряд в течение недели.

Уголки моих губ приподнимаются.

— А что я получу, если выиграю?

— Я буду есть твою киску, пока ты не кончишь по крайней мере три раза в течение недели.

Я ерзаю на своем месте.

— Ты ведь понимаешь, что ни одно из этих действий не является наказанием?

Кингстон — большой любитель поездок в центр города, и я не против оказать ему ответную услугу.

Его плечи приподнимаются.

— Право на хвастовство.

Я качаю головой, борясь с улыбкой.

— Ты идиот.

— Может быть, — усмехается он.

— Но я готов поспорить на эту машину стоимостью в два с половиной миллиона долларов, что твоя киска уже намокла от одной мысли об этом. Мне проверить?

Я отмахиваюсь от него в ответ, но на самом деле мне хочется стянуть трусики и засунуть его лицо себе между ног.

Кингстон отстегивает ремень безопасности и наклоняется над центральной консолью, чтобы приподнять мой подбородок.

— Тебе лучше?

Мои глаза закрываются, когда он прикусывает мою нижнюю губу между зубами.

— Да.

Я не знаю, как этот человек может всегда чувствовать, что мне нужно. Он видит меня так, как никто другой. Искушает ли он меня своим телом, потому что знает, что мне нужна физическая разрядка, или затевает глупую драку, потому что это позволяет мне выплеснуть разочарование, проносящееся в моей голове, или игриво дразнит меня, потому что мне не помешает хороший смех, Кингстон просто знает. Самое смешное, что я не думаю, что он даже пытается. Он настолько настроен на меня, что это чистый инстинкт.

В последнее время мне кажется, что моя душа окрашена во все оттенки серого. Кингстон понимает это лучше других, потому что внутри него идет та же война. Если бы я верила в сказки, я бы сказала, что мы были созданы друг для друга. Может быть, все произошло не просто так, и мы должны были вернуться в жизнь друг друга именно в тот момент времени. Но, опять же, я не из тех девушек, которые спасают себя из башни, а Кингстон Дэвенпорт, определенно, не принц.

— Ты готова к этому?

Я делаю укрепляющий вдох.

— Давай продолжим это дерьмовое шоу.

2. Жас

Сотни глаз следят за нами, когда мы с Кингстоном входим в роскошно украшенный бальный зал. Боже, у меня такое чувство, будто я только что попала на свадебный прием, а не на праздничный ужин. Все пространство заполнено круглыми столами, накрытыми юелоснежными скатертями, хотя большинство гостей стоят вокруг и общаются. Как и обещал Кингстон, здесь приличное количество гостей нашего возраста, и все до единого выглядят скучающими до смерти. Не могу сказать, что я их виню.

В глубине комнаты стоит длинный прямоугольный стол — полагаю, он предназначен для Дэвенпортов и Каллаханов — на нем стоят несколько высоких цветочных композиций. Хрусталь люстры отражается от хрустальных бокалов внизу, а официанты обходят зал, предлагая закуски и бокалы с шампанским. Я беру бокал с шампанским у стоящего рядом официанта и выпиваю половину одним глотком. Я не настолько глупа, чтобы напиваться на этом мероприятии, но мне нужно что-то, чтобы снять напряжение. Либо это, либо секс в гардеробе, и я не думаю, что нам с Кингстоном сойдет с рук второй вариант.

— Почему они все так на нас пялятся? — шепчу я, подавляя желание поднять в воздух средний палец.

Кончики пальцев Кингстона вдавливаются в мой позвоночник, когда он направляет меня вправо.

— Они все смотрят на тебя, принцесса. Ты самая сексуальная красавица на этом балу.

— Дело в платье.

Я тайком сканирую комнату, проверяя, не сработал ли на кого-нибудь мой извращенческий счетчик.

Кингстон хихикает.

— Дело не в платье, Жас, хотя оно чертовски сексуально.

Мои глаза сужаются, когда я замечаю, что какой-то чувак, похожий на политика, смотрит на меня, как на большое, сочное филе рибай.

— Как бы то ни было, это последнее место, где я хочу привлечь к себе внимание.

Он переплетает наши пальцы вместе.

— Я знаю, но это случилось бы независимо от того, как бы ты была одета. Давно потерянная дочь Чарльза Каллахана — большая новость в этом кругу.

— Если это правда, то этим людям нужно заняться своей жизнью.

— Тут я с тобой спорить не буду, — Кингстон указывает пальцем. — Там Эйнс.

Мои глаза следуют за пальцем Кингстона и находят его близнеца, стоящего рядом с Ридом. Эйнсли выглядит просто великолепно в своем темно-зеленом платье на одно плечо. Многослойный шифон ниспадает до пола, а цвет подчеркивает зеленый цвет ее глаз, делая их очень выразительными. Для придания образу изюминки спереди имеется эффектный разрез, демонстрирующий ее стройные ноги танцовщицы. Это сексуально, но в то же время стильно, что ей очень идет.

— Вау. Ты выглядишь невероятно, Эйнс.

Эйнсли улыбается, когда Рид обхватывает ее за плечи.

— Спасибо, Жас. Ты тоже. Это платье... вау.

Тихий свист раздается у меня за спиной прямо перед тем, как я слышу знакомый голос.

— Черт, дамы, вы сегодня выглядите просто охуенно.

Бентли подходит к нам, а Кингстон свирепо смотрит на него. Я знаю, что комментарий Бента был абсолютно безобидным — особенно потому, что Эйнсли также была включена в это высказывание, — но это все равно раздражает моего парня. Хотя это не так уж и сложно. В последнее время Кингстон стал еще больше общаться со своим внутренним неандертальцем. Если подумать, Бентли, вероятно, подкалывает своего друга, потому что это его раздражает.

Я игриво тыкаю локтем в живот Бентли.

— Да? Ну, полагаю, ты тоже выглядишь отлично.

Бентли усмехается.

— Пожалуйста, женщина. Я выгляжу просто шикарно, и ты это знаешь.

Он действительно знает. Кингстон, Бентли и Рид в любой день имеют черты лица, от которых плавятся трусики, но в смокинге мы говорим о вулканическом взрыве в штанах. Я думала, что они не могут быть более сексуальными, чем когда они надели свои сшитые на заказ костюмы на выпускной вечер, но, очевидно, я ошибалась. Это дерьмо высшего эшелона.

Я оглядываюсь вокруг, приподнимая брови, когда замечаю несколько узнаваемых лиц. Кингстон не шутил, когда сказал, что здесь будут присутствовать известные люди. Не то чтобы знаменитости были редкостью в Лос-Анджелесе, но я не могу сказать, что когда-либо думала, что буду находиться в одной комнате с одним из самых горячих актеров Голливуда.

Я указываю на актера и шепчу: — Пожалуйста, не портите мне настроение и не говорите, что он в вашем списке подозреваемых извращенцев.

Низкий рык Кингстона раздается у меня над ухом.

— Я почти испытываю искушение солгать тебе, чтобы стереть этот жаждущий взгляд с твоего лица.

— О, прекрати. Нужно быть слепой, чтобы не заметить, насколько красив этот мужчина. — я приподнимаюсь на носочках, чтобы ущипнуть Кингстона за челюсть.

— Не волнуйся, здоровяк, я никуда не уйду.

Его пальцы сгибаются вокруг моей талии.

— Если ты попытаешься, можешь не сомневаться, я выслежу твою задницу.

Я игнорирую внезапную пульсацию между бедер и, вместо этого, бросаю на него язвительный взгляд.

— Я не сомневаюсь, Пещерный человек.

Я продолжаю сканировать бальный зал, пока не натыкаюсь на Чарльза и Престона, болтающих с несколькими людьми. Внимание мистера Дэвенпорта блуждает, как будто он чувствует, что кто-то наблюдает за ним. Моя кожа покрывается мурашками, когда наши взгляды сталкиваются, и его глаза неторопливо прогуливаются по моему телу и снова возвращаются обратно. Престон ухмыляется, когда возвращается к моему лицу и видит тень, которую я отбрасываю. Если бы я еще не знала, что он предпочитает покорных женщин, я бы поклялась, что ублюдку действительно нравится мое отношение. Типа, легально получает от этого удовольствие. К счастью, проходит лишь мгновение, прежде чем его внимание возвращается к людям перед ним.

Кингстон крепко сжимает мою руку, когда видит, что привлекло мое внимание. Или кто, скорее.

— Расслабься, Джаз. Он не сможет тебя тронуть.

— Спокойна как удав, — блефую я.

— О чем мы говорим? — спрашивает Эйнсли, ее растерянный взгляд мечется между отцом и нами.

— Кто не сможет тебя тронуть?

Блядь. Я забыла, что в нашей компании из пяти человек есть один человек, который понятия не имеет, что происходит.

Кингстон отвечает прежде, чем я успеваю.

— Есть большая вероятность, что парень, который напал на Жас, сегодня здесь. Я напомнил ей, что у него не будет шанса добраться до нее, потому что один из нас будет с ней все время.

Черт. Это правда? Не знаю, почему я не подумала об этом раньше, но это абсолютно возможно. Мы уже знаем, что он студент Виндзора, и он знает Пейтон, что означает, что он часть богатой семьи, которая вращается в тех же кругах. Почему я снова согласилась прийти на это мероприятие? Ах да, пригвоздить больных ублюдков к земле. Эта мысль помогает укрепить мою решимость.

Я выпрямляю спину и поворачиваю голову в сторону патриархов.

— Есть идеи, с кем они говорят?

— С моими родителями. — Бентли наклоняет голову в сторону пары.

Я вздрагиваю, не ожидая такого ответа, хотя теперь, когда я действительно смотрю на них, я вижу сходство. Отец Бентли — светлокожий афроамериканец, а его мама похожа на полинезийскую Хайди Клум. Оба совершенно потрясающие, что неудивительно, учитывая, насколько привлекателен их сын.

— Что ж, это решает вопрос расы. Вроде того.

— Что? — Бентли смеется.

— Ты расово неоднозначный, как Дуэйн Джонсон, — объясняю я. — Наверняка ты

слышишь это не в первый раз.

— Никогда в таких точных выражениях, — говорит Бентли. — Если люди хотят знать, они обычно просто спрашивают.

— Эх... — я пожимаю плечами.

— Это не имеет значения — мне просто было любопытно. Я всегда знала, что я принадлежу двум расам, но думаю, что, не встречаясь с моим отцом до недавнего времени, я стала естественной любознательной в отношении других людей смешанной расы. Хотя я знаю, насколько раздражающим может быть этот вопрос, поэтому я бы никогда не спросила.

Бентли закидывает руку мне на плечо, к раздражению Кингстона.

— Ну, чтобы удовлетворить твое любопытство, мой маленький котенок, мой папа наполовину ирландец — отсюда Фицджеральд — и наполовину черный, а моя мама наполовину немка, наполовину гавайка.

Все четверо родителей выглядят так, будто обсуждают что-то серьезное.

— Как ты думаешь, о чем они говорят?

Бент пожимает плечами.

— Наверное, о ВК. Мой отец владеет фирмой.

— Что, черт возьми, такое ВК? — я сморщила нос.

— Венчурный капиталист, — объясняет он.

— Ах. — я киваю головой в знак понимания.

— Мы должны занять свои места? — спрашивает Эйнсли. — Сейчас должны подать первое блюдо.

Кингстон сбрасывает руку Бентли с моего плеча и берет меня за руку, ведя к главному столу. Однако прежде чем мы успеваем дойти до него, Чарльз называет мое имя, приглашая присоединиться к нему.

— Черт, — бормочу я. — Похоже, время шоу.

— Вы, ребята, идите вперед. Мы сейчас придем. — Пальцы Кингстона сжимаются вокруг моих. — Я здесь, Жас.

Бентли, Рид и Эйнсли продолжают свой путь через бальный зал, а мы с Кингстоном сворачиваем налево, чтобы встретиться с донором спермы.

— А вот и моя прекрасная дочь, — хвастается Чарльз. — Жасмин, я хочу познакомить тебя с некоторыми людьми.

Я напрягаюсь, когда Чарльз кладет руку мне на плечо, и его хватка напрягается в знак предупреждения.

— Уильям и Лани Фицджеральд, я хочу познакомить вас с Жасмин.

Я делаю вид, что не замечаю напряжения между Кингстоном и его отцом, пока общаюсь любезностями с родителями Бентли. Мистер и миссис Фицджеральд кажутся по-настоящему хорошими людьми, но трудно расслабиться, учитывая, что мы с Кингстоном сейчас находимся в окружении его отца и моего. Престон стоит немного позади Фицджеральдов, поэтому они не замечают, как он смотрит на меня откровенно похотливым взглядом.

Я знаю, что Кингстон пытается игнорировать приманку, но напряженная линия его челюсти и легкое движение его тела, чтобы заслонить меня от пристального взгляда отца, выдают его. Губы Престона кривятся в улыбке, как будто он доволен действиями сына. Или, что более вероятно, он доволен собой, что вызвал такую реакцию. Отец Кингстона выглядит просто ликующим, когда Чарльз тянет меня назад, едва не заставляя споткнуться. Какого

черта? Как-будто донор спермы пытается увеличить пространство между мной и мистером Дэвенпортом. Мы с Кингстоном обмениваемся быстрым взглядом, и очевидно, что он удивлен этим шагом так же, как и я. А знаете, кто не удивлен?

Престон Дэвенпорт.

Я думаю, что сейчас он специально подначивает Чарльза и Кингстона. Но зачем? Не похоже, что у Чарльза есть родительские инстинкты, которые требуют, чтобы он защищал меня любой ценой. Я уверена, что то, что он сделал несколько секунд назад, было одноразовым. Это должно быть из-за контроля. Я уверена, что стою в самом центре борьбы за власть между отцом Кингстона и моим. Потрясающе.

Нет.

Когда родители Бентли извиняются, чтобы найти свои места, Престон поворачивается ко мне.

— Жасмин, ты просто чудесна в этом платье, — практически мурлычет он. — Напомни мне позже поблагодарить того, кто его выбрал.

— Престон... — предупреждающе говорит Чарльз.

— Папа, — в то же время произносит Кингстон, снова смещая свое тело так, что он еще больше загораживает меня.

— Расслабься. Это был комплимент — я не хотел ничего плохого. Хотя, похоже, мой сын не понял этого. Он сейчас практически мочится вокруг нее, не так ли? — Жадные глаза Престона все время смотрят на меня, и мне приходится приложить серьезные усилия, чтобы не подавиться

К черту все, если Престон действительно хочет сделать это на глазах у всех этих людей, *игра началась, ублюдок.*

Я выпрямляю позвоночник и делаю шаг вперед, так что мои плечи оказываются вровень с плечами Кингстона.

— Зачем ему это нужно? Не похоже, что здесь есть кто-то, кто представляет угрозу. Я имею в виду, у меня общая ДНК с этим человеком, — я дернула головой назад к Чарльзу, — и единственный, кто остался, это ты. — Я пользуюсь моментом, чтобы оглядеть Престона с ног до головы, моя незаинтересованность очевидна.

Пальцы Кингстона сжимаются вокруг моих так сильно, что я вздрагиваю. Он тут же ослабляет хватку, но предупреждение ясно. Я не дура, я знаю, что Престон Дэвенпорт гораздо опаснее, чем кажется на первый взгляд. Но знаете что? Он не единственный.

Щеки мистера Дэвенпорта покраснели.

— Вы, определенно, воодушевлены, не так ли?.

Я вскидываю бровь.

— К чему вы клоните?

Он натягивает на лицо фальшивую улыбку.

— Никакого смысла. Просто наблюдение. — Престон хлопает Кингстона по спине.

— Разве ты не согласен, сынок?

Кингстон практически вибрирует от ярости, вырываясь из рук отца.

— Это одна из многих вещей, которые я ценю в ней.

— Не сомневаюсь. — Престон смеется. — Я уверен, что она делает вещи... интересными.

— Ты можешь не говорить обо мне так, как будто я не стою прямо перед тобой?

Глаза Престона сузились, но прежде чем он успел сказать что-то еще, Чарльз заговорил.

— Хватит, — приказывает Чарльз. Мы все стараемся не шуметь, но я не замечаю злости в его тоне. Я думала, что его гнев вызван моей дерзостью, но взгляд моего отца устремлен на отца Кингстона, когда я поднимаю голову.

— Престон, разве ты не говорил, что хочешь поговорить с одним поставщиком перед ужином? Они вот-вот начнут подавать, так что тебе, наверное, стоит пойти и сделать это сейчас.

Престон смахивает воображаемые ворсинки со своего рукава.

— Да, конечно. Спасибо, что напомнили мне.

Чарльз кивает.

Когда его отец уходит, Кингстон прочищает горло.

— Мы собираемся подышать свежим воздухом перед ужином.

Мы не дожидаемся ответа Чарльза и просто уходим. Как только мы оказываемся на балконе, Кингстон затаскивает меня в темный угол и заключает в медвежьи объятия.

— Блядь. — Он делает несколько глубоких вдохов, прежде чем отстраниться и обхватить мое лицо руками.

— Ты в порядке?

— А ты? —

Он качает головой.

— Это не имеет значения.

— Черта с два, не имеет! — спорю я. — Казалось, что ты был в двух секундах от того, чтобы вырубить своего отца.

Кингстон прижимает свой лоб к моему.

— Потому что так и было.

Я вздыхаю.

— Кингстон.

— Я не мог перестать думать о видео. — Он отстраняется, чтобы посмотреть мне в глаза. — Я не могу не видеть это дерьмо.

Он поворачивается ко мне лицом, когда я провожу пальцем по его брови.

— Я тоже.

Кингстон оглядывается вокруг, чтобы убедиться, что нас не подслушивают.

— Я думал, что справлюсь с этим; что это будет так же, как в любой другой день, когда мне придется выйти на фронт. Но когда я увидел, как он смотрит на тебя, мне захотелось убить его на хрен, Жас. Прямо на месте, не обращая внимания на свидетелей. Я представлял, как бью его головой об пол, пока мозговое вещество не вытечет из его черепа.

Я съеживаюсь от этого тревожного — и в то же время странно удовлетворительного — зрелища.

— Мы не можем позволить твоему отцу добраться до нас, Кингстон. Он победит, а это не вариант.

— Согласен, но это будет нелегко. Подозревать, что мой отец хочет тебя — это одно. А знать, что он фантазирует о тебе, пока трахается с кем-то другим? Что он видит в тебе барьер между ним и десятью миллиардами долларов? Это совсем другое дело, особенно когда ты в пределах его досягаемости. Я не хочу, чтобы ты находилась рядом с ним, Жас. — Кингстон выдыхает.

— Логически я понимаю, что он не стал бы прикасаться к тебе на глазах у всех этих свидетелей, но у меня в мозгу как будто произошло короткое замыкание. Это дерьмо,

которое он только что выкинул? Он не был бы таким наглым, если бы не был уверен в своей способности победить в любой игре, в которую он играет.

— Кстати, об играх... мне показалось, или он подначивал моего донора спермы? Как ты думаешь, он знает, что твой отец спит с Мэдлин?

— Может быть. — Он пожимает плечами. — Между ними определенно что-то происходит, но моя интуиция подсказывает мне, что это больше, чем интрижка.

— Например?

Кингстон качает головой.

— Добавь это в список того, чего я не знаю.

— Так что же нам теперь делать?

Он наклоняется и берет мою нижнюю губу между зубами.

— Мы пойдем туда и будем вести себя хорошо. Полностью ведем себя так, как будто этой встречи никогда не было. После того, как мы поедим, я сделаю обход, и тогда мы сможем осмотреть это место.

— Притвориться, что этого не произошло, легче сказать, чем сделать, когда нам приходится сидеть за одним столом. От одной мысли о том взгляде, который бросил на меня твой отец, мне хочется блевать.

Кингстон приподнимает мой подбородок.

— Не доставляй ему удовольствия от осознания того, что он нас расстроил. Ты самый сильный человек из всех, кого я знаю, Жас, и то, что я тогда чуть не сошел с ума, было всего лишь вспышкой. Я не был готов к его ненормальному поведению, но теперь я готов. Мы просто должны помнить, что нет ничего недопустимого, когда речь идет о Престоне Дэвенпорте. А ты и я? Мы — команда. Если кто и сможет это сделать, так это мы. Не дай ему выиграть этот раунд, Жас.

— Не позволю. — Я откидываю плечи назад, укрепляя свою решимость. — Мы не позволим. Если твой отец хочет драться грязно, пусть дерется. Мы просто должны показать ему, какими крутыми мы можем быть.

Кингстон улыбается.

— Это моя девочка.

3. Кингстон

Главный стол — один из тех прямоугольных, которые стоят отдельно от остальных гостей. Я хмурюсь, когда вижу карточки с указанием, где должен сидеть каждый человек. Всего здесь восемь мест, и — сюрприз, сюрприз — наши отцы в центре, возвышаясь над всеми. Мэдлин и Пейтон сидят слева от Чарльза, а моя сестра и Рид — справа от отца.

Эйнсли, должно быть, специально попросила место для Рида, потому что ни мой отец, ни Чарльз не настолько предусмотрительны, чтобы подумать о чем-то подобном. Карточка с моим именем стоит прямо рядом с папиной, так что это должно быть, мягко говоря, интересно. Поскольку мы с Жас пришли последними, у нас нет возможности переставить карточки. Пересадка за другой стол противоречит нашей цели.

— Назначенные места? — шепчет Жас. — Seriously?

Я наклоняюсь к ее уху.

— Это полный бред, но есть один плюс — ты на три человека отдалилась от моего отца.

— Я не уверена, что Пейтон намного лучше, — бормочет она. — Лучше бы они подали картофельное пюре, или я устрою чертов бунт.

Я смеюсь и наклоняюсь к Жас чтобы поцеловать ее в щеку, прежде чем она займет место.

— Шлюха, — бормочет Пейтон себе под нос.

Я свирепо бросаю взгляд на свою бывшую девушку, но Жас не обращает на это внимания. Она просто приподнимает бровь и говорит: — О, в чем дело, Пейтон? Сильно ревнуешь?

Пейтон хмыкает и поворачивается к Мэдлин, а Жас возвращает свое внимание ко мне.

— Веди себя прилично. — подмигиваю я. — Я прямо по другую сторону стола, если я тебе понадобится.

Она делает отмахивающийся жест.

— Да, да. Иди садись. Я разберусь.

Никто из нас не упускает внимания, которое мы привлекаем со стороны всех трех родителей — и я использую этот термин не совсем точно. Мы с Жас обмениваемся понимающими взглядами, молча признавая, что мы на виду. Как только я сажусь рядом с отцом, он начинает меня допрашивать.

— Сынок. — Он смотрит на меня, медленно отпивая глоток из своего бокала с вином. — Я уже начал думать, что ты не собираешься к нам присоединиться.

— Почему ты так думаешь?

Подбегает официант, и я наблюдаю, как он наполняет мой бокал каким-то мерло. Когда он уходит, я делаю неторопливый глоток из своего бокала — несмотря на то, что я терпеть не могу этот напиток — прежде чем перевести взгляд налево, ожидая ответа.

— Вы с Жасмин казались довольны... расстроенными ранее.

Я наклоняюсь и понижаю голос, чтобы меня мог слышать только отец.

— Тебе пришлось бы приложить гораздо больше усилий, чтобы расстроить Жасмин, старина. Она крепкий орешек, помнишь? Что касается меня, то это все часть работы, которую поручил мне Чарльз, и которую ты усложнил ранее.

Когда я отстраняюсь, взгляд моего отца пронизателен. Оценивающий. Я могу сказать, что он взвешивает правдивость моих слов. Я вспоминаю, что он сказал Пейтон в том видео — как он знает, что я влюблен в Жас, как он ожидал, что это произойдет. Черт, я даже не знаю, как объяснить, что я чувствую к ней, но он, кажется, убежден, а значит, мне нужно убедить его, что он ошибается. Что это все часть игры.

— Это так?

Я с вызовом приподнимаю бровь.

— Разве я дал тебе повод думать иначе?

Взгляд отца переместился со стола в сторону Жас, а затем вернулся ко мне.

— Я...

— Чувак. — Эйнсли подталкивает меня своим плечом. — Когда они собираются подавать еду? Я умираю с голоду.

— Я тоже, — говорю я ей.

Терпеть этот ужин каждый год можно только потому, что застолье впечатляет. Я улыбаюсь про себя, когда думаю о картофельном пюре, точнее, о том, как оно понравится Жас.

Мой отец раздражен тем, сто его прерывают, но я благодарен своему близнецу.

— Мы продолжим этот разговор в другой раз.

— Конечно. — Мой тон пренебрежительный, что еще больше злит его, но я делаю вид,

что не замечаю этого. Я просто поворачиваюсь обратно к сестре и вовлекаю ее и Рида в разговор.

После того, как последние тарелки убраны, люди продолжают общаться, и я принимаю это как сигнал к тому, чтобы поработать с толпой. Чарльз совершает обход с Жас, обращаясь с ней как с ценной вещью, представляя ее нескольким деловым партнерам или знакомым. Моя девочка выглядит несчастной, но я не думаю, что кто-то еще может это заметить. Она знает, что мне нужно время, чтобы собрать информацию, поэтому она берет на себя ответственность за команду. Я убеждаюсь, что Бентли присматривается к Жас, прежде чем найти человека, которого я ищу. Неудивительно, что Александр Иванов — один из предполагаемых сообщников моего отца — стоит рядом с моим отцом в сторонке, увлеченный разговором.

Оба мужчины выпрямляются при моем приближении.

— Кингстон! Рад снова тебя видеть. — Александр протягивает мне руку. — Мы с Престоном как раз говорили о тебе.

Моя хватка, вероятно, крепче, чем должна быть, когда я пожимаю его руку.

— Надеюсь, все хорошо.

Александр усмехается.

— Конечно, конечно.

— Александр как раз рассказывал мне о праздничной вечеринке, которую он устраивает у себя дома, — говорит мой отец. — Он убеждал меня пригласить тебя и Жасмин на праздник.

— Ты не говорил. Это ужасно мило с твоей стороны, что ты подумал о нас.

Черт, я ненавижу эту хрень с общением, особенно с такими напыщенными засранцами, как этот.

— Конечно, я бы подумал о тебе, — заверил меня Александр. — Ты наследник империи Дэвенпорт, в конце концов. Итак, что скажешь? Это в следующую субботу.

— Я должен посоветоваться с Жасмин и перезвонить тебе.

Идти в дом этого придурка, наверное, одно из последних дел, которое я хочу сделать, но это могло бы быть плодотворно, даже я должен это признать. Но это не значит, что я хочу, чтобы Жас была рядом с ним.

Александр бросает растерянный взгляд в сторону моего отца.

— Боюсь, что у моего мальчика полно дел с девчонкой Каллахан. Она не очень-то любит выполнять приказы. Пока что. — Мой отец заговорщически смеется. — Я сомневаюсь, что она будет... восприимчива, если Кингстон примет приглашение от ее имени, не посоветовавшись с ней.

Мой отец не ошибается, и я чертовски ненавижу, что он знает это о ней. Черт, меня бесит, что он вообще что-то о ней знает.

Глубокие морщины образуются вокруг глаз-бусинок Александра, когда он понимающе усмехается.

— А, она немного похожа на дикого мустанг, да? Их нелегко приручить, но от этого владеть ими намного приятнее, верно?

Я ухмыляюсь, представляя, как заеду этому парню в челюсть.

— Точно.

— А как насчет блондинки с большими сиськами? Наследница Деверо? Разве вы не обсуждали брак? Ты все еще держишь ее на связи для разнообразия? — он вытягивает руки

перед грудью, словно хватаясь за пару грудей, и вздергивает брови.

Придурок.

Ни он, ни мой отец не видят, насколько ошибочно их женоненавистничество, и не понимают, почему объективировать кого-то, кому едва исполнилось восемнадцать, — это не нормально. Иванову чуть за сорок, так что разница в возрасте не такая значительная, как у моего отца, но все же. Есть что-то чертовски неправильное, когда мужчина средних лет испытывает вожделение к подростку.

— Нет. У Пейтон проблема с засовыванием слишком большого количества членов в рот. И в другие места, я уверен. — я бросаю короткий взгляд на отца. — Она довольно неразборчива в этом отношении. Никогда не знаешь, кому она отдастся в следующий раз.

Глаза отца сужаются, но я не уверен, потому ли это, что я подвергаю риску наследство Пейтон, или потому что он подозревает, что я знаю, что он трахает ее. Возможно, и то, и другое. О, какие запутанные сети мы плетем, когда вступаем в сговор с целью обмана.

Александр несколько раз моргает, прежде чем сообразить, что на это ответить.

— Ну, если ты хочешь знать мое мнение, то ты поменялся.

Смотрите-ка: крупица правды среди всего этого дерьма.

— Я не собираюсь спорить с тобой по этому поводу.

Я сканирую комнату, немного расслабляясь, когда нахожу Жас. Когда наши глаза встречаются, на ее лице появляется искренняя улыбка, и я не могу не ответить. Чарльз притягивает ее к себе, представляя ее еще одному богатому мудаку, заставляя ее нахмуриться. Мои брови сходятся вместе, когда я имитирую этот жест. Я ненавижу, как ей некомфортно находиться так близко к Чарльзу, изображая идеальную дочь, которой он хотел бы ее видеть.

Я оборачиваюсь и вижу, что отец и Александр смотрят на меня. Иванов подмигивает мне, мол, молодец, сынок, но взгляд моего отца подозрительный со здоровой дозой ревности. Странно видеть этого человека не холодным и роботизированным. Он был настолько закрыт всю мою жизнь, но в последнее время его практически захлестывают эмоции. Удивительно, как появление Жас приподняло завесу, которую мы все старались сохранить на протяжении многих лет. Чарльз, Мэдлин, Пейтон, мой отец, Бентли, я — никто не застрахован. Жас просто оказывает на тебя такое влияние. Борьба с ним бесполезна.

— Если вы позволите, я бы хотел поговорить еще с несколькими людьми, прежде чем мне нужно будет уйти. — мои глаза перебегают на Александра. — Я свяжусь с тобой по поводу вечеринки как можно скорее.

Он кивает.

— Пожалуйста, перезвони. Если это поможет убедить твою подругу, твоя сестра будет там.

Это заставляет меня задуматься.

— Почему это?

Вопрос был адресован Иванову, но вместо него отвечает мой отец.

— Хороший друг Александра — декан Лос-Анджелесской школы исполнительских искусств. Алекс был достаточно любезен, чтобы организовать знакомство. Я знаю, что твоя сестра мечтает о Джуллиарде, но не помешает иметь другие варианты, особенно так близко к дому.

Блядь. Теперь я должен идти, несмотря ни на что. Я ни за что на свете не оставлю Эйнсли в таком уязвимом положении. Кто, черт возьми, знает, как будет выглядеть список

гостей?

Я делаю глубокий вдох, напоминая себе, что нужно сохранять спокойствие.

— Мы скоро поговорим. Приятно было повидаться.

Намереваясь попасть к Жас, я пересекаю комнату, но останавливаюсь на полпути, когда на моем пути встает тридцатилетний темноволосый мужчина.

— Мистер Дэвенпорт.

Я пытаюсь вспомнить этого парня, но у меня ничего не получается.

— Я вас знаю?

Он качает головой. — Нет, но у нас есть общий друг. Мужчина тянется в нагрудный карман своего смокинга и достает визитную карточку.

Рэйф Гарсия, финансовый аналитик.

— О, да? И кто же это?

— Джон Петерсон.

Мои глаза инстинктивно сканируют комнату, ища любого, кто мог бы подслушать этот разговор. Во что играет этот парень? Неужели мой отец каким-то образом узнал о Джоне? Он нанял этого парня, чтобы выудить из меня информацию?

— Извините, но я не думаю, что знаю кого-то по имени Джон Петерсон.

Рэйф мягко улыбается.

— Я понимаю твою нерешительность. Я хотел представиться, чтобы вы могли сопоставить лицо с именем. Номер на этой карточке ведет к ячейке, которую невозможно отследить. Поговорите с Джоном, он поручится за меня. После этого позвоните мне, и мы договоримся о времени встречи.

Мне совсем не нравится, когда меня вот так застают врасплох. Запихивая карточку в карман пиджака, я говорю: — Как я уже сказал, мистер Гарсия, я не знаю никого по имени Джон Петерсон. Если позволите, я как раз собирался поговорить кое с кем. Приятного вечера.

Он кивает.

— И вам того же.

Я подхожу к Жас и Чарльзу как раз в тот момент, когда сенатор и его жена уходят.

— Чарльз, ты не возражаешь, если я уведу свою девушку?

Он выглядит раздраженным, но не собирается устраивать сцену.

— Конечно, нет. Вы, дети, развлекайтесь.

Я жду, пока мы не окажемся вне зоны слышимости, прежде чем заговорить.

— Ты готова уехать отсюда?

— Конечно готова.

Никто из нас не произносит ни слова, пока мы не оказываемся в моей машине, подальше от любопытных ушей. Сегодня вечером мне не удалось пообщаться с достаточным количеством людей, но мои инстинкты кричали мне, чтобы я увез Жас подальше от моего отца. Он не в духе, а моя интуиция еще никогда не сбивала меня с пути, так что я не собиралась игнорировать ее сейчас. Кроме того, поскольку посещение вечеринки Иванова больше не является обязательным, я уверен, что у меня будет еще один шанс. У него и моего отца много общих друзей или деловых партнеров.

Жас вздыхает, пристегивая ремень безопасности.

— Клянусь, если бы мне пришлось встретиться еще с одним конгрессменом, или судьей, или кем-то еще, я бы закричала. Ты бы слышал, какие тошнотворно сладкие вещи говорил

обо мне мой донор спермы. Они все ели у него из рук.

— Я уверен. Для Чарльза все дело в шоу и в том, сколько людей он может запихнуть в свой карман.

— Я не знаю, как можно жить так фальшиво. У них у всех одна и та же блестящая фанера.

Я пожимаю плечами.

— Когда ты растешь в мире, где материальные блага или власть определяют твою ценность, ты привыкаешь выступать. Это все, что большинство из нас когда-либо знало.

— Ну, если хочешь знать мое мнение, это дерьмовый способ жить. Я не знаю, как кто-то может заниматься этим долгое время. Я бы едва выдержала сколько? Полчаса, может быть? Мне приходилось физически прикусывать язык, когда Чарльз расхаживал вокруг меня, как проклятый трофей. Каждый раз, когда он прикасался ко мне по какой-либо причине, даже если это было всего лишь плечо или рука, я боролась с желанием отпрянуть или обругать его. Я не переставала задаваться вопросом о маме. Приходилось ли ей когда-нибудь работать с такой толпой и как она с этим справлялась. Или смотрела ли она на меня, когда я росла, и это каким-то образом напоминало ей о нем.

— Я очень сомневаюсь, что что-то в тебе напоминало о нем твоей маме.

— Да, но ты не знаешь этого наверняка, — возражает Жас. — Он — половина причины моего существования, и, учитывая то, что ты подозреваешь о том, как я появилась на свет, как она могла не смотреть на меня и не вспоминать о том времени в своей жизни?

Она права, но я не собираюсь позволять ей думать, что у нее есть общие черты с этим человеком. Я знаю Чарльза Каллахана всю свою жизнь, и они с Жас не могут быть более противоположными.

— Ну, я выбрался оттуда, не нанеся ни одного удара, так что, думаю, мы должны считать этот вечер победой. Я не сомневаюсь, что мой отец каким-то образом использовал бы такой отвлекающий маневр в своих интересах, а это было главным, что сдерживало меня.

— Тот факт, что я не нанесла ни одного удара в сторону Пейтон после всех ее ехидных комментариев, делает этот вечер победным.

Я смеюсь.

— Но было бы забавно увидеть выражение лица Пейтон, если бы ты это сделала.

Полные губы Жас изгибаются.

— Да. Да, было бы забавно. — после минутного молчания ее улыбка превращается в хмурый взгляд. — Конец уже виден, не так ли? Мы не всегда будем гоняться за монстрами, верно?

Я хватаю ее за руку, лежащую на консоли и прижимаюсь губами к костяшкам ее пальцев.

— Нет, если мне есть что сказать по этому поводу.

4. Жас

— Как насчет этого? — Эйнсли держит перед собой красный кружевной лифчик.

— Он горячий, правда?

— Да, — соглашаюсь я, смотря на ценник. — Но ты действительно собираешься потратить четыреста долларов на лифчик?

Она прижимает кружево к груди, глядя на себя в позолоченное зеркало.

— А почему бы и нет?

Я щиплю себя за переносицу.

— Потому что ты, вероятно, можешь купить почти то же самое в — Victoria's Secret за десять процентов от этой суммы?

Или в Walmart за три процента от стоимости, но я оставляю эту мысль при себе.

Ее тонкие каштановые брови хмурятся.

— Но... это же La Perla. Итальянское нижнее белье ручной работы. И это акция — Черной пятницы, так что на самом деле оно стоит всего триста двадцать.

Я люблю Эйнсли до смерти, но она действительно живет защищенной жизнью, когда дело касается таких вещей, как деньги. Я чуть не развернулась и вышла за дверь, как только увидела первый ценник в этом магазине. Мы находимся в Беверли-Хиллз, на Родео, поэтому я знала, что вещи будут не по карману, но я не представляла, что дизайнерская наценка настолько смехотворна. Мне немного не по себе от осознания того, что мой собственный комод заполнен таким же дорогим бельем, несомненно, благодаря Мэдлин. Этот клочок кружева в руках Эйнсли мог бы стоить почти месячный запас продуктов для некоторых семей.

— Не бери в голову. — качаю я головой. — Оно красивое. Ты должна его купить.

— Мне не нужна красота. Мне больше нравится сексуальность, *которую хочется сорвать зубами*. Это часть рождественского подарка Риду, в конце концов.

— Так и есть, — вздергиваю я брови.

— Возьми подходящие трусики с вырезом сзади, и все будет в порядке.

— Жас!

Уголки моих губ приподнимаются.

— Что? Это ты решила подарить анальный подарок на Рождество.

Мой голос был достаточно тихим, чтобы никто больше не мог нас услышать, но щеки Эйнсли все равно стали пунцовыми. Боже, она делает это так легко, когда я говорю ей о внутренних прихотях Рида.

— Это напомнило мне... Мне нужно купить некоторые вещи в интернете, когда я вернусь домой.

— Например, что? Смазку?

Заносчивая блондинка выбирает этот момент, чтобы пройти мимо и с отвращением усмехается, заставляя меня рассмеяться.

Эйнсли закрывает лицо руками.

— О, мой Бог.

— Да ладно, Эйнс. Ты же знаешь, что я просто издеваюсь над тобой, — я отдергиваю ее руки. — Видишь, что я сделала?

Она качает головой с ухмылкой.

— Ты смехотворна.

— Может быть, — я пожимаю плечами. — Но ты все равно меня любишь.

— Люблю, Жас. Очень, очень люблю.

— Взаимно, детка, — я мягко улыбаюсь ей. — Эй, что ты знаешь об этой вечеринке в следующие выходные?

Когда Кингстон рассказал мне об этой праздничной вечеринке, моим первым инстинктом было «Черт возьми, нет», но когда он упомянул, что там будет Эйнсли, мне пришлось задуматься над этим.

Она берет желтый лифчик и протягивает атласное изделие, прежде чем отказаться от

него.

— Ничего особенного. Просто какой-то парень, с которым мой отец иногда работает, устраивает это. Но, очевидно, он связан с каким-то другим парнем из Лос-Анджелесской школы исполнительских искусств. Возможно, там даже будут присутствовать несколько преподавателей. Я подумала, что было бы неплохо наладить эту связь, и мой папа согласен, поэтому он и пригласил меня пойти с ним.

— Значит, ты идешь на вечеринку с отцом?

— Нет. Рид идет со мной, но мой отец будет там.

— Я думала, ты твердо решила поступать в Джуллиард?

— Да. — Эйнсли хватает несколько пар трусиков. Мне приходится напоминать себе, чтобы я мысленно не считала, сколько денег она тратит.

— Но?

— Но... Я больше не знаю, хочу ли я переезжать через всю страну.

— Из-за Рида? — догадываюсь я.

Она вздыхает.

— Я не хочу быть девушкой, которая отказывается от лучшего выбора в пользу парня, но я буду скучать не только по Риду. Это мой брат, Бент, ты... Вы все планируете остаться в Южной Калифорнии, и я не хочу быть так далеко от вас. Я знаю, мы могли бы навещать друг друга, но это не то же самое. Кроме того, не похоже, что LASPA — дерьмовая школа. У них один из самых высоких показателей трудоустройства после окончания школы в стране. Они постоянно направляют выпускников в Лос-Анджелесский балет.

— Почему ты вообще в Виндзоре? — качнула я головой в сторону, удивляясь, что не подумала об этом раньше. — Ты с детства знала, что хочешь профессионально танцевать. Не то чтобы в этом районе не было нескольких школ исполнительского искусства.

Я поступила в одну из лучших, но папа уговорил меня пойти в его альма-матер. Давенпорты заканчивают Виндзор, и ты — Давенпорт, Эйнсли. Ее голос понижается на несколько октав на последнем предложении. — Вот почему я посещаю так много занятий. Они даже предложили мне работу преподавателя после зимних каникул, что будет выглядеть отлично на бумаге, так что, думаю, я соглашусь. Я не думаю, что многие люди понимают, сколько часов танцоры должны тренироваться каждую неделю, чтобы стать профессионалами.

— Значит, ты не можешь оттачивать свои навыки днем — хотя такая возможность была, — и тебе приходится выполнять полную учебную нагрузку? Затем, не только успевать делать домашние задания, но и посещать танцевальные классы в течение нескольких часов после школы, что оставляет очень мало времени для того, чтобы просто быть нормальным подростком, — качаю я головой. — Какая эгоистичная задница.

— Я привыкла к этому, — пожимает она плечами. — Он был таким столько, сколько я себя помню. Вот почему я всегда стараюсь делать что-то по выходным. Я хочу, чтобы у меня был нормальный подростковый опыт, например, бойфренды, вечеринки и тусовки с друзьями. По крайней мере, как можно больше.

— Ты действительно думаешь, что останешься в Лос-Анджелесе?

— Думаю, это зависит от того, куда меня примут.

— Ну, я не буду жаловаться, если ты так поступишь, потому что я не могу оставить Белль. — сурово тычу в нее. — Но только если ты останешься по правильным причинам, а не ради парня.

Эйнсли улыбается.

— Рид вообще-то предложил поехать, куда бы я ни поехала. Он подавал документы в школы в Нью-Йорке на всякий случай.

Я приподнимаю брови.

— Между вами все так серьезно, да? Черт, когда ты совершаешь что-то, то берешь на себя обязательства.

Она хихикает.

— А, мы с Ридом знаем друг друга почти всю жизнь. Эта штука между нами назревала годами. И второе, кто бы говорил, леди. Ты ведь понимаешь, что я вижу, как вы с моим братом смотрите друг на друга? Насколько он изменился с тех пор, как вы вместе? Какое-то время я очень переживала за Кингстона, но ты делаешь его счастливым, Жас. Я думаю, это первый раз, когда я вижу его по-настоящему счастливым за последние десять лет.

С тех пор, как умерла их мама.

Я не могу себе представить, как ужасно было Кингстону и Эйнсли расти со своим бессердечным отсутствующим отцом после потери мамы. Может, у меня и не было многого в детстве, но меня любили. Мы с Белль никогда не нуждались в ласке, даже когда наша мама часто работала. Мы знали, что она делает это, потому что пытается сделать нашу жизнь лучше.

А когда мы были втроем? Моя мама всегда заботилась о том, чтобы это было качественное времяпровождение. Чем бы мы ни занимались — играли в игры, ходили на пляж или ходили в кино — все мы трое были вовлечены и активно участвовали. Я бы все отдала за еще один шанс прижаться к ней и Белль, пока мы смотрим фильмы Дисней.

Смогу ли я когда-нибудь перестать так сильно скучать по ней?

Мой телефон зажужжал в кармане, заставив меня подпрыгнуть. Я улыбаюсь, когда достаю его и вижу текстовое уведомление от Кингстона.

Кингстон: Вы двое уже закончили???? Сколько времени нужно, чтобы купить это дерьмо?

Я: Так нетерпелив?

Кингстон: Когда я жду встречи с тобой? Всегда.

— Видишь! — Эйнсли показывает на меня. — Это выражение твоего лица. Минуту назад ты выглядела грустной, а сейчас ты практически светишься.

Я закатываю глаза.

— Это не так.

— Конечно, Жас. Как скажешь.

Я показываю ей средний палец, прежде чем напечатать ответ ее близнецу.

Я: Мы в La Perla, но я думаю, что это наша последняя остановка.

Кингстон: Расскажи мне больше... А еще лучше, пришли мне фотографию из примерочной. *руки в молитве эмоджи * руки в молитве эмоджи

Я хихикаю, все еще привыкая к тому, что этот задумчивый парень любит использовать эмодзи. Я бы отнесла его к тем, кто пишет сообщения только в виде законченных предложений, используя правильную грамматику, на полном серьезе и все время.

Я: Извини, но не я делаю покупки. Твоя сестра выбирает откровенное нижнее белье для Рида прямо перед тем, как они займутся этим. Или, может быть, КОГДА они займутся этим.

Я могу только представить, какой ужас сейчас у него на лице. Каким бы грязным ни был

Кингстон, он не хочет участвовать в разговорах о сексе, когда в них замешана его сестра.

Кингстон: Ты *эмодзи дьявола*.

— Что смешного? — спрашивает Эйнсли, видя мое забавное выражение лица.

Я протягиваю ей свой телефон, чтобы она могла пролистать мою переписку с Кингстоном.

— О, детка, ты такая потрясающая. Держу пари, его буквально сейчас тошнит.

— Возможно. — мои пальцы летают по экрану, пока я набираю ответ.

Я: Я заглажу свою вину * поцелуй эмодзи * язык эмодзи * баклажан эмодзи * рука

ок эмодзи

Кингстон: Ты прощена. И я с радостью верну тебе должок *язык эмоджи *персик

эмоджи

Я фыркаю и смеюсь, засовывая телефон обратно в карман.

— И что теперь?

Мои губы подрагивают.

— Тебе лучше не знать.

Эйнсли придерживается того же правила — запретной зоны, когда речь заходит о сексуальной жизни ее брата.

— Фу. — лицо Эйнсли скривилось, как будто она сосет желтый Sour Patch Kid.

— Новая тема. Ты уже решила, что будешь делать на день рождения своей сестры?

Белль скоро исполнится восемь лет. Это будет ее первый день рождения без мамы, поэтому я хочу, чтобы он был особенным.

— Кингстон сказал, что он над чем-то работает, но он не хочет рассказывать мне подробности, пока не получит подтверждение, потому что не хочет обнадеживать меня.

— Какого рода подтверждение?

Я пожимаю плечами.

— Не знаю. Я сказала ему, что хочу участвовать в планировании, потому что она — моя ответственность, но он сказал, что для меня это тоже сюрприз. Он пообещал, что я буду довольна результатом, если у него все получится. Он никогда не упускал случая хорошо провести время, когда строил планы на воскресенье, так что я смирилась с этим. Сделать этот день прекрасным для Белль — вот что самое важное.

— Он тоже ее любит, ты же знаешь. — улыбается Эйнсли.

— А?

— Белль. Кингстон тоже любит Белль. Я никогда раньше не видела, чтобы он так заботился о ребенке. Я думаю, это отчасти потому, что она — продолжение тебя, но также потому, что ему нравится быть рядом с ней. Его лицо светится, когда он говорит о ней.

— Он говорит о моей сестре? Когда? Что он говорит?

Она кивает.

— Каждый раз, когда вы с ней гуляете. Когда я не с вами, ему приходится пересказывать весь день для меня. А ты знаешь, что она иногда пишет ему в FaceTime?

— Что?!

Эйнсли хихикает.

— Да. Я думаю, он запрограммировал свой номер в ее iPad как запасной, или что-то вроде того, если она не сможет дозвониться до тебя. Но однажды она позвонила ему, и они проговорили больше часа. Потом они стали делать это полурегулярно.

— Не стали.

Она делает крестик над сердцем.

— Библия. Я была с ним в домике у бассейна, когда это случилось в первый раз.

Я качаю головой в замешательстве.

— Почему я только сейчас об этом узнаю? И без обид, но почему я узнаю об этом от тебя, а не от него?

— Честно? Я думаю, это потому, что он боится, что ты подумаешь, что он использует ее, чтобы стать ближе к тебе.

Я несколько раз моргаю, не зная, как на это реагировать. Я думала об этом ни раз, по крайней мере, вначале. У Белль нет от меня секретов, но она явно держала это при себе, что говорит мне о том, что она дорожит этими личными разговорами с Кингстоном. Она хочет установить с ним особую связь, потому что тоже любит его.

— И ты не думаешь, что это так?

Голова Эйнсли поворачивается влево, затем вправо.

— Вовсе нет. Я думаю, ему просто очень нравится быть рядом с ней. Может быть, Белль напоминает ему о том, какой была жизнь до того, как он стал таким измученным.

Я вытираю уголок глаза.

— Он когда-нибудь перестанет меня удивлять? Кингстон действительно один из хороших парней, не так ли?

Я уже знала, что в Кингстоне есть нечто большее, чем он позволяет видеть большинству людей, но быть рядом с Белль вот так, без скрытых мотивов? Это то, что должен делать тот, кто планирует остаться.

— Так и есть, — подтверждает Эйнсли. — Если только ты не будешь угрожать людям, которых он любит. Не знаю почему, но мне кажется, что мы только мельком увидели, на что способен мой брат, когда он избивал того Лоусона, Жас. Честно говоря, я не могу сказать, как далеко он готов зайти, чтобы причинить кому-то боль, да и, наверное, не хочу знать, если честно, но добро — последнее слово, которым я бы описала его намерения. Кингстон — стопроцентный альфа, когда дело касается его стаи. Если ты посягнешь на его людей, он разорвет тебя в клочья.

Я не сомневаюсь в этом ни на секунду. Вопрос в том, почему меня это так возбуждает? Одна из загадок жизни, я полагаю.

5. Кингстон

— Как прошел ужин? — спрашивает Джон. — Есть прогресс?

— Не так много, как хотелось бы, — признаю я. — Но мне нужно было выбраться оттуда. Мой отец был в редкой форме.

— Как это?

Я провел пальцами по волосам.

— Он был гораздо смелее с Жас, чем мне бы хотелось.

— Не могу сказать, что я удивлен после просмотра записей из его офиса. Твой отец кажется более... эмоционально реактивным, чем обычно.

После того, как мы нашли видео с Пейтон и моим отцом в его кабинете, я отправил Джону сообщение с отметкой времени, чтобы он тоже мог посмотреть его.

— Так и есть, и это начинает меня беспокоить. Престон Дэвенпорт не умеет проявлять чувств, и он слишком помешанный на контроле, чтобы позволить другим внешне влиять на него, но с каждым днем это меняется все больше и больше. Вчера вечером мне пришлось

вытащить оттуда Жас. Я боялся, что либо она устроит сцену, либо это сделаю я. Его поведение застало нас врасплох.

— Не сомневаюсь.

— Кстати, о том, что меня застали врасплох... на вечеринке мне представился мужчина.

Я никогда не видел его раньше, но он сказал, что знает тебя.

— Он назвал меня по имени? — в тоне Джона явно слышится удивление.

Я киваю, вспомнив, что он не может видеть меня по телефону.

— Да, что по понятным причинам мне не понравилось. Он дал мне свою визитную карточку и сказал, что ты за него поручился. Этот парень финансовый аналитик, я полагаю.

— Как зовут этого парня?

Я смотрю вниз на визитку.

— Рэйф Гарсия. Ты его знаешь?

Мой частный детектив не произносит ни слова в течение добрых тридцати секунд.

— Не мог бы ты описать его мне?

— Около тридцати лет, среднего телосложения, каштановые волосы, возможно, латиноамериканец. Голос у него был довольно хриплый.

— Это из-за травмы, полученной на рабочем месте несколько лет назад.

Мои брови приподнимаются.

— Так ты его знаешь?

— Да, я его знаю, — подтверждает Джон.

— Так в чем же его дело? И откуда он знает о нашей ассоциации?

Джон прочищает горло.

— Ну, одно я могу тебе сказать: Рэйф точно не финансовый аналитик, а Гарсия — это псевдоним.

— Как Петерсон, — предполагаю я.

— Точно, — усмехается он.

— Итак, если он не аналитик, почему он им притворяется? Чем он на самом деле занимается?

— Он агент ФБР — мой старый приятель. Если он сказал тебе, что я поручусь за него значит, он хочет, чтобы ты это знал.

Джон был агентом до того, как стал частным детективом. Я всегда подозревал, что Петерсон — не его настоящая фамилия, но он никогда не подтверждал этого до сих пор. Я мало что знаю о его прошлом, кроме того, что он работал глубоко под прикрытием. Возможно, поэтому он так чертовски хорош в своей работе. Он ушел из бюро после того, как произошла какая-то крупная неприятность, но не мог избавиться от чувства беспокойства. Работа частным детективом позволила ему получить свою дозу, я полагаю.

— Значит, этот парень — агент? Думаешь, он работает под прикрытием?

— Мне нужно сделать несколько звонков, чтобы быть уверенным.

Я тяжело вздохнул.

— Мне не нравится, что он искал меня на том ужине. Что, если мой отец увидел нас? Что он вообще там делал?

— Кингстон, я знаю одно: Рэйф не стал бы подходить к тебе, если бы не чувствовал, что это безопасно. Он хорошо обучен оценивать риск, и он чертовски хорош в своем деле.

Я потираю затылок.

— Как ты думаешь, ФБР следит за моим отцом или Каллаханом? Или за обоими?

— Если да, то это значительно облегчит мою работу.

— Почему это?

Клянусь, я слышу, как Джон улыбается.

— Потому что ФБР любит раздвигать границы, когда речь идет о внешних подрядчиках, так сказать. Они с радостью делятся информацией и ресурсами. Если Рэйф захочет, чтобы я был их связным — а я подозреваю, что он может, учитывая то, как он обратился к тебе, — то в моем распоряжении будет гораздо больше людей.

— Зачем ФБР это делать? Это кажется рискованным.

— Потому что если дело пойдет наперекосяк, а агент не будет непосредственно вовлечен, правительство сможет отрицать свою причастность. Но если все пойдет не так, как они планировали, за тобой будет стоять агентство, которое произведет аресты и защитит твою анонимность. Если ты когда-либо видел новости о задержании мафии, это прекрасный пример. Они часто используют кого-то изнутри, потому что преступные группировки не очень хорошо относятся к новичкам. Но ты никогда не слышал об этих людях, не так ли?

— Почему у меня такое чувство, будто я только что попал на съемочную площадку фильма о мафии? — пробормотал я.

— Это намного точнее, чем можно подумать, — смеется он. — Рэйф, очевидно, знает, что я копаю, и если он это знает, то только потому, что он очень искал. Я знаю, как прикрыть свою задницу, и только кто-то с определенным набором навыков мог меня отследить.

Я вытягиваю шею из стороны в сторону.

— И у этого Рэйфа есть такие навыки?

— Есть.

— Так почему бы просто не подойти к тебе, если вы уже знакомы? Почему сначала пришел ко мне?

— Что именно он тебе сказал?

— Что у нас есть общий друг — ты — и что он хотел, чтобы я сопоставил лицо с именем. Он сказал мне позвонить ему и договориться о встрече после того, как ты за него поручишься.

— Зная Рэйфа, я понимаю, что все очень просто. Вы были в одном и том же месте одновременно, и он воспользовался возможностью встретиться с тобой лично. Он должен был знать, что я заполню пробелы, как только ты поговоришь со мной.

— Значит, я должен позвонить ему?

— Пока подожди. Позволь мне сделать несколько звонков, и я свяжусь с тобой, чтобы обсудить наши дальнейшие действия.

— Ты действительно думаешь, что этот парень может помочь нам уничтожить моего отца и Каллахана?

— Думаю, стоит попробовать.

Ну, черт. Как я могу отказать?

— Черт, — говорит Рид. — Это ведь хорошо, да?

Я только что закончил рассказывать Риду и Бентли о друге Джона из ФБР. Они зависали дома у Рида, поэтому я зашел к ним, как только повесил трубку.

— Джон думает, что это может быть так. Он собирается немного покопаться в этом, прежде чем выяснить, какими должны быть наши дальнейшие действия. Что бы это ни было,

это должно произойти в ближайшее время. Я не знаю, сколько еще всего я смогу вынести.

Рид нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

— Мой отец... его зацикленность на Жас. Два года у меня не было проблем с тем, чтобы сосредоточиться на конечной цели, но теперь, с тех пор как я увидел видео с Пейтон, мне приходится бороться каждый день. А то дерьмо, которое он устроил вчера? Я хотел убить его, чувак. Я буквально хотел покончить с его жизнью на месте. Я знаю, что он планирует сделать что-то действительно ужасное, и Жас в центре этих планов. Это пугает меня до смерти.

— Почему ты так уверен? — спрашивает Бентли.

— Потому что я его знаю, — отвечаю я. — Я потратил свою жизнь на его изучение. Этот человек — социопат и совершенно ебанутый на всю голову. Я наблюдал, как он годами обращался с женщинами как с дерьмом, и никогда не чувствовал себя в своей тарелке, но дело не в этом. Я никогда не видел, чтобы он был так одержим чем-то. Как будто он хочет больше, чем просто секс с Жас. Он хочет владеть ею, разумом, телом и душой. И самое безумное... Я искренне думаю, что у него в голове может быть какая-то извращенная идея, что она захочет быть с ним.

Губы Бента истончились.

— Это безумие.

— Я никогда не говорил, что он в здравом уме, — пожимаю я плечами. — Дело в том, что... Я не понимаю. Совсем. Он едва знает ее, был рядом с ней всего несколько раз. Думаю, поэтому я чувствую себя как не в своей тарелке. Это просто не имеет никакого чертова смысла.

Рид прочищает горло.

— Это может быть как-то связано с ее мамой?

Мои глаза переходят на него.

— Что ты имеешь в виду?

— Он знал ее маму, верно?

— Да. И?

— Как ты думаешь, возможно ли, что он был одержим ею и переносит эти чувства на Жас?

Мое дыхание со свистом вырывается из груди.

— Святое дерьмо. Теперь в этом есть смысл.

Какого хрена я не подумал об этом раньше?

Рид приподнимает плечи.

— Может, все не так сложно, в конце концов.

— Черт, — я провожу рукой по лицу. — Это может сделать все еще хуже. У него были бы годы, чтобы развить одержимость мамой Жас. Кто знает, что, черт возьми, произошло между ними тогда? Единственный человек, которого я мог бы спросить, мертв.

— Чувак, может быть, эта история с ФБР станет тем прорывом, которого ты так долго ждал, — Бентли тянет бильярдный кий назад и ломает, пробивая две полосы.

— Может, тебе просто нужно держать его подальше от Жас, пока они не смогут произвести арест. Уехать из города на некоторое время. Вы двое могли бы договориться о прохождении онлайн-курса.

Я качаю головой.

— Она никогда не оставит свою сестру, и даже если бы это не было проблемой, Жас слишком чертовски упряма, чтобы сбежать. К тому же, это было бы подозрительно. Мы не можем позволить себе сделать что-то, что выдаст моего отца или Каллахана. Кроме того, мы понятия не имеем, сколько времени понадобится ФБР, чтобы сделать свое дело. Джон сказал, что они не будут предпринимать никаких шагов без достаточных неопровержимых доказательств, потому что у них есть только одна попытка.

— Вот дерьмо, — бормочет Бентли, готовясь к следующему броску.

Я делаю длинный глоток из своей бутылки с водой.

— Согласен.

Бент возится со своим телефоном в течение секунды, прежде чем песня Foo Fighters — The Pretender начинает звучать через динамики Bluetooth.

Я поднимаю свой бокал за него.

— Хороший выбор песни.

Он ухмыляется.

— Я подумал, что это уместно.

Бентли наконец промахивается, и Рид берет кий и отправляет три шара.

— Эйнс только что написала, что они будут здесь через несколько минут.

Эйнсли и Жас решили встретиться с нами здесь после своего похода по магазинам. Родители Рида уехали в свой домик в Тахо на длинные выходные, так мы здесь одни. Оба наших отца дома, так что мы с Жас, вероятно, переночуем сегодня в одной из его гостевых спален.

— У меня все готово к поездке, — говорю я. — Я собираюсь рассказать об этом Жас сегодня вечером.

Бент тычет в меня кулаком.

— Черт, сынок, кое-кто получит сегодня особенно хорошую любовь.

Я закатываю глаза на этого дурака.

— Это произойдет в любом случае.

Маленький план Жас по отказу от секса потерпел крах и сгорел очень быстро. Она продержалась целых десять минут после того, как мы вернулись ко мне домой прошлой ночью, прежде чем ей практически захотелось секса.

— Что ты там так улыбаешься? — спросил Рид.

Хм. Я и не заметил, что улыбаюсь.

— Просто вспоминаю кое-что из прошлой ночи.

Рид бросает на меня понимающий взгляд.

— А. Понял.

Эти ублюдки иногда слишком хорошо меня читают.

— Значит, Жас понятия не имеет, что ты запланировал? — зажигалка Бентли мерцает, когда он затягивается из своей трубки.

Я качаю головой.

— Нет.

У Белль скоро восьмой день рождения, и Жас хотел сделать что-то особенное в честь этого. Поскольку я хотел сделать что-то особенное для них обоих, я договорился с отцом Белль, чтобы он забрал ее на все выходные. Мне не терпится увидеть выражение лица этой очаровательной малышки, когда мы въедем в ворота Диснейленда.

Белль будет в восторге, когда увидит, куда мы едем. Ни одна из них никогда не была в

Диснее, поэтому я купила MaxPasses. Я собирался сделать все по VIP-цене, но, думаю, Жас предпочтет бродить по паркам без гида.

Брови Бентли сошлись вместе.

— Как можно вырасти в Южной Калифорнии и ни разу не побывать в Диснейленде?

Я даю ему минуту на размышление, прежде чем вижу, как загорается пресловутая лампочка. Диснеевские тематические парки не очень-то дешевы. Честно говоря, я не знаю, как средняя семья среднего класса может себе это позволить, не говоря уже о тех, кто вырос в государственном жилье.

Рид и Бент одинаково ухмыляются.

— Что это за выражение?

Губы Рида подергиваются.

— Никогда не думал, что доживу до этого дня, чувак.

Я хмурюсь.

— До какого дня?

— Того, что ты стал избитым пиздой ублюдком. — Бентли делает движение кнутом — в комплекте со звуковыми эффектами — чтобы подчеркнуть свое заявление.

Я отшиваю этих засранцев, пока они смеются над этим.

— Что смешного?

Глаза Рида загораются, когда Эйнсли входит в комнату.

— Просто издеваюсь над твоим братом.

Мои губы дергаются, когда Бент переключает песню.

Она делает какой-то странный вращательный жест рукой.

— Во что бы то ни стало, не позволяй мне остановить тебя.

Мои глаза сужаются.

— Вы все можете отвалить.

Когда Жас входит в комнату, я собираю в кулак волосы на ее затылке и крепко целую ее в губы. Черт, она хорошо выглядит сегодня. Она хороша как черт в любой день, но почему-то сейчас еще лучше. Я был внутри этой женщины менее двенадцати часов назад, но, похоже, мне этого никогда не будет достаточно.

— Не ты. Но ты можешь меня трахнуть. — я игриво вздергиваю брови, когда Cardi B читает рэп о парковке Mask Truck в маленьком гараже.

Шоколадные глаза Жас подмигивают от удовольствия.

— Я так уверена.

Я шлепаю ее по заднице, когда она проходит мимо меня, чтобы занять место на кожаном диване.

— Просто назови время и место, детка.

— Как прошел шопинг? — спрашивает Рид мою сестру.

Эйнсли улыбается.

— Скажем так, я рада, что одолжила Ровер Кингстона.

— Ты бы видел платье, которое Эйнсли купила для праздничной вечеринки. В нем ее задница выглядит эффектно. То есть, она и так была великолепна, но платье просто огонь. Спорим, тебе не терпится его увидеть, а, Рид? — Жас сверкнула зубастой улыбкой и сделала шлепающее движение в воздухе.

К сожалению, эта штука с чтением мыслей между мной и парнями работает в обе стороны, поэтому я точно знаю, о чем сейчас думает Рид. Связь с близнецами тоже работает,

так что я прекрасно представляю, что на уме у моей сестры, когда она смотрит на Жас расширенными глазами, хотя я изо всех сил стараюсь выкинуть все это из своей головы.

Взгляд Рида на мгновение переходит на меня, а затем переключается на Жас. Он выглядит задумчивым, обдумывая ее вопрос, хотя я сомневаюсь, что он пытается сформулировать ответ. Скорее всего, ему интересно, как много Жас знает о его сексуальных наклонностях. Мои глаза блуждают по ней, задаваясь тем же вопросом, потому что кажется, что она специально подкалывает его.

Мы с Жас немного поиграли с задницей, что ей определенно понравилось, но у нас никогда не было разговора о полном доступе к задней двери. Мне это не нужно, как Риду, но я не могу сказать, что мне не понравилось бы, если бы тугая попка Жас обнимала мой член. Мне любопытно, насколько она открыта к этому вопросу.

Блядь.

Мне действительно нужно подумать о чем-то другом, потому что последнее, чего я хочу, это чтобы у был стоял стояк перед сестрой и этими двумя придурками.

Мои глаза сужаются в сторону Рида, когда я присоединяюсь к Жас на диване, притягивая ее к себе.

— Не отвечай.

Рид протягивает ладони.

— Я и не собирался.

Моя сестра насмехается.

— Идиоты.

Бент бросает игру в бильярд и садится на место рядом с Жас. Он кладет маленький бутон в чашу своей трубки и протягивает ей.

— Сначала дамы.

— Такой джентльмен. — Жас обхватывает губами мундштук, заставляя меня думать о том, как она обхватывает губами мой член.

Бядь. Я делаю это снова. Я сжимаю Жас, растирая свою растущую эрекцию о ее спину, чтобы получить некоторое облегчение. Она извивается, вжимаясь в меня, а затем поворачивает голову и подмигивает.

Я щиплю ее за бок и опускаю рот к ее уху.

— Не дави на меня, Жас. Я уже близок к тому, чтобы вытащить тебя отсюда, — я держу указательный и большой пальцы на расстоянии дюйма друг от друга, чтобы продемонстрировать.

— Убери дубинку, пещерный человек.

Жас пытается передать мне трубку, но я отказываюсь. Если она и дальше будет так дразнить меня, мы недолго пробудем в этой комнате. Если она захочет назвать меня пещерным человеком, я перекину ее через свое чертово плечо и покажу ей пещерного человека.

— Ты заплатишь за это позже.

— Сделай это, детка, — отвечает она.

Я стону. Эта девушка постоянно испытывает мое терпение и самоконтроль. Очевидно, я стал мазохистом, потому что я получаю удовольствие от этого дерьма.

Очень сильно.

6. Жас

Каникулы в честь Дня Благодарения пролетели слишком быстро, если вы хотите знать мое мнение. Большую часть каникул я провела у Кингстона, за исключением похода по магазинам с Эйнсли или еженедельного свидания с Белль. Я все еще не могу прийти в себя от того, что Кингстон запланировал на день рождения Белль. Было так трудно не проболтаться, когда я увидела ее вчера. Мы с Кингстоном договорились держать это в секрете, пока не приедем туда. Я никогда не была в Анахайме, но он сказал, что как только въезжаешь в город, повсюду вывески Disney. Кингстон считает, что есть большая вероятность, что она не поймет, пока мы не проедем на машине через ворота.

Белль будет в полном восторге, и я не могу дождаться, чтобы увидеть ее реакцию. И если честно, я и сама безумно взволнована. У меня уже есть список принцесс, которых мы должны увидеть, и я уверена, что моя сестра тоже захочет познакомиться с несколькими феями. В каком-то смысле это и горько, и сладко, потому что я всегда думала, что если у меня и будет шанс поехать, то только с мамой и Белль, но я знаю, что наша мама хотела бы этого для нас. Она любила фильмы Дисней — отсюда и наши имена — так сильно, что она позаботилась о том, чтобы мы с Белль посмотрели как можно больше фильмов.

Каждый раз, когда она видела DVD на дворовой распродаже, или если один из них был на распродаже в Walmart, она добавляла его в нашу коллекцию. Каждый раз, когда мы устраивали семейный вечер кино, мы с большой вероятностью выбирали один из них. Я рада, что Белль смогла забрать эту коллекцию с собой в дом своего отца. Может быть, однажды она сможет передать эту традицию дальше.

— Ты готова к этому?

Я быстро моргаю, осматриваясь вокруг. Я была настолько погружена в свои мысли, что даже не заметила, как мы с Кингстоном въехали в ворота Академии Виндзор.

Я перевожу взгляд на своего парня.

— Если мне придется.

— По крайней мере, до зимних каникул осталось всего несколько недель, — глаза Кингстона искрятся весельем. Сегодня они особенно зеленые, с крошечными золотыми вкраплениями. Меня всегда поражает, как резко они меняют цвет.

— Затем, десять недель до весенних каникул, а после этого, чуть больше двух месяцев, прежде чем мы навсегда уедем из этой дыры.

Я улыбаюсь.

— Не то чтобы ты следил за этим или что-то в этом роде.

— Нет. Вовсе нет, — он ухмыляется, прежде чем его выражение лица становится мрачным. — Знаешь, я, честно говоря, не особо возражал против школы, пока ты не появилась.

Я усмехаюсь, скрещивая руки на груди.

— Ну и ладно. Большое спасибо.

Он протягивает руку и опускает мои конечности.

— Я не это имел в виду. Просто для меня все было легко. Я мог идти по жизни с минимальными усилиями, не считая классной работы. Никто не вставал на моем пути; один день перетекал в другой. Это было приятным отдыхом от всего того дерьма, с которым мне приходилось сталкиваться с нашими отцами после школы.

— Что изменилось?

— С тех пор, как ты приехала... я все время начеку, черт возьми. Сначала это было потому, что ты меня заинтриговала, и я пытался понять, чем ты так отличаешься от других.

А теперь я постоянно слежу за теми, кто попытается поиздеваться над тобой. И прежде, чем ты это скажешь, я знаю, что тебе это не нужно, но я ничего не могу с собой поделать. Мой внутренний пещерный человек, которого ты так любишь, требует этого. К тому же, совершенно очевидно, что ты ненавидишь это место, а это не вызывает у меня теплых и приятных чувств.

Я вскидываю бровь.

— Что-нибудь вызывает у тебя теплые чувства?

— Я могу придумать кое-что, что согревает меня.

— Я имела в виду, кроме моей вагины, — сухо сказала я.

Его дурацкие губы, предназначенные для поцелуев, подергиваются.

— Пара других мест приходит на ум, но я не могу судить о них по опыту. Пока что.

Я непроизвольно вздрагиваю, когда тепло разливается между моими бедрами.

— Ты действительно заговорил об анале прямо сейчас?

Кингстон без стеснения пожимает плечами.

— Это было у меня на уме.

Я смеюсь.

— О, правда? С чего ты взял, что мне это будет интересно?

— О, тебе будет интересно, — его глаза прожигают дорожку вниз по моему телу и снова поднимаются вверх. — Я не могу не поинтересоваться...

— Не поинтересоваться чем?

— Лишил ли Тако Трак Шон вас обеих девственности, — Кингстон кладет свою руку на мое голое бедро, слегка сжимая его.

Накрываю его руку своей, когда он пытается залезть под мою клетчатую юбку.

— Во-первых, это все еще просто Шон.

Теперь его брови приподнимаются.

— А во-вторых?

— А во-вторых... — мои глаза сужаются, когда он вырывается из моей хватки, и его рука начинает подниматься. Мое дыхание сбивается, когда он добирается до кружевной отделки моих хлопковых трусиков.

— Во-вторых... — мои ноги непроизвольно раздвигаются, открываю Кингстону лучший доступ. Я хватаюсь за край кожаного сиденья, когда он проводит указательным пальцем по промежности моих трусиков.

— В чем дело, Жас? — насмехается этот засранец. — Ты потеряла ход мыслей?

— Отъебись.

Я задыхаюсь и откидываю голову назад, когда он ныряет под материал, скользя пальцем по моей влажной коже. Я рада, что сегодня утром он взял Range Rover, так что мы находимся достаточно высоко от земли, чтобы прохожие не могли увидеть, чем мы занимаемся, если только они не подойдут прямо к окну, потому что я действительно не хочу, чтобы он останавливался. Язык Кингстона проводит линию вниз по моему затылку, в то время как он вводит в меня два длинных пальца одним движением. Я так неловко мокрая, что не чувствую никакого сопротивления.

— Ммм... Я бы предпочел трахнуть тебя. Но сейчас мне придется довольствоваться этим.

Он отстраняется, изучая мое лицо, пока вводит и выводит пальцы, тщательно изучая каждую мою черту. Я уверена, что мои глаза такие же дикие, как и его, и я чувствую румянец

на своих щеках. Взгляд Кингстона опускается к моему рту, и я закусываю нижнюю губу, стараясь не издавать никаких звуков. Это требует значительных усилий, потому что этот парень так же талантлив в обращении с руками, как и с другими частями тела.

Подушечка его большого пальца рисует ленивые круги по моему клитору, приближая меня все ближе и ближе к краю. Я извиваюсь, когда он загибает пальцы внутри меня, вызывая мать всех оргазмов. Он наступает так внезапно, что я резко вдыхаю от неожиданности и подхватываю волну. Кингстон убирает руку из-под моей юбки, как только все заканчивается, и начинает облизывать свои пальцы. Это совершенно непристойно и очевидно почему он это делает, но я слишком блаженствую в своем послеоргазменном тумане, чтобы обратить на это внимание.

Он оскаливается в злобной ухмылке.

— Ты так и не ответила на мой вопрос.

— Да... ну... — я жестом показываю на свои колени, где мои трусики все еще не на месте. — Ты отвлек меня.

— Не собираюсь извиняться. — Господи, может ли он быть еще более самодовольным?

Я смотрю в окно и вижу, что на парковке совсем нет людей. Когда мой взгляд переходит на часы на его приборной панели, я ругаюсь.

— Черт. Мы опаздываем на первый урок.

— Оно того стоило.

— Агаа. — Я добавляю букву А в конце.

— Ну что? Ты собираешься ответить на этот чертов вопрос?

Я одариваю Кингстона ленивой улыбкой.

— Я не хочу говорить тебе, потому что тогда ты начнешь свое «Должен быть первым — и единственным, если мне есть что сказать по этому поводу — покорителем».

— Это все, что мне нужно, детка, — он хватает меня за шею и крепко целует в губы. Я чувствую слабый привкус своего возбуждения на его губах. — И ты можешь поставить на кон свою сладкую, нетронутую задницу, что так будет недолго.

— Такой самоуверенный, — я закатываю глаза, чтобы подчеркнуть свою точку зрения.

Полные губы Кингстона изгибаются.

— На это есть причина.

Да. Да, есть.

Но я не даю ему удовольствия произнести это вслух. Кингстон Дэвенпорт меньше всего нуждается в том, чтобы кто-то подпитывал его огромное эго. Вместо этого я высовываю язык и добавляю средний палец для пушей убедительности, но это только смешит придурка.

Мои глаза сужаются.

— Тебе повезло, что ты мне нравишься.

— О, нравлюсь, да?

Я держу большой и указательный пальцы на расстоянии полудюйма друг от друга.

— Совсем чуть-чуть.

Его большое тело перелезает через центральную консоль и приземляется на заднее сиденье.

Я поворачиваюсь в своем сиденье.

— Что ты делаешь?

Кингстон протягивает руку и расстегивает мой ремень безопасности.

— Не делай вид, что удивлена, Жас. Это ты бросила перчатку.

— И что ты собираешься с этим делать? — уверена, что мой тон не мог быть более нахальным.

— Я собираюсь напомнить тебе, что я нравлюсь тебе гораздо больше, чем — немного”. Он протягивает руку. — А теперь тащи свою задницу обратно.

Если бы кто-нибудь спросил, я бы отрицала это до посинения, но я уверена, что никто и никогда не запрыгивал на заднее сиденье быстрее.

— Эйнсли говорила что-нибудь обо мне в последнее время?

Я улыбаюсь Риду.

— Она много чего говорит о тебе.

Пока мы идем по оживленному коридору, я краем глаза вижу, как он испепеляет меня взглядом.

— Например, что конкретно? Говорила ли она что-нибудь о... потому что кажется, что, возможно, ты знаешь...

Я опираюсь ногой о шкафчик, который находится рядом с моим последним уроком в этот день. Я учусь в одном классе с Эйнсли, так что с его стороны довольно нагло спрашивать меня об этом прямо сейчас. Она должна быть здесь с минуты на минуту. — Знаешь о чем?

— Обо мне. О том, как быть со мной.

Я вздыхаю.

— Слушай, Рид. Я не собираюсь нарушать девчачий кодекс, но давай просто скажем, что Эйнсли — счастливая девушка. Ты делаешь ее очень счастливой во всех отношениях. Если ты хочешь узнать что-то еще, спроси у нее.

Рид выглядит неуверенно.

— Ты искренне это говоришь? Она не сбита с толку?

— С чего бы ей быть сбитой с толку? Потому что тебе показалось, что у нее отличная задница? Любой, у кого есть глаза, может это увидеть.

Его зеленые глаза расширяются. Боже, как мне нравится с ним возиться.

— Ты действительно знаешь.

— Не имею ни малейшего понятия, о чем ты говоришь, приятель, — я снисходительно похлопываю его по щеке.

Он проводит рукой по лицу.

— Господи, теперь я понимаю, почему Кингстон так расстроен все это чертово время.

— Да, — я пожимаю плечами. — Он может вести себя так, будто ненавидит это, но мы с тобой оба знаем, что это не так.

Его губы подергиваются.

— Трогательно.

— Привет, ребята.

Кстати, о женщине этого часа...

Лицо Рида светлеет, когда его взгляд находит мою лучшую подругу.

— Привет, — он обхватывает ее челюсть обеими руками и целует прямо в губы.

Мои брови приподнимаются.

— Итак, ты делаешь это прямо сейчас, да?

— Думаю, да, — Эйнсли все еще смотрит на Рида сияющими глазами, когда отвечает мне. — Зачем это было?

— Скучал по тебе, — шепчет он ей в губы.

Она ненадолго закрывает глаза и мягко улыбается.

— Я тоже по тебе скучала.

Эйнсли и Рид довольно спокойно относятся к тому, что они вместе во время учебы. Они сказали, что не хотят иметь дело с язвительностью злобных девчонок, пока их отношения так новы, но я думаю, что это больше не проблема.

— Ой, вы двое такие милые, что мне хочется блевать.

Эйнсли отталкивает меня, когда она украдкой целует меня еще раз.

— Тебе нужно тащить задницу, если ты хочешь успеть на математику. Встретимся у машины после уроков.

— Развлекайся, — Рид незаметно похлопывает ее по попе, прежде чем уйти.

— Почему ты краснеешь, Эйнс?

— Заткнись, — она закатывает глаза и прислоняется к стене.

У нас еще есть несколько минут до начала занятий, и мы воспользовались этим, чтобы продолжить разговор.

— О чем вы с Ридом говорили до того, как я пришла?

— О тебе.

— Что насчет меня?

— Он все еще сомневается, что ты не в порядке с его... — я понижаю голос, прежде чем добавить: — заскоками

Она отстраняется, ее тонкие брови удивленно поднимаются.

— Рид так сказал?

— Вроде того. Настолько, насколько он мог, не раскрывая, что это за штука у него. Он подозревает, что я знаю, но я ничего не подтвердила.

Эйнсли ухмыляется.

— Ну, если честно, ты не очень-то деликатна в этом вопросе.

Я пожимаю плечами.

— Я уважаю тот факт, что Рид хочет быть незаметным, но ты прекрасно знаешь, что ребята знают. И я ненавижу говорить об этом, но, скорее всего, большинство девушек, с которыми он был, тоже знают, так что это не похоже на тайну, которую нужно унести с собой в могилу. Ему нечего стыдиться, но я не думаю, что он сам в это верит.

— Мне кажется, я знаю причину этого, — она тяжело вздыхает. — Его родители очень консервативны. Осуждающие засранцы, на самом деле. Рид вырос, слушая их проповеди о христианских ценностях, на которые они любят опираться, чтобы оправдать свой фанатизм. На самом деле, их поведение очень антихристианское. Он не верит в их бредни — особенно после того, что они сделали с его сестрой, — но я думаю, что он все еще борется со многими глубоко укоренившимися вещами в своей голове.

— У Рида есть сестра?

— Да, — Эйнсли кивает. — Она на четыре года старше, но они близки. Рид обычно проводит у нее большую часть летних каникул. Он спросил меня, не хочу ли я слетать к ней на Рождество.

— Почему я не слышала о ней раньше?

Эйнсли приподнимает плечи.

— Она переехала в Орегон буквально на следующий день после окончания университета, не имея ничего, кроме одежды. Не смогла быстро сбежать от родителей.

— Почему? Что случилось?

Она хмурится.

— Риган — так ее зовут — бисексуальна. Она решила окончательно открыться родителям в конце выпускного класса, потому что влюбилась в девушку и не хотела больше скрывать свои чувства. Родителей это нисколько не устроило. Эти придурки угрожали вычеркнуть Риган из завещания, если она не выбросит из головы эту — лесбийскую чушь. В свою очередь, она сказала им, что если они не могут понять, что любовь есть любовь, независимо от того, как это выглядит, то они могут забрать свои деньги и идти с ними на хуй.

— Это печально.

— Очень. У девушки Ригана, Кэсс, были родственники в Портленде, поэтому они собрали вещи и уехали из города, как только смогли. Когда Рид рассказал своим родителям о помолвке Риган и Кэссиди, они вели себя так, будто у них даже нет дочери. Это стало для Рида последней каплей — он не хочет иметь с ними ничего общего. Он также не может дождаться, когда уберется из этого дома.

Я вздыхаю.

— Бедный парень. Неудивительно, что он все время такой серьезный. Я вроде как чувствую себя виноватой из-за того, что связалась с ним сейчас.

— Да, — Эйнсли сдувает прядь волос с лица. — И не расстраивайся, Жас. Ты не знала, а ему бы точно не помешало побольше юмора в жизни. Он бы понял, что ты не хотела ничего плохого.

— Ну, ты должна сказать ему, что рассказала мне, и что он не получит от меня никакого осуждения по этому поводу, — я игриво вздергиваю брови. — И тебе определенно стоит попытаться убедить его, что ты более чем не против. Что бы тебе ни пришлось сделать, чтобы у него не осталось сомнений, сделай это.

Румянец на ее щеках усиливается, когда мы входим в класс.

— *Буэнас тардэс, сеньорита Дэвенпорт и сеньорита Каллахан.*

— *Буэнас тардэс, сеньор Рейес,* — отвечаем мы с Эйнсли в унисон.

Прежде чем мы разошлись, чтобы занять свои места, Эйнсли подмигивает и говорит: — Я посмотрю, что смогу сделать.

Я хихикаю.

— Не сомневаюсь.

7. Жас

Если я и думала, что каникулы в честь Дня благодарения пролетели быстро, то это было ничто по сравнению с нашей первой неделей возвращения в школу. В понедельник у меня была контрольная работа почти на каждом уроке, потому что учителя в Виндзоре явно огромные засранцы, и дальше было не лучше. Радует только то, что Пейтон и ее команда вели себя относительно тихо, не считая нескольких оскорблений, произнесенных шепотом то тут, то там. После школы мы с ребятами просмотрели видеозаписи, пока Эйнсли была в танцевальном классе. Однако мальчики взяли на себя все дела в офисе Престона, потому что после недавних событий я долго не смогу видеть этого человека.

Ничего интересного не произошло с тех пор, как мы увидели, как Престон издевается над моей сводной сестрой на том видео, хотя вы определенно можете почувствовать

растущее напряжение между моим донором спермы и его женой. Я не буду лгать и говорить, что наблюдать за тем, как Мэдлин корчится, было неинтересно. Наконец-то мы добрались до субботы, где нам предстоит отправиться на очередную шикарную вечеринку. Если бы вы сказали мне шесть месяцев назад, что я буду ходить на такие вечеринки в дизайнерских платьях, я бы рассмеялась до упаду.

— Вот. Кажется, у меня получилось, — Кингстон заканчивает застегивать пуговицы на рубашке и начинает завязывать узел своего ярко-красного галстука.

— Тебе нужно его проверить? — я поправляю угол его воротника.

— Мы с Джоном сделали это ранее, — говорит мой парень. — Это был просто вопрос о том, как правильно заклеить его, не заглушив микрофон. Сейчас мне нужно только нажать на кнопку, чтобы активировать его, когда мы будем на месте.

Оказалось, что друг Джона Петерсона из ФБР на самом деле расследует дело моего и Кингстона отцов. Джон не стал сообщать нам никаких реальных подробностей, потому что не хочет компрометировать дело, но, похоже, он считает это позитивным событием. Кингстон согласился надеть прослушку на сегодняшнюю вечеринку, поскольку есть вероятность, что там будут присутствовать несколько жизненно важных игроков. Он также решил передать все компрометирующие видеозаписи, которые у нас есть, хотя я не знаю, как Кингстон собирается обойти тот факт, что технически он занимается незаконной слежкой. Джон говорит, что доверяет этому парню, а Кингстон доверяет Джону, так что я соглашусь с этим.

— Ну, посмотри на это. Мы хорошо приделались, тебе не кажется? — я жестом показываю на наше отражение в зеркале над комодом Кингстона.

Его глаза темнеют, когда он рассматривает меня, на несколько секунд задерживаясь на моем утонченном декольте.

— Ты выглядишь невероятно, но на самом деле ничем не отличается от любого другого дня.

На мне изумрудно-зеленое платье миди-длины, приталенное по лифу и со струящейся юбкой. Оно простое и нежное, но вполне подходящее для моего возраста. Более того, в отличие от последнего платья, которое я надела на душное мероприятие, в этом нет ощущения сексуального котенка. Когда я переехала в Хиллс, мой шкаф был заполнен красивой одеждой, но там не было ни одного коктейльного платья, потому что Мэдлин говорит, что вечернее платье можно надеть только один раз, а потом сразу же выбросить. Она не оценила мою насмешку после этого нелепого заявления, но мне-то что.

Моя мачеха пыталась купить мне что-нибудь на вечер, но я отказалась по понятным причинам и вместо этого порылась в шкафу Эйнсли. К счастью, у девушки огромный гардероб, в котором есть вещи, начиная от совершенно целомудренных и заканчивая такими, которые *будут идеально смотреться с парой каблуков-стриптизерш*. Я выбрала платье на первом конце спектра, потому что последнее, что я хотела бы сделать, это явиться в дом, полный извращенных стариков, в откровенно сексуальном наряде. Хотя по тому, как меня пожирает взгляд моего парня, можно подумать, что я полностью обнажена.

Кончики моих рубиново-красных ногтей царапают светло-коричневую щетину Кингстона.

— Если ты будешь продолжать так смотреть на меня, мы никогда не выберемся отсюда.

— Как бы это ни было заманчиво, у меня есть работа, — его полные губы изогнулись. — Но прибереги эту мысль на потом.

— Ага, — я снисходительно похлопываю его по щеке, чтобы скрыть тот факт, что я хочу взобраться на него, как на дерево. — Я буду считать секунды до того момента, когда смогу раздеть тебя.

— Умная задница, — Кингстон шлепает меня по заднице. Сильно.

— Хм, — размышляю я. — Думаю, что нахожу это привлекательным.

Он смеется.

— Что?

Мои губы дергаются.

— Ничего.

Он смотрит на меня с минуту, словно пытаюсь прочесть мои мысли.

— Нам пора идти.

— Да, — я беру маленькую сумочку-клатч — тоже позаимствованную — с прикроватной тумбочки Кингстона, запикиваю туда блеск для губ и телефон.

— Давай сделаем это.

Холодок пробегает по моей спине, когда я снимаю пальто и передаю его дворецкому, качая головой от того факта, что кому-то может понадобиться настоящий гребаный дворецкий. Александр Иванов, хозяин сегодняшней вечеринки, живет в особняке в Brentwood-Hillz, и он настолько роскошен, насколько можно было ожидать. Странно, но подобные места уже не шокируют меня так сильно, как раньше, и я не совсем согласна с этим фактом.

Кингстон проводит пальцем по складке между моими бровями. Я даже не заметила, что нахмурилась, пока он не сделал это.

Он кладет руку мне на поясницу и наклоняется к моему уху.

— Расслабься.

— Я в порядке, — заверяю я его. — Я просто рассматривала все эти шикарные вещи.

Его ореховые глаза быстро оглядываются вокруг, когда он прижимает руку к груди, чтобы активировать провод.

— Я так привык к этому, что меня это даже не пугает.

— И именно этого я боюсь, что это происходит со мной, — бормочу я себе под нос.

— Не волнуйся, Жас. Сколько бы ты ни пробыла в этом мире, ты никогда не станешь такой, — он кивает головой в сторону подражательниц Настоящих домохозяек Беверли-Хиллз.

Вот это да! Когда я разглядываю их получше, мне кажется, что одна из них может быть настоящей.

Кингстон ведет меня через дом к задней части, где собралось больше всего людей.

— Ты бывал здесь раньше? Кажется, ты знаешь, куда идти.

— Нет. — он качает головой. — Но я был на таких мероприятиях достаточно, чтобы знать, как это работает. Есть определенная схема. Женщины обычно собираются в стороне небольшими группами, общаются, пока мужчины где-то в другом месте несут чушь или говорят о делах.

— Ну, это кажется ужасно сексистским.

Его плечи приподнимаются.

— Это то, что есть.

Оглядевшись вокруг, я понимаю, о чем говорит Кингстон. По большей части, комната ужасно изолирована, за некоторыми исключениями. Одно из таких исключений — Эйнсли,

которую мы только что заметили стоящей рядом с ее отцом и темноволосым мужчиной. Моя подруга бурно жестикулирует, когда говорит, а Рид стоит рядом с ней, выглядя удивленным из-за ее очевидного энтузиазма.

Престон замечает нас первым и машет нам рукой, грубо прерывая свою дочь.

— Кингстон! Жасмин. Присоединяйтесь к нам.

Эйнсли опускает глаза на полированный пол, ничуть не удивленная увольнением отца, что одновременно огорчает и злит меня. Выражение лица Рида сейчас больше похоже на убийственное, что заставляет меня предположить, что он чувствует то же самое. Она улыбается мне, когда я встаю рядом с ней и переплетаю наши мизинцы вместе.

— Александр, я хочу представить тебе Жасмин Каллахан, — Престон наклоняет голову в мою сторону.

— Жасмин, я так много о тебе слышал, — мне совсем не нравится тот факт, что эти двое обсуждали меня. Кингстон тоже не в восторге, если судить по тому, как подрагивает его челюсть. — Ты не шутил, Престон. Насколько я помню, она действительно очень похожа на свою мать.

Я подавляю желание скривиться, когда Александр берет мою руку и целует ее.

— Ты знал мою маму?

Кингстон кладет свою ладонь на мою поясницу, что придает мне силы, необходимые для сохранения спокойствия.

— Да, — подтверждает Александр. — Хотя, к сожалению, не так хорошо, как некоторые, — он смотрит в сторону Престона, когда произносит последнюю фразу.

Престон сверкает наглой улыбкой.

— Твой отец и я вели дела с Александром в течение многих лет.

— Какого рода дела? — спросил Кингстон.

Золотисто-зеленые глаза Престона смотрят на сына.

— Немного того, немного этого. Ты знаешь, как это бывает, — его пристальный взгляд возвращается ко мне. — Так совпало, что мы с Алексом встретились в тот же вечер, когда Чарльз познакомил меня с твоей очаровательной мамой.

— Правда? — я вопросительно наклоняю голову в сторону. — Я не знал, что у нее с моим отцом были такие отношения, что он представлял ее друзьям.

Конечно, я знаю, что Престон знал мою маму, но он не знает, что знаю я.

Взгляд, которым Престон смотрит на меня, не может быть принят ни за что, кроме как за хищный. Даже Эйнсли улавливает это. Ее любопытные глаза мечутся туда-сюда, но сейчас я не могу об этом беспокоиться. Если Престон хочет поговорить о моей маме, я этим воспользуюсь.

— О, я очень хорошо знал Махалию. Я удивлен, что твой отец не упоминал о ней. Хотя он всегда был довольно... скупым, когда дело касалось ее. Постоянно искал способы удержать твою мать при себе. Я не видел, чтобы он вел себя так с женщиной ни до, ни после.

Мне приходится буквально прикусить язык, чтобы не наброситься на него за то, что он говорит о моей маме с такой фамильярностью.

— Что это значит...

Кингстон крепче сжимает мою руку.

— Кстати, о Чарльзе... он сегодня здесь?

Тактика отвлечения внимания моего парня вызывает раздражение, но я знаю, почему он это делает. Престон Дэвенпорт становится смелее с каждой секундой. Этот разговор — тому

доказательство. Для человека, который якобы гордится тем, что сохраняет самообладание и осторожность, у него это дерьмово получается.

— Нет, это не так, — холодно отвечает Престон. — Почему ты спрашиваешь?

— Просто любопытно, я полагаю, — Кингстон пожимает плечами.

— Итак... — Эйнсли вклинивается, явно пытаясь разрядить неловкость. — Мистер Иванов, вы упомянули, что представили меня своему другу из LASPA?

— Да, конечно, — Иванов улыбается. — В последний раз я видел его в гостинной. Посмотрим, там ли он еще?

Кингстон и Рид обмениваются взглядами, прежде чем Александр ведет Эйнсли и Рида на поиски своего друга. Я жду, пока они отойдут за пределы слышимости, прежде чем начать допрашивать Престона.

— Когда вы сказали, что знали мою маму «очень хорошо», что именно вы имели в виду? Его губы кривятся в самодовольной улыбке.

— Возможно, это история для другого раза. А пока... давайте просто скажем, что у нас с моим сыном больше общего, чем вы думаете.

С этим загадочным бредом он уходит, не сказав больше ни слова.

— Ты и твой сын совсем не похожи, придурок, — бормочу я, поворачиваясь к Кингстону. — Боже, я буквально хочу задушить этого человека.

Он смотрит на удаляющуюся спину отца.

— Встань в очередь. Хотя, зная моего отца, нас наверняка опережает еще несколько человек.

— Без сомнения, — я фыркнула, — И что теперь?

Кингстон оглядывает открытое пространство.

— Я вижу несколько знакомых лиц, но они не станут говорить откровенно, если ты будешь со мной.

— Значит, я буду тусоваться здесь.

Кингстон усмехается.

— Да... нет. Я не оставлю тебя одну ни на секунду. Пойдем, найдем мою сестру и Рида. Он знает, что за тобой нужно присматривать.

— Мне не нужна нянька.

— Просто подыграй мне, Жас. Я знаю, что ты умная и способная, но ты еще и маленькая. Ты не настолько сильна, чтобы отбиться от кого-то вдвое больше тебя, какой бы задиристой ты ни была, — он показывает на меня, когда я оглядываюсь.

— Не смотри на меня так. Ты знаешь, что я прав.

Мои глаза закатываются.

— Что самое худшее, что может случиться со мной на глазах у всех этих свидетелей?

Он выдохнул.

— Я не собираюсь рисковать, — Когда я открываю рот, чтобы возразить, он прикладывает палец к моим губам. — Прекрати, блядь, бороться со мной. Если ты не хочешь сделать это для меня, сделай это для своей сестры. Ты не сможешь защитить Белль, если с тобой что-то случится, верно?

Мои глаза сужаются.

— Это был удар ниже пояса.

Этот осел нисколько не выглядит раскаявшимся.

— Тогда перестань заставлять меня бить ниже пояса.

— Ладно. Пошли.

Кингстон берет меня за руку и ведет через толпу, пока мы не замечаем его сестру. Она и Рид только что отвернулись от человека, с которым разговаривали, так что, похоже, мы подошли вовремя.

— Привет, — говорю я Эйнсли. — Это был декан?

— Да, — подтверждает она, — Очевидно, он хорошо дружит с мадам Рошель из моей студии. Она упомянула ему обо мне. Он собирается прийти посмотреть, как я тренируюсь, где-то на следующей неделе.

Мои брови приподнимаются.

— Это хорошо, да?

Эйнсли кивает.

— Это очень хорошо.

— Это потрясающе, Эйнс. Значит, шансы на то, что ты останешься в Лос-Анджелесе, только что выросли?

Она улыбается.

— Намного выше.

Улыбка Рида полна гордости и обожания. Если бы я не знала, что он такой извращенный ублюдок, я бы поклялась, что парень — огромный зефир, когда дело касается Эйнсли Дэвенпорт. Тем не менее, видно, что парень по уши влюбился, что делает меня невероятно счастливой за мою подругу.

Кингстон подталкивает Рида локтем.

— Я видел несколько человек, с которыми хотел поздороваться, но я не хочу утомлять Жас. Ты не против, если она немного побудет с тобой?

— Конечно, — Рид сурово кивает.

— Ну да, — добавляет Эйнсли, обнимая меня за плечи. — Что скажешь, если мы пойдем поищем выпивку?

Кингстон и Рид молча обмениваются взглядами, прежде чем Кингстон притягивает меня к себе и целует в губы.

— Я скоро вернусь.

Я отмахиваюсь от него.

— Делай то, что тебе нужно.

Я наблюдаю, как Кингстон пробирается сквозь толпу. Он положил глаз на кого-то конкретного, но Эйнсли дергает меня за руку, чтобы привлечь мое внимание, прежде чем я успеваю разглядеть, кого он ищет.

— Жас? Ты слышала, что я сказала насчет выпивки?

— Это звучит как отличная идея, — мне бы не помешало что-нибудь, чтобы снять напряжение после встречи с ее отцом.

— Итак... что случилось со странными предчувствиями, которые я ощутила ранее?

Я хмурюсь.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду... — она растягивает последнее слово. — Почему мой отец вел себя как полный отморозок? И он знал твою маму?! Что за бред? Что он сказал после того, как я пошла поговорить с деканом?

— Эээ... — я смотрю на Рида в поисках помощи.

— Детка, — Рид кладет руку на поясницу Эйнсли, направляя ее к бару. — Давай

возьмем эти напитки. Я чертовски хочу пить.

Эйнсли хихикает и приподнимается на носочки, чтобы прошептать что-то ему на ухо. Рука Рида сгибается вокруг ее бедра, заставляя меня поверить, что все, что она сказала, было грязным. То, что он говорит ей в ответ, скорее всего, еще грязнее, потому что она становится свекольно-красной.

Отвлекающий маневр удался. Боже, благослови подростковые гормоны.

После того, как она прекращает грязные разговоры, лесные глаза Эйнсли, такие же, как у ее брата, блуждают по комнате.

— Мне кажется, или здесь ужасно много девушек нашего возраста?

Я тоже это заметила, но я не знаю, что именно считается нетипичным для подобных собраний.

— И это странно?

Эйнсли кивает.

— Абсолютно странно. Обычно единственные присутствующие женщины — это свеженакачаные ботоксом жены или подружки. По крайней мере, на тех вечеринках, которые мой отец устраивал у нас дома. Должно быть, они тоже танцовщицы, пришедшие познакомиться с деканом.

Рид сканирует комнату вместе со мной, и, судя по настороженному взгляду его глаз, я предполагаю, что в его мозгу проносятся те же мысли. Могут ли эти девушки быть жертвами торговли людьми? Мои недавние исследования в Интернете показали мне, что секс-торговля может принимать различные формы. Внешне жертвы могут выглядеть как обычные счастливые, здоровые люди.

Но иногда красивых женщин используют в качестве высококлассных эскортов в богатых кругах. Или они работают массажистками — не путать с массажистами — в казальсь бы законных дневных спа-салонах или подобных заведениях. Никогда не знаешь наверняка, потому что не всегда все так, как кажется. Они даже создают оперативные группы во время Суперкубка, единственной задачей которых является повышение осведомленности или предоставление жертвам возможности скрыться во время массового наплыва туристов.

К сожалению, жертве не всегда легко уйти, даже если у нее есть такая возможность. Торговцы держат их в подчинении с помощью угроз, шантажа, наркотиков, материальных ценностей или практически всего, что они могут использовать в качестве рычага давления. В одном из недавних исследований говорится, что особенно уязвимы девочки, находящиеся в приемных семьях. Так вот как втянули мою маму? Это то, чему она подвергалась?

Эйнсли права — многие из этих женщин находятся в позднем подростковом возрасте, может быть, в начале двадцатых годов. Кингстон однажды сказал мне, что обычно заинтересованного покупателя можно распознать по тому, как внимательно он наблюдает за другими. Обратите внимание на язык их тела, когда они следят за молодой женщиной или, что еще более тревожно, за маленькими девочками. Когда я пытаюсь это сделать, мне кажется, что я замечаю одного из них.

Мужчине не так уж много лет — может быть, в лучшем случае тридцать, но от него исходят странные флюиды. Рыжая, с которой он разговаривает, прижимает ладонь к его груди, а затем поднимается на носочки, чтобы прошептать ему что-то на ухо. Когда он отстраняется, он кивает и смотрит, как она уходит. Другая женщина — блондинка, которая ближе к его возрасту, чем к моему — подходит к нему с огнем в глазах.

Я предполагаю, что это может быть его жена или подруга, которая случайно стала

свидетелем его общения с другой женщиной. Лицо мужчины краснеет, когда она, предположительно, разрывает его на части, а затем уходит. С небольшим колебанием, посмотрев в коридор, по которому несколько минут назад шла молодая женщина, он бежит за блондинкой. Я смотрю в коридор и вижу, как рыжая исчезает за французскими дверями. Моя интуиция подсказывает мне, что что-то не так. Мне нужно найти предлог, чтобы отойти подальше и последовать за ней.

— Мне нужно быстро пописать.

— Хорошо, — говорит Эйнсли.

— Подожди секунду, — добавляет Рид.

К нам подходит мужчина из балетной школы.

— Мисс Дэвенпорт, можно вас еще пару слов? Это ненадолго, обещаю.

Рид переводит взгляд с Эйнсли на меня и обратно.

— Я буду в порядке, — заверяю я его, показывая большой палец через плечо.

— Думаю, туалетная комната прямо там. Меня не будет всего минуточку или две.

Рид неохотно позволяет Эйнсли отвести его в сторону, пока он разговаривает с мужчиной. Я вижу, как он проводит большими пальцами по экрану своего телефона, вероятно, переписываясь с Кингстоном, но я не теряю времени даром. Я иду по коридору и нахожу дверь, через которую вошла таинственная женщина. Она ведет в небольшой коричневый дворик прямо за внутренним двориком. Я успеваю увидеть ее медно-рыжие волосы, как она исчезает в лабиринте, который кажется большой живой изгородью.

У меня такое чувство, что я пожалею об этом, но это не мешает мне пойти за ней.

8. Жас

Одно могу сказать точно: это определенно лабиринт. Я уже сбилась со счета, сколько раз я сворачивала за угол, и конца этому не видно. Я слеую за женщиной достаточно далеко, чтобы меня не заметили, но не слишком далеко, чтобы я могла ее потерять. Наружное освещение едва достигает этой зоны, поэтому темнота помогает скрыть меня, но я все равно должна двигаться осторожно. К счастью, тот, кто разработал эту штуку, предусмотрел дорожку, так что на этих чертовых каблуках, которые я ношу, ориентироваться легче.

Мой телефон в сумочке вибрирует как сумасшедший, но я не собираюсь рисковать, доставая его и пугая эту девчонку. Может, я и не знаю, куда мы направляемся, но она-то точно знает, и я намерена выяснить, что находится в конце этого лабиринта. В тот самый момент, когда я думаю, что это будет продолжаться вечно, живая изгородь открывается во внутренний домик, как и на другом конце. За ним, однако, находится небольшой коттедж. Кажется, довольно странным, что ваши гости проходят через все это, чтобы попасть сюда, но что я знаю? Полагаю, это позволит им уединиться.

Женщина входит через парадную дверь без стука, так что я предполагаю, что она и есть та, кто живет в этом доме. Я поворачиваюсь, чтобы начать долгий путь обратно, когда мое внимание привлекает знакомый голос.

Какого черта?

Я поворачиваю голову и вижу, что рыжая оставила дверь слегка приоткрытой. Я медленно подкрадываюсь ближе, мои глаза бегают туда-сюда, чтобы убедиться, что вокруг чисто. Я прислоняюсь спиной к штукатурке справа от двери и внимательно прислушиваюсь.

Повсюду раздаются безошибочные звуки секса, и если бы мне пришлось гадать, я бы сказала, что внутри больше, чем несколько тел. Это звучит точно так же, как то, что я слышал возле эллинга на берегу озера.

Что это с этими богатыми людьми и их оргиями?

Мои уши напрягаются, когда я слышу голос, который привлек меня сюда.

— Почему ты так долго? — спрашивает женщина.

Я быстро заглядываю в щель и вижу, что Мэдлин стоит прямо за дверью и разговаривает с темноволосой девушкой. На ней короткое ярко-красное платье, которое подчеркивает все ее изгибы, и пара туфель на шпильках. Я не могу расслышать ответ другой женщины за ворчанием и стонами позади нее, потому что она говорит слишком тихо, но я слышу, что моя мачеха говорит дальше.

— Если ты хочешь большего, ты знаешь, что тебе нужно сделать, чтобы заслужить это.

Вот дерьмо, она идет сюда.

— Ты что, Надя, в сраном сарае воспитывалась? Закрывай чертову дверь, когдаходишь.

Я прижимаю руку к груди, когда Мэдлин захлопывает дверь, и пытаюсь заставить свое колотящееся сердце успокоиться. Черт, это было слишком близко. Я приседаю и, пригнувшись, иду к другой стороне дома. Здесь есть раздвижная стеклянная дверь, которая позволяет мне заглянуть внутрь. Я знаю, что это чертовски рискованно, но мне нужно знать, что, черт возьми, там происходит. Групповой секс, очевидно, но почему Мэдлин просто стоит там полностью одетая? Держась как можно ближе к внешней стене, я подхожу к стеклу, чтобы получше рассмотреть обстановку.

Я подавляю вздох, когда бросаю первый взгляд. Внутри не так много людей, но очевидно, почему они там. Я ожидала увидеть удобную мебель, может быть, маленькую кухню, как в доме Кингстона, но ничего этого здесь нет. Нет, у этого места одна цель и только одна цель, и я сомневаюсь, что здесь можно спать или отдыхать. Никогда. Освещение приглушенное, но все же достаточно яркое, чтобы я могла все хорошо рассмотреть.

На открытом пространстве расставлены три различных приспособления. Первая — странного вида скамейка справа. Она почти похожа на кресло для массажа шеи, но вместо установленного нижнего сиденья средняя часть поднята выше, а к каждому концу прикреплены ремни для бондажа. Великолепная обнаженная женщина привязана к скамье, задница высоко в воздухе, в то время как гораздо более взрослый, тоже обнаженный мужчина врезается в нее сзади. Я почти уверена, что его член находится в ее заднице, но не могу точно сказать, потому что его довольно большой, покачивающийся живот мешает. Я бы не сказала, что женщина не хочет, но и не сказала бы, что она активно участвует. Она просто лежит, принимает его, изредка открывая рот, чтобы закричать. От удовольствия или от боли, я не знаю.

Вторая установка — это секс-качели, свисающие с открытых стропил в левой части комнаты. На них сидит молодая женщина и двое мужчин примерно того же возраста, что и она. Ее верхняя половина перевернута, вероятно, чтобы лучше разместить член у нее во рту. Один парень долбит ее спереди, а тот, что трахает ее рот, пощипывает соски на ее огромных грудях. Как и первая девушка, она не кажется сопротивляющейся, и она определенно проснулась, но не похоже, что ей это нравится.

В центре комнаты стоит массивная кровать с балдахином. Мужчина со слегка седеющей бородой лежит на спине, прикрывая рукой свою эрекцию. Рыжая, за которой я следила, подходит к нему, и они обмениваются несколькими словами. В следующее мгновение она

спускает бретельки своего платья и выпрыгивает из него, оставаясь голой, как в день своего рождения. Затем она заползает на матрас рядом с ним и опускает голову на его член. Он сжимает в кулак ее длинные волосы и несколько мгновений смотрит, как она надрачивает его член, а затем шлепает ее по заднице, побуждая забраться к нему на колени, где она садится на него верхом в стиле — наездницы. Без презерватива, заметьте, что еще больше усиливает неприятный фактор. Мои глаза расширяются в панике, когда ее взгляд переходит на меня, но я не думаю, что она действительно видит меня. Она просто смотрит в пространство, выполняя все действия.

Боже. На что, блядь, я только что наткнулась?

Все это время Мэдлин стоит у стены, наблюдая за каждым сосокуплением, с выражением большого удовлетворения на лице. Входная дверь внезапно открывается, и входит не кто иной, как Престон Дэвенпорт, осматривающий комнату, стоя в открытом дверном проеме.

Черт, черт, черт.

Это именно то доказательство, которое нужно Кингстону. Я роюсь в сумочке, чтобы достать свой мобильный, но Престон заходит в дом, когда я открываю окно с текстом. Я, черт возьми, чуть не роняю телефон от шока, потому что мой парень следует за ним, что-то говоря своему отцу. Престон подзывает его к Мэдлин, и они втроем начинают обсуждать черт знает что, наблюдая за оргией. Что бы это ни было, язык их тела говорит мне, что это на самом деле приятная беседа, что еще больше сбивает меня с толку.

Через несколько минут из коридора появляется четвертая обнаженная женщина и подходит к Кингстону. Она проводит ногтями, похожими на когти, по его груди и застенчиво улыбается ему. Мои кулаки сжимаются, когда я наблюдаю, как эта девушка заигрывает с ним, и я могу поклясться, что он заигрывает с ней в ответ, не заботясь о том, что на ней нет ни малейшей одежды, кроме пары туфель на шпильках. На самом деле, если я не ошибаюсь, он выглядит так, словно ценит этот факт. Я не могу не заметить, как много у нас с ней общих черт, от маленького роста до длинных темных волос и бронзовой кожи. Единственное существенное отличие — это увеличенная грудь, которую она выпячивает в сторону моего парня. Престон что-то говорит своему сыну, и оба мужчины смеются, глядя на упомянутую грудь.

Голая цыпочка наклоняется к уху Кингстона, прижимаясь своими огромными сиськами к его торсу. Когда она отстраняется, он кивает, что, кажется, возбуждает ее. Эта девушка либо отличная актриса, либо ей гораздо приятнее находиться здесь, чем трем другим работающим девушкам в комнате. Мои глаза практически вылезают из глазниц, когда она опускается на колени прямо здесь и с нетерпением начинает расстегивать пряжку ремня Кингстона.

Наконец — *наконец* — Кингстон кладет руку на ее запястье, когда она расстегивает пуговицу на его брюках. На мгновение она выглядит растерянной, пока он что-то говорит, но потом она встает и снова улыбается. Кингстон протягивает руку и обхватывает ее за шею, притягивая к себе. Этого не может быть.... Слезы наворачиваются на глаза, когда он прижимается своим ртом к ее, и они начинают играть в хоккей с миндалинами. Желчь поднимается к моему горлу, но я не могу отвести взгляд, даже если бы от этого зависела моя жизнь. Когда Кингстон разрывает поцелуй, Голая Цыпочка берет его за руку и ведет по коридору. Все время, пока происходит это дерьмо, на лицах Престона и Мэдлин красуется самодовольная улыбка.

Что черт возьми, во имя вечной любви, только что произошло?

Мне требуется все мое мужество, чтобы не броситься за ними и не сказать этой суке, чтобы она убрала руки от моего парня. Но опять же, этот парень только что поцеловал ее, и, похоже, он не возражал против того, чтобы последовать за ней по коридору, предположительно в спальню. Я зажмуриваю глаза, чтобы сдержать надвигающиеся слезы. Я хочу доверять Кингстону. Честное слово, хочу. Но то, что я только что увидела, трудно оправдать, как ни крути. Неужели он играл со мной все это время? Неужели та история с его мамой была просто кучей лжи? Неужели все было ложью? Мне нужно убраться отсюда.

Я стягиваю обувь и на полной скорости бегу обратно к лабиринту. Я бегу вслепую, по моему лицу текут слезы, и я попадаю в один тупик за другим. Я не могу думать достаточно долго, чтобы сосредоточиться на том, куда я иду. Мои легкие горят от напряжения, мягкие подушечки стоп болят от бега босиком по асфальту, а сердце болит от того, чему я только что была свидетелем. За очередным поворотом я врезаюсь в кого-то, что вызывает у нас обоих возглас — Уф!. Моя спина царапается о ветки, когда я падаю в кусты, прежде чем поймать равновесие.

— Жас, ты в порядке? — спрашивает низкий голос.

Я моргаю, чтобы сфокусироваться и вижу Рида и Эйнсли, оба смотрят на меня с беспокойством. Я чувствую себя сейчас как гигантский пожар на помойке, так что я не могу их винить. Должно быть, я столкнулась с Ридом, потому что это было похоже на столкновение с кирпичной стеной, а не с крошечной пикси, которой является Эйнсли.

— Жас, — . Эйнсли тянет меня за руку.

— Ты в порядке? Почему ты плачешь?

Я яростно смахиваю слезы с лица.

— Да... эм, я в порядке. Мне просто стало страшно, потому что я пыталась найти выход из этого чертова лабиринта и не могла. Наверное, я немного испугалась.

Ни один из них не выглядит так, будто верит мне, но я изо всех сил стараюсь контролировать свои эмоции.

— Что вы здесь делаете?

— Мы искали тебя, — отвечает Рид, протягивая свой телефон. — Кингстон дал мне логин для своего приложения-трекера, когда ты так и не вернулась из ванной.

Я смотрю на экран, и там две маленькие зеленые точки прямо рядом друг с другом. Черт, я почти забыла о трекере, который он установил на мой телефон.

— Почему он не пришел искать меня?

Если Кингстон играет со мной, кто скажет, что Рид в этом не замешан?

Рид коротко смотрит на Эйнсли, прежде чем ответить.

— Потому что он с чем-то связан.

Да, связан тем, что обвивается вокруг шлюхи.

Я усмехаюсь.

— Точно.

Блядь. Не плачь, Жас. Не плачь. Не плачь. Не плачь.

— Он... — Рид схватился за шею. — Сказал, что задержится, и дал мне ключи от своего Ровера, чтобы я мог отвезти тебя домой.

Эйнсли прикусывает нижнюю губу.

— Жас? Ты готова ехать домой?

Ну, разве это не сложный вопрос? Я бы сделала все, чтобы вернуться домой, но дело в

том, что особняк донора спермы — не то место.

— Конечно. Я устала, в любом случае, — фыркнула я, оглядываясь по сторонам. — Кто-нибудь из вас знает, как выбраться отсюда?

— Да. Я вообще-то удивительно хорош в лабиринтах. Это проще простого, — Эйнсли постучала указательным пальцем по виску. — Встроенный GPS.

Я протягиваю руку.

— Веди.

Эйнсли не преувеличивала. Она вывела нас из лабиринта без каких-либо колебаний или ошибок. Всю обратную дорогу я молчу, используя усталость в качестве оправдания, когда она несколько раз переспрашивала меня. Чем больше я думаю о том, чему я была свидетелем в этом доме ужасов, тем больше я говорю себе, что надо принимать все за чистую монету. Никто не заставлял Кингстона целовать эту девушку. Смотреть на ее обнаженное тело таким похотливым взглядом. Брать ее за руку и исчезать в задней комнате, делая Бог знает что. Да кого я обманываю? Я точно знаю, что они делали.

Как раз когда мы подъезжаем к моему дому, приходит сообщение от моего парня, заставляющее меня подавить рыдания. Думаю, мне больше не стоит называть его своим парнем, учитывая, что он лжец и обманщик. Я могу простить многое, но последнее не входит в их число.

Кингстон: Ты уже добралась до дома?

Я борюсь со своим внутренним умником, так сильно желая ответить что-нибудь язвительное, но мне удается сдержать себя.

Я: Да. Только что заехала на подъездную дорожку. Я устала, так что пойду спать. Поговорим позже.

Кингстон: Ты уверен? Я уже собираюсь уходить. Я могу заскочить по дороге, а ты можешь остановиться у меня.

Да, точно. Этого не будет.

Я: Я уверена. Очень устала. Спокойной ночи.

Вместо очередного входящего сообщения звонит мой телефон. Я поднимаю его, открывая дверь машины, и показываю Риду и Эйнсли имя Кингстона.

— Я должна ответить. Увидимся позже, ребята. Спасибо, что подвезли.

— Спокойной ночи, Жас, — говорят они в унисон.

Я сажусь на крыльцо и нажимаю кнопку, чтобы принять звонок.

— Да?

— Ты точно в порядке? У тебя странный голос.

— Как я могу звучать странно через сообщение?

Я уверена, что он рычит.

— Ты знаешь, что я имел в виду, Жас.

Вообще-то, я не уверена, что знаю о тебе хоть что-то.

Я вздыхаю, уговаривая себя не плакать снова.

— Я в порядке, Кингстон. Просто очень устала. Я поговорю с тобой завтра, хорошо?

— Рид сказал, что ты плакала, когда они тебя нашли.

Вот ублюдок.

— Ничего страшного. Я просто запаниковала, потому что потерялась. Я в порядке.

— Почему ты была в том лабиринте, Жас?

Почему ты был в том доме, Кингстон?

— Мне показалось, что он выглядит круто, и я зашла проверить.

Он замолкает на мгновение.

— Как ты оказалась на улице, когда сказала, что идешь в туалет?

— Почему это имеет значение?

— Что значит — почему это имеет значение? Ты же знаешь, я не хотел, чтобы ты оставалась одна по какой-либо причине.

— Почему нет? Потому что ты боялся, что я увижу, как ты делаешь что-то, что тебе не следовало делать?

— Что, блядь, это значит?

— Не кричи на меня.

— Не выводи меня из себя, и я не буду.

Я отпираю входную дверь и захожу внутрь. К счастью, в фойе никого нет.

— И на этой ноте я заканчиваю этот разговор. Спокойной ночи, Кингстон.

Мой телефон звонит через секунду после того, как я кладу трубку, но я отклоняю вызов. Он пытается дозвониться еще три раза, прежде чем отправить сообщение.

Кингстон: Возьми чертову трубку, Жас.

Этого не случится, приятель.

Кингстон: Если ты не возьмешь трубку, я приеду туда со своей задницей и вытащу тебя из дома, если придется.

Я знаю, что это не пустая угроза, поэтому я действую быстро. Я меняю свое шикарное платье на черные джинсы, подходящую толстовку и кеды, укладываю волосы в низкий хвост и натягиваю на голову шапку. Я выгляжу так, как будто готовлюсь к небольшому — Б и Е, но я полагаю, что слиться с толпой — это именно то, чего я добиваюсь. Я листаю контакты на своем телефоне и нахожу нужного мне человека.

Глубокий голос, который я знаю так же хорошо, как свой собственный, отвечает на первом же гудке.

— Жас. Не ожидал услышать тебя в ближайшее время. Как дела?

Я захожу в ванную и включаю вентилятор на случай, если кто-то смотрит запись с камеры. Черт, насколько я знаю, именно Кингстон отвечает за эту камеру.

— Мне нужно одолжение. Ты можешь приехать за мной?

— На твое новое место?

Я киваю.

— Да. Ну, нет... но близко к этому. Я напишу тебе адрес заправки. Ты сможешь меня там забрать?

— Детка, мне понадобится не меньше часа, чтобы добраться туда.

— Все в порядке, — уверяю я его. — Мне все равно понадобится немного времени, чтобы дойти туда пешком.

— Почему ты не хочешь, чтобы я заехал за тобой домой? Смущаешься, что тебя увидят со мной?

— Вовсе нет. Скорее, мне нужно как можно быстрее убраться из этого дома.

Он тяжело вздыхает.

— Хорошо, детка. Напиши мне адрес, и я из кожи вон выйду, чтобы добраться до тебя.

— Спасибо, — выдохнула я. — Шон? Есть еще кое-что.

— Что именно?

— Я оставляю свой телефон дома, так что после того, как я отправлю тебе сообщение,

ты не сможешь до меня дозвониться. И не пиши мне в ответ.

Он обдумывает это мгновение.

— Что ты мне недоговариваешь?

— Я объясню, когда увижу тебя. Ты же знаешь, я на это гожусь.

— Неприятности с богатыми людьми, да?

— Что-то вроде этого. Слушай, мне пора. Скоро увидимся. Пока, Шон.

— До скорого, Жас.

Я пересылаю адрес — Шеврона, затем удаляю наш текстовый поток и журнал звонков, после чего ставлю телефон на зарядку. Возвращаясь в шкаф, я кладу в карман удостоверение личности и немного наличных и снимаю с вешалки куртку. В последнюю секунду я хватаю с пола рюкзак и бросаю в него сменную одежду. Лучше быть готовым, чем нет. Хорошо, что в последнее время я начала бегать на улице, потому что я достаточно хорошо ознакомилась с местностью. Теперь мне просто нужно убедиться, что я остаюсь вне поля зрения во время трехмильной прогулки на случай, если Кингстон проедет мимо. Возможно, сейчас у меня в голове крутится тысяча вопросов, но в одном я уверена точно: он придет за мной.

9. Кингстон

Какого хрена сейчас происходит с Жас? Я ни на секунду не верю в отговорку про усталость. Рид сказал, что она была определенно расстроена, когда ее высадили, и он сомневается, что это как-то связано с тем, что она заблудилась. Почему она была в этом лабиринте? Видел ли Жаснас с отцом, когда мы проходили через него? Что еще важнее, подслушала ли она наш разговор? Поэтому она меня игнорирует?

Блядь.

Все эти вопросы без ответов сводят меня с ума. Слава Богу, что Рид нашел ее вовремя. Кто знает, что могло бы случиться, если бы мы с отцом столкнулись с Жас? Или, если бы она дошла до конца лабиринта и наткнулась на тот дом? Мой отец выполнял задание, чтобы проверить мою преданность. Если бы Жас увидела, что на самом деле происходило в том доме... пути назад не было бы, на нескольких уровнях.

По крайней мере, теперь мой план может двигаться вперед. Возможно, сегодня мне пришлось сделать некоторые вещи, которые доставили мне дискомфорт, но в процессе я немного продвинулся вперед. Что касается моего отца, то секс с той женщиной доказал ему, что мои чувства к Жас не так глубоки, как он думал. Что если я и обладаю ею, то только потому, что не хочу делиться своими игрушками, а не потому, что безнадежно влюблен в нее.

Я провожу рукой по лицу, качая головой. Я все еще не могу поверить, что они занимаются проституцией. Он не разгласил многих деталей, и я не собирался рисковать подозрениями, настаивая на этом, но он сказал, что произошедшее в том доме лишь поверхность того, что у него происходит. Секс продается, и благодаря этому он стал невероятно богатым. Он намекнул на новые возможности для бизнеса, которые мы с ним могли бы решить вместе. Когда я спросил об участии Чарльза, он просто ответил, что Чарльз не вовлечен во все дела, и он планирует так и оставить. Когда я поинтересовался, откуда берутся женщины, он решил, что мне не нравится то, что я вижу, и сказал: — Есть из чего выбирать, если вы хотите более разнообразный выбор. Тогда он позвал ту латиноамериканку, сказав ей, чтобы она оказала мне лучшее обращение.

Я ни за что на свете не стал бы выяснять, что это значит посреди секс-притона,

особенно на глазах у отца и Мэдлин, поэтому спросил, нет ли у них более уединенного места. К счастью, он подтвердил, что есть, и велел девушке проводить меня в спальню. По словам отца, эта комната предназначена для клиентов, которым требуется максимальная конфиденциальность, чтобы потакать определенным наклонностям, и они дорого платят за уединение. Я полагаю, что эти предпочтения весьма сомнительны, учитывая, что все происходило в открытую, как будто это было совершенно нормально. Хотя, зная моего отца, он, вероятно, просто не хотел, чтобы его приятельница по траху, Мэдлин, увидела мой член, потому что тогда она бросит его задницу, чтобы попытаться оседлать меня.

Я содрогаюсь от этой мысли. Я ничего не имею против горячих милф, но эта женщина — истинное воплощение роковой женщины. Ни одна киска не стоит твоей неминуемой гибели. Ладно, может быть, одна киска и сможет меня завалить, и я, скорее всего, буду улыбаться всю дорогу, но это не столько из-за органа, сколько из-за человека, который к нему привязан. Господи, парни были правы. Я — подкаблучник. Не то чтобы я когда-либо признался бы в этом, особенно обладательнице этой киски. Мне и так тяжело справляться со всеми этими чертовыми эмоциями, которые она заставляет меня испытывать.

Как сейчас, когда я паркую свой — Ровер перед ее домом, я чувствую себя безумным. Я не знаю почему, но моя интуиция подсказывает мне, что что-то очень, очень не так, и чем дольше я буду ждать, тем хуже будет. Слава Богу, Рид додумался оставить мою машину, прежде чем они с Эйнс поехали обратно к нему домой на ее машине. Моя Agera или мой мотоцикл не очень-то тихие, и любой человек внутри услышал бы, как я спускаюсь по дорожке.

Уже поздно, поэтому я воспользовался ключом, который Пейтон давно дала мне, чтобы войти в дом через боковую дверь гаража. Я прокрадываюсь через прихожую комнату и прохожу на кухню, внимательно прислушиваясь, нет ли там людей. Я так часто ходил этим путем, когда пробирался ночью в спальню Пейтон, что темнота ничуть не мешает мне. На этот раз я обхожу комнату Пейтон и остановилась перед дверью Жас. Я прижимаю ухо к дереву и не слышу ничего, кроме тишины. Я проверяю ручку и вздыхаю с облегчением, когда обнаруживаю, что она не заперта.

Как только я открываю дверь, моя паника усиливается в десять раз. Прикроватная лампа горит, и я вижу телефон Жас, лежащий на зарядном устройстве. Двери шкафа и ванной комнаты широко открыты, так что совершенно очевидно, что Жас здесь нет. Я проверяю игровую комнату в другом конце коридора, подвал и задний двор, но понимаю, что это бессмысленно. Жас нигде нет, и она намеренно оставила свой телефон, чтобы я не смог ее найти.

Что, блядь, происходит?

Она явно убегает, но почему? Жас — умная девушка, и ее инстинкты самоохранения на высоте. Что могло заставить ее почувствовать отчаяние и совершить столь безрассудный поступок? Без телефона и без машины она не могла далеко уйти. Я кладу ее телефон в карман, возвращаюсь к своей машине и набираю номер Бентли, как только завожу двигатель.

— Йоу, братан, как дела? Ты дома после вечеринки?

— Она с тобой?

Бентли на мгновение замолкает, вероятно, пытаюсь понять, почему я на него кричу.

— Кто со мной?

— Да ладно, чувак, не морочь мне голову. Жас с тобой? Она тебе звонила?

— Чувак. Отвали, блядь. Я думал, Жас пошла с тобой на вечеринку. С чего бы ей быть

со мной?

Я стиснул зубы.

— Она была. Но Рид и моя сестра отвезли ее домой, потому что я задержался с отцом. К тому времени, как я добрался до Жас, ее уже не было, и я понятия не имею, куда она делась.

— И что? Отследил ее телефон. Проблема решена.

Я хлопаю ладонью по рулю.

— Я блядь не могу отследить ее телефон, потому что она намеренно оставила его в своей спальне. О чем это говорит тебе, Фицджеральд?

— О том, что она от тебя шарахается, — он прочищает горло. — Что ты сделал, придурок?

— Я ничего не сделал! — кричу я. — Ну, во всяком случае, ничего такого, о чем она могла бы узнать.

— Что это вообще значит?

— Блядь! — я нажимаю на газ, как только выезжаю из нашего закрытого поселка.

— Ты дома? Мы едем на охоту за дерзкими принцессами. Я все объясню, когда приеду.

— Договорились. Дай мне только несколько минут, и я встречу тебя у входа, — он раздражается смехом, хотя я не могу понять, что его так забавляет. — О, и Дэвенпорт?

— Что?

— Возможно, тебе стоит пересмотреть то маленькое прозвище, которое ты придумал для нее. Потому, что, судя по тому, как она управляет твоей задницей, Жас — королева, мать ее.

Я ворчу.

— Просто поторопись и приготовься.

Я кладу трубку и продолжаю короткую поездку к дому Бентли, думая о его прощальном комментарии всю дорогу. Он не ошибся — Жас чертова королева. Но он упустил одно очень важное отличие.

Она моя гребаная королева.

— Что ты собираешься делать теперь? — Бентли отстегивает ремень безопасности, когда я останавливаюсь перед его домом.

Последние три часа мы разъезжали по всему району. Мы с Бентли останавливались в каждом ближайшем парке и круглосуточных заведениях в округе, которые ограничивались заправками, закусочной и аптекой, но Жас нигде не было видно. Рид дежурил у дома Жас на всякий случай, если она вернется домой, а Эйнс торчала в моем домике у бассейна на случай, если Жас появится там. Примерно пятнадцать минут назад Эйнсли позвонила и сказала, что Жас связалась с ней. Жас заблокировала номер, с которого звонила, но сказала, что на эту ночь она в безопасности и что поговорит с Эйнсли завтра. Моя сестра сразу же передала сообщение мне, чтобы мы прекратили поиски.

Тот факт, что я понятия не имею, где она может быть, выводит меня из себя. Это заставляет меня понять, что я мало что знаю о жизни Джаз до того, как она переехала сюда. Она никогда не упоминала друзей из своего старого района, но это не значит, что у нее их нет. Эйнсли сказала, что у Жас и ее бывшего придурка были довольно дружеские отношения, что само по себе очень расшевелило осиное гнездо внутри меня, но моя сестра не думает, что Жас была с ним, когда она звонила.

Что бы Жас ни сказала ей, у Эйнсли сложилось впечатление, что она остановилась на

ночь в отеле, что меня немного успокаивает. Я не думаю, что Жас пошла бы на то, чтобы связаться с моей сестрой, зная, что она будет беспокоиться о ней, если она действительно не в безопасности. Однако, я не понимаю, почему Жас не позвонила мне, и почему она вообще сбежала. Это сводит меня с ума. К сожалению, я не думаю, что получу ответы на эти вопросы, пока не загоню Жас в угол, что я и собираюсь сделать сегодня утром.

Я потираю узел, образовавшийся у меня на шее.

— Единственное, в чем я уверен, это то, что Жас не пропустит день, проведенный с сестрой. Мы забираем ее в одиннадцать утра каждое воскресенье, так что если Жас не вернется домой до этого времени, я собираюсь разбить палатку перед домом Белль, пока она там не появится. Так или иначе, я доберусь до нее.

— Мне неприятно говорить это, но ты знаешь, что я собираюсь сказать тебе все начистоту.

Я делаю рукой движение — выплюнь это.

Бентли пожимает плечами.

— Я думаю, ты облажался... на вечеринке, я имею в виду.

— Как я облажался? Я делал именно то, ради чего мы туда пришли. И за пару часов я добился большего прогресса, чем за последние два года. Мой отец наконец-то впустил меня. Он оказал мне большое доверие, приведя меня в этот дом.

— Я знаю это, — уверяет он меня. — И это действительно хорошо. Но часть про проститутку? Серьезно, чувак?

— У меня не было выбора, черт возьми, — выдохнул я. — Если бы я не принял его щедрый подарок, как он его назвал, отец бы понял, что я его обманываю. Это был его способ проверить мою преданность ему, и я прошел этот тест с блеском. Это нужно было сделать, чувак.

— Да, но что если Жас узнает?

— Нечего узнавать, — возразил я. — А даже если бы и узнала, мой папа или Мэдлин ни хрена бы не сказали, потому что им пришлось бы объяснять свою роль во всей этой ситуации.

— Я все еще думаю, что тебе нужно признаться во всем. Разве вы не договорились, что больше не будете хранить секреты друг от друга?

— Она этого не поймет, — качаю я головой. — Если я расскажу Жас, единственное, чего я добьюсь, это причину ей боль, а у нее и так было более чем достаточно боли за последние несколько месяцев. Я не собираюсь это усугублять.

— Я думаю, ты совершаешь ошибку, парень.

— Это мой выбор. Не лезь в это, Бент.

— Она мне тоже безразлична, ты знаешь. Я имею право беспокоиться.

Я почесываю легкую щетину, образовавшуюся на моей челюсти.

— Я знаю, что заботишься, но это все равно мой выбор. Брось это.

Его карие глаза сужаются.

— Я не понимаю. Разве ты не хочешь, чтобы Жас услышал об этом с твоей точки зрения? Это не похоже на то, что ты...

Я поднимаю руку, останавливая его.

— Я сказал, брось это. Пока ты или Рид не расскажете ей..., — я смотрю прямо на него, а вы оба этого не сделаете — она не узнает. Так будет лучше.

Бент качает головой.

— Я думаю, ты совершаешь большую ошибку.

— Да? Ну, тогда я думаю, что это моя ошибка, не так ли? Раз уж она моя девушка.

Он хмурится.

— Ты придурок. Ты знаешь это?

Я усмехаюсь.

— Поверь мне, приятель. Я прекрасно знаю.

10. Жас

— Ты уверена в этом, детка?

Я вздыхаю и поворачиваюсь к Шону. — Я только что рассказала тебе обо всем дерьме, с которым я имею дело. Почему ты вообще ставишь под сомнение мою потребность защищать себя?

Он на мгновение прикусывает свою полную нижнюю губу.

— Кто бы мог подумать, что твоя жизнь станет более опасной, когда ты переедешь из проекта? Если бы я не знал тебя так хорошо, я бы поклялся, что ты все это выдумала.

Я усмехаюсь.

— Моя жизнь превратилась в теленовеллу. Зачем кому-то выдумывать это дерьмо?

Губы Шона подергиваются, вероятно, вспоминая все то время, которое мы провели за просмотром латиноамериканских сериалов на Netflix. Мы смеялись над всеми нелепыми сюжетами, а теперь я живу в одном из них. Как тебе такая ирония?

Он протягивает руку и перебирает прядь моих волос.

— У меня есть несколько приятных воспоминаний, связанных с этими нелепыми шоу.

Я втягиваю воздух, когда его глаза темнеют. Чаще всего мы с Шоном выдерживали только половину эпизода, прежде чем это заканчивалось тем, что мы трахались на его кровати. Химия никогда не была проблемой для нас, и очевидно, что она все еще не является проблемой для него, но я не на той же странице. Черт, я даже не в той книге.

Отталкивая его руку, я говорю: — Шон, не надо.

— Давай, Жасмин, забудь об этом своем безумном плане. Почему бы нам не развернуться и не поехать ко мне? Ты же знаешь, я могу сделать так, чтобы тебе было хорошо.

Я отстегиваю ремень безопасности и дергаю за ручку двери.

— Пожалуйста, не заставляй меня жалеть о том, что я попросила тебя о помощи. Ты единственный человек, который у меня есть.

Отлично, теперь он выглядит рассерженным.

— Ты сама это сказала. Он изменил тебе сегодня вечером. Скорее всего, он лгал тебе все это время. Этот красавчик тебя не заслуживает.

Я щипаю себя за переносицу.

— От этого не становится менее больно, и два зла не делают добра, Шон.

— И ты думаешь, что встреча с Тайни все исправит?

— Нееееет. Я думаю, что встреча с Тайни придаст мне уверенности, в которой я сейчас отчаянно нуждаюсь. Это ты всегда проповедовал о том, что никогда нельзя полагаться на чью-то защиту. Что если кто-то нападет на меня, я буду делать то, что мне нужно, чтобы спасти себя. Это я и делаю.

Шон снимает шляпу и отворачивает ободок назад, прежде чем надеть ее обратно.

— Мне это ни хрена не нравится, Жас.

— Верно подмечено. Но я все равно туда пойду.

Он ругается.

— Если ты настаиваешь на этом, я не позволю тебе уйти, пока не буду уверен, что ты сможешь справиться с этой чертовой штукой. Утром мы отправимся на стрельбище или еще куда-нибудь

— Не могу, — я качаю головой. — Воскресенье — единственные дни, когда я могу видаться с Белль.

— Ну, тогда пойдем в понедельник.

— В понедельник у меня школа.

— Ты собираешься туда вернуться? Seriously?

Я потираю виски.

— Я должна. Ты знаешь, что я не могу уйти от этого.

— Если с тобой что-то случится...

— Я не могу не попытаться. Кроме того, с каждым из нас может что-то случиться, когда мы меньше всего этого ожидаем. Моя мама — прекрасный тому пример. Она ждала на этой остановке почти каждый день без происшествий в течение многих лет. Держу пари, она не думала, что по дороге на работу в то утро попадет под машину и не доберется до дома. Сомневаюсь, что кто-то думает об этом, когда идет по своим обычным утренним делам.

— Я бы не сказал, что никто, — возражает он.

Я закатываю глаза.

— Ты знаешь, что я имела в виду.

Шон хватает меня за руку, чтобы остановить мое продвижение, когда я пытаюсь выйти из машины.

— Подожди секунду, ладно? Если мы это сделаем, ты должна пообещать мне, что будешь осторожна.

— Обещаю. Ты же знаешь, я почти все обдумываю. Я буду в безопасности.

Шон кивком вытаскивает ключи из замка зажигания, и мы оба направляемся к потрепанному многоквартирному дому. Шон стучит в дверь по схеме — один-два-один. После того, как слышно, как несколько замков отпираются, через мгновение дверь распахивается. Человек, заполнивший дверной проем, — полная противоположность маленькому, что делает его прозвище уморительным. Seriously. Чувак ростом шесть с половиной футов и весом около трехсот фунтов. Для большинства он страшный мафиози, но для меня он просто брат Шона от другой матери.

Тайни делает шаг в сторону и сверкает зубастой улыбкой.

— Черт, детка, ты становишься лучше с возрастом.

Я ухмыляюсь.

— Спасибо, Тайни.

Шон ударяет его по руке.

— Отвали, блядь.

Его лучший друг делает шаг назад и протягивает ладони.

— Остынь. Не знал, что вы двое снова вместе.

— Это не так, — качаю я головой.

Шон хмурится на это, что заставляет Тайни рассмеяться.

— Итак, чем я обязан такой чести? — Тайни жестом приглашает меня присесть на коричневый кожаный диван.

Мой бывший парень присаживается на подушку рядом со мной.

— Жас нужен кусок. Желательно, что-то маленькое и простое в обращении.

— Ты же не говоришь... — брови Тайни удивленно приподнимаются.

— Кто-то доставляет тебе неприятности, коротышка?

Я киваю.

— Можно и так сказать.

Тайни хрустит костяшками пальцев.

— Хорошо, тогда. Проходи в мой кабинет.

Он жестом приглашает меня следовать за ним в спальню. На первый взгляд, это стандартная гостевая комната. У одной стены стоит кушетка, у противоположной — небольшая книжная полка и письменный стол. Я в замешательстве наблюдаю, как он выдвигает чемодан из-под кровати, пока не обнаруживаю в выемке матраса армейский зеленый контейнер для хранения. Тайни возится с замком, а затем снимает крышку, открывая ассортимент пистолетов, аккуратно разложенных от самого большого до самого маленького. Он берет маленький черный пистолет, проверяет магазин и протягивает его мне.

— Это все призраки, так что можете не беспокоиться, что кто-то его отследит. У этого минимальная отдача и высокая точность. Единственный недостаток — в нем всего шесть патронов, но это идеально для человека твоего роста. Обычно я не продаю патроны — не хочу рисковать тем, что на меня могут напасть с заряженным оружием, понимаете? Но раз уж я знаю, что ты крутая, я тебе помогу. В штате Калифорния очень строгие законы о покупке, так что приходите ко мне, когда вам понадобится больше.

— Буду признательна, — я проверяю вес пистолета в руке. — Сколько?

Тайни потирает подбородок.

— Обычно я бы сказал шестьсот, но вы проходите по семейной скидке. Можешь дать четыре?

Я роюсь в кармане и достаю наличные, которые принесла с собой. После этого у меня останется всего сто сорок два доллара. Мне действительно нужно найти работу.

Я отрываю четыре Бенджамина, которые он засовывает в карман и начинает процесс закрытия магазина. Как только кровать перестает быть похожей на оружейный склад, Тайни поворачивается и вкладывает мне в руку небольшую коробку патронов калибра 9 мм.

— Будь осторожна. Рад был тебя видеть.

— Спасибо, Тайни. И я тебя.

Шон достает из кармана прямоугольную жестянку и открыл ее.

— В моем магазине появился этот потрясающий новый сорт из Колорадо. Он чертовски мощный. Вчера привезли предпродажную партию, и я успел взять пачку, пока ее не распродали. Хочешь попробовать?

Ах, преимущества работы в диспансере. Ты можешь попробовать всю лучшую траву первым.

— Почему бы и нет? Возможно, это поможет мне уснуть. Не может быть, чтобы это произошло естественным путем при той скорости, с которой работает мой мозг.

— Эй, цветок на сто процентов натуральный. Любой, кто говорит обратное, распространяет фальшивые новости.

Я наклоняю голову.

— Трогательно.

Он прикуривает сигарету, когда она свисает с его губ, пронизывая воздух резким запахом. Сделав затяжку, он передает ее мне, чтобы я сделала то же самое, затем мы повторяем этот процесс еще несколько раз. Шон предложил свой диван на ночь, и я с радостью согласилась. Когда мы вышли от Тайни, было уже за полночь. Дом Шона находится менее чем в миле от дома моей сестры, так что мне будет гораздо проще добраться до нее утром. Мне просто нужно будет отвезти ее туда, куда мы сможем добраться пешком или на автобусе, а потом придумать, как мне добраться домой.

— Ты действительно думаешь, что эта Эйнсли ни о чем не догадывается?

— Я бы не стала ей звонить, если бы это было не так. Она хороший друг и еще лучший человек. Я знала, что она будет на взводе, и не хотела, чтобы она беспокоилась обо мне всю ночь, — моя голова кружится, когда травка внезапно накрывает меня.

— Вау, это хорошее дерьмо.

Шон смеется, прежде чем принять еще одну порцию.

— Это действительно так. Ты знаешь, что моя толерантность зашкаливает, но это дерьмо действует на меня гораздо быстрее, чем все остальное, что я пробовал.

У меня на глаза наворачиваются слезы, когда его слова заставляют меня вспомнить о Бентли.

— Могу я снова воспользоваться твоим телефоном?

— Жас. Сейчас после двух.

— Я знаю.

— Я не дам тебе свой телефон, чтобы ты могла позвонить этому уроду.

— Я ему не звоню.

— Тогда кому?

— Шон, — я протягиваю руку, ладонью вверх. — Пожалуйста.

Когда он отдает телефон — хотя и неохотно — я открываю интернет-браузер и захожу в свой электронный почтовый ящик. Не помню, кто однажды предложил это сделать, но с тех пор, когда я сохраняю в телефоне новый номер, я всегда отправляю себе по электронной почте копию карточки контакта и сохраняю ее в папке — Сохраненные. В наши дни люди редко набирают полные телефонные номера, а значит, у них редко есть возможность их запомнить. Это гарантирует, что я никогда не останусь без чьей-либо информации, если потеряю телефон. Или специально оставляю его, потому что кто-то установил на него трекер.

Я нахожу номер Бентли и набираю его, замаскировав идентификатор звонящего. Шон бросает на меня странный взгляд, когда я выхожу на заднюю террасу, но у меня не хватает мозгов, чтобы вычислить его сегодня.

— Алло? — голос Бентли сонный, как будто я его разбудила.

— Ты спал?

Я слышу, как он шевелится.

— Жас? Где ты, детка? Ты в порядке?

— Я в порядке, — заверяю я его.

— Где ты? — его глубокий голос теперь звучит более настороженно. И жестче.

— Помнишь, ты обещал, что больше никогда не будешь мне лгать?

Он прочищает горло.

— Да, я помню.

Я прислоняюсь к металлическим перилам, глядя на мерцающий уличный фонарь. Шон живет в квартире на втором этаже, поэтому у меня прекрасный вид на парковку,

принадлежащую комплексу за его домом. И на задницу проститутки, когда она делает кому-то предложение на обочине. В Южной Калифорнии есть захватывающие дух береговые линии, но так называемый Город Ангелов определенно соответствует термину — бетонные джунгли. Он оживленный, шумный и яркий, даже посреди ночи. Раньше я никогда не обращала на это внимания, потому что это было все, что я когда-либо знала, но жизнь на западных холмах в последние несколько месяцев показала мне кое-что другое. Я привыкла к тишине и покою.

— Жасси? Ты еще здесь?

Я вынырнул из своего травяного тумана.

— Извини. Немного покурила.

— Сама по себе? Где ты, Жас? Ты напугала нас до смерти.

— Мое местоположение не имеет значения. Я в безопасном месте. Клянусь.

Он тяжело вздохнул.

— Почему ты ушла, малышка? Что случилось?

— Я думаю, ты знаешь, Бентли, — я подавила всхлип. — И мне нужно, чтобы ты был честен со мной.

— Ты плачешь? Скажи мне, где ты, и я приеду за тобой.

Я качаю головой, не понимая, что он меня не видит.

— Скажи мне, Бентли. Пожалуйста.

Он издает болезненный стон.

— Вам с Дэвенпортом действительно нужно научиться лучше общаться. Это предотвратило бы уйму проблем. Я не хочу ввязываться в это, Жас. Мне бы не пришлось влезать в это, если бы ваши упрямые задницы просто разговаривали друг с другом. Да ладно, Жасси, ты же знаешь, что у Кингстона есть причина для всего, что он делает. Возможно, это не всегда правильно, но он искренне верит, что так будет лучше, независимо от обстоятельств.

— То есть, ты хочешь сказать, что лучшее, что можно было сделать в этой ситуации, это трахнуть кого-то?

Он молчит по крайней мере тридцать секунд.

— Ты последовал за ними в тот дом, не так ли?

Я издаю сардонический смех.

— Нет, на самом деле я следовала за кем-то другим и добралась туда раньше них. Но да, я видела, как Кингстон и его отец вошли в секс-клуб, или что это было. Мне было хорошо видно все с задней двери, а это значит, что я также видела, как мой предполагаемый парень *дурачился с голой девушкой прямо перед тем, как исчезнуть с ней в коридоре.*

Черт возьми. Я не хотела говорить ему об этом. Мой кайф явно сделал меня более болтливой, чем обычно.

— Жас, пожалуйста, позвони ему. Все не так, как кажется. Ему сейчас очень хреново, он беспокоится о тебе.

Я вздыхаю.

— Я лицемерка, Бент? Неужели я сумасшедшая, что чувствую себя такой преданной, учитывая то, что произошло между нами тремя той ночью?

— Нет, детка. Есть большая разница между тем, чтобы выйти на своего парня, и тем, чтобы вы вдвоем пригласили кого-то поиграть с вами. *Поговори с ним*, и ты увидишь, что все не так, как кажется. Я знаю своего мальчика, и я знаю, что он никогда бы не сделал с тобой

ничего подобного. Ты — его мир, Жасси.

Я оглядываюсь через плечо, когда дверь открывается, и из нее выходит Шон.

— Ты в порядке?

— Кто это, блядь, такой? — сердито кричит Бентли.

Шон хмурится, очевидно, услышав слова Бентли по телефону.

Я поднимаю палец, прося его дать мне минутку.

— Бент, мне нужно идти. Думаю, мне просто нужно выспаться. Я поговорю с тобой позже, хорошо?

— Жас, подожди. Не надо...

Я заканчиваю звонок и передаю трубку обратно Шону.

— Спасибо.

Его глаза мечутся между моими.

— Ты в порядке?

— Я действительно думаю, что мне нужно немного поспать. Из него вырывается зевок, что еще раз доказывает мою правоту.

Он дергает головой через плечо.

— Ты можешь занять мою кровать. Я только что поменял простыни.

— Я не собираюсь занимать твою кровать.

Шон кладет руки на каждое из моих плеч и начинает вести меня по коридору.

— Ты займешь эту чертову кровать. Я буду спать на диване. Малакай должен быть дома с минуты на минуту, и я не могу гарантировать, что он будет один. В моей комнате будет тише.

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Но только потому, что твой диван действительно отстойный.

— Иди спать, Жас. Поговорим утром.

11. Жас

— Спасибо за поездку. И за все, что было вчера вечером.

Шон подъезжает на своем темно-синем BMW 328i к обочине, через два дома от дома Белль. Седану больше десяти лет, но этот парень держит его в навязчивой чистоте. Парни и их машины, верно?

— Вы уверены, что не хотите, чтобы я вас куда-нибудь отвез?

— Уверена, — я киваю, опустив тот момент, что Белль, вероятно, не будет рада его видеть. Ей достаточно нравился Шон, пока мы встречались, но она любит Кингстона, и я боюсь, что встреча с Шоном смутит ее.

— По крайней мере, пересмотри вариант с поездкой домой. Нет смысла платить, когда я могу сделать это бесплатно, — он смотрит на рюкзак на моих коленях. — Ты можешь оставить его у меня, и я верну его обратно.

Наверное, это было бы разумно, учитывая, что — Глок у меня завернут в рубашку, которую я надевала прошлой ночью. Он не заряжен, но все же. Мне не нравится идея носить оружие, когда я провожу день с сестрой.

— Да... хорошо. Может, встретимся здесь около пяти?

Шон смотрит мне в глаза.

— Я могу это сделать.

Я мягко улыбаюсь ему.

— Еще раз спасибо, Шо... — движение на улице привлекло мое внимание. — Ах, черт.

Взгляд Шона следует за моим. Его плечи напрягаются, когда он замечает, что Кингстон едет прямо на нас, прожигая дыры в лобовом стекле. Черт возьми, я должна была догадаться, что он появится здесь.

— О, блядь, нет, — Шон практически вырывает ключи из замка зажигания и открывает дверь машины.

— Шон, не надо.

Он усмехается.

— Прости, Жас. Я от этого не отступлю. Этот смазливый ублюдок имеет наглость заявиться сюда.

Я выскакиваю из машины и догоняю его, как раз когда Кингстон догоняет нас. Двое мужчин смотрят друг на друга, враждебность между ними ощутима. На щеке Кингстона подрагивает мускул, а Шон сжимает и разжимает кулаки. Ни один из них не произносит ни слова. Они просто стоят в квадрате, пытаюсь убить друг друга взглядом.

Я встаю прямо между ними. Меньше всего мне сейчас нужно, чтобы они бросались друг в друга кулаками, а потом пришлось бы разбираться с тем, кто вызовет полицию. Оба мужчины довольно равны по габаритам, и у Шона есть законная уличная смекалка, но после того, как я увидела, как Кингстон дрался на дне рождения Пейтон, я думаю, что он может нанести реальный ущерб своему противнику.

— Жас, двигайся, — выдавливают Кингстон.

— Не говори с ней в таком тоне, — отвечает Шон.

На губах Кингстона появляется жестокая ухмылка.

— Или что?

Я раскидываю руки по обе стороны, когда они оба делают шаг вперед.

— Вы оба. Прекратите это.

Глаза Кингстона впервые встречаются с моими.

— Так вот с кем ты была всю ночь? — его глаза сегодня ярко-зеленые, почти светятся от напряжения, пока он ждет моего ответа.

Я вскидываю бровь.

— И что, если так?

Его глаза сужаются.

— Тогда у нас будет проблема.

Я усмехаюсь.

— О, у нас уже есть проблема, Кингстон.

Взгляд Кингстона переходит на Шона. Если бы он попытался, то не смог бы выглядеть более невозмутимым.

— Ты можешь идти. Я бы хотел поговорить со своей девушкой наедине.

Шон снова бросается вперед, но останавливается, когда моя ладонь прижимается к его выпяченной груди.

— Пошел ты. Я никуда не собираюсь уходить. И, насколько я понимаю, она больше не твоя девушка, — он отпускает сардонический смешок. — Но не волнуйся, я хорошо позаботился о ней прошлой ночью.

Дерьмо.

Ему просто нужно было пойти и разбудить зверя, не так ли? В одну секунду Кингстон оттаскивает меня с дороги, а в следующую его кулак сталкивается с челюстью Шона. Шон

немедленно отвечает, нанося сильный удар примерно в то же место.

— Прекратите! — кричу я. — Кто-нибудь вызовет полицию, идиоты!.

Конечно, они не слушают и продолжают обмениваться ударами. Когда я вижу, что соседи выглядывают через занавески, я понимаю, что нужно покончить с этим побыстрее, пока обоих этих дураков не посадили в тюрьму. Я не настолько глупа, чтобы рисковать своим лицом, поэтому я делаю первое, что приходит мне в голову. Я снимаю туфли прямо посреди улицы и бросаю по одному на голову каждому из них так сильно, как только могу.

— Ой! — кричит Шон, потирая лоб.

— Какого хрена? — Кингстон ворчит в то же время, глядя на один из моих упавших на бетон ботинков.

Я кладу руку на бедро.

— Вы, засранцы, заслужили это.

Ноздри Шона раздуваются, когда он вытирает кровь с губы.

— Ты серьезно швырнула ботинком мне в лицо?

Я закатываю глаза.

— Да, черт возьми, я бросил ботинок тебе в лицо. Хватит быть таким ребенком. Не то чтобы это было больнее, чем кулак, но, очевидно, элемент неожиданности вбил в вас, идиотов, немного здравого смысла.

Шон морщится.

— Это жестоко, детка.

— Назови ее так еще раз и посмотри, что произойдет. Кингстон сплевывает кровь на землю.

Шон выпячивает подбородок.

— Я не боюсь тебя, плайя.

Я вскидываю руки вверх.

— Да заткнитесь вы оба. Если бы вы перестали меряться ч...

— Жас!

Все три наши головы поворачиваются в направлении голоса моей сестры. Она несется к нам по тротуару с огромной улыбкой на лице.

Я присаживаюсь на корточки и раскрываю руки, чтобы обнять ее, как только она окажется в пределах досягаемости.

— Привет, малышка. Я скучала по тебе.

Белль сжимает меня крепче и зарывается носом в мою шею.

— Я тоже по тебе скучала.

Я смотрю на обоих парней через плечо Белль, безмолвно говоря им, чтобы они собрались с мыслями.

Я перебираю пальцами прядь ее распущенных волос.

— Ты расплела косички. Как тебе удалось сделать такие красивые локоны?

Моя сестра кивает.

— Моника работает в салоне красоты. Она берет домой всякие штуки, чтобы попробовать. Она купила мне какое-то новое масло, которое пахнет как солнцезащитный крем, — Белль поднимает прядь своих волос, ожидая, пока я понюхаю. — Видишь?

Я вдыхаю аромат кокоса.

— Ммм, ты пахнешь так вкусно, что хочется съесть, — я игриво щелкаю зубами возле ее шеи, заставляя ее хихикать.

Белль отстраняется и хмурится, когда наконец замечает Шона.

— Что он здесь делает?

Шон смеется над ее обвинительным тоном.

— Привет, коротышка. Давно не виделись.

Белль сжимает кулаки и кладет их на бедра.

— Я не коротышка.

Он протягивает ладони в знак капитуляции.

— Моя ошибка. Ты простишь меня?

Теперь Белль скрещивает руки на груди и хмыкает.

Конечно, Кингстону нравится тот факт, что моя сестра оказывает моему бывшему не слишком теплый прием.

— Привет, малышка.

Улыбка растягивается на ее лице, прямо перед тем, как она бросается в объятия Кингстона. Шон не единственный, кому сейчас не по себе от того, что Белль так обожает Кингстона.

Кингстон стоит с Белль, гордо опираясь на бедро. Он поправляет один из ее локонов и говорит: — Твои волосы действительно выглядят красиво.

— Спасибо, — Белль осторожно прижимает кончики пальцев к уголку его рта. — У тебя клякса на губе.

Кингстон высовывает язык, вытирая капельку крови.

— Не волнуйся за меня, милая. Это совсем не больно.

Мы с Шоном оба качаем головами на очевидную подколку Кингстона.

Я говорю своему глупому сердцу оставаться твердым, когда Кингстон щелкает ее по носу.

— Ты не хочешь сходить сегодня в детский музей?

Ублюдок.

Лицо Белль озаряется.

— Да!

— Вообще-то... Белль, я тут подумала, что мы с тобой могли бы устроить день только для сестер. Может, сесть в автобус, как в старые добрые времена, и поехать в какое-нибудь веселое место?

Ее брови сходятся вместе.

— Но я хочу пойти в детский музей.

— Да, Жас, она хочет пойти в музей, — Кингстон победно улыбается.

Я мысленно отмахиваюсь от него.

— Ну, тогда мы можем поехать в музей на автобусе и все равно устроить день сестер.

— Или я могу отвезти тебя, — предлагает Шон. — Обещаю, что я не буду мешать. Я просто буду твоим шофером.

Белль смотрит сначала на Шона, потом на меня, потом на Кингстона. Кажется, она наконец-то почувствовала напряжение в воздухе. Ее брови нахмурились, когда она потянула Кингстона за рукав, побуждая его подвести ее.

— Ты злишься на меня?

Я качаю головой.

— Конечно, нет, дорогая. Почему ты так думаешь?

— Потому что все выглядят очень злыми, как в тот раз, когда я разлила сок по всему

дивану, а папа накричал на меня и заставил лечь спать без ужина.

Мне приходится прилагать огромные усилия, чтобы скрыть свою ненависть к отцу моей сестры. Еще одна причина, по которой мне нужна работа: Чтобы я могла проконсультироваться с адвокатом и узнать, каковы мои шансы получить частичную опеку.

Кингстон опускается на колени.

— Эй, принцесса. Никто не сердится.

Белль указывает на Шона.

— Тогда почему у него тоже кровоточит губа?

Кингстон даже не удостоил Шона взглядом.

— Мы просто дурачились.

Шон использует нижнюю часть своей рубашки, чтобы вытереть кровь. К счастью, рубашка черная, так что, надеюсь, на ней не останется пятен. Он подмигивает, когда ловит мой взгляд на его пресс, который стал гораздо более рельефным, чем раньше. Может, я и не хочу быть с ним, но я точно не слепая. К сожалению, Кингстон тоже ловит мой взгляд, за что получаю свирепый взгляд.

Я отвечаю ему тем же.

— Даже не начинай со мной.

Белль хватает меня за руку.

— Жас?

Я вздыхаю.

— Дорогая, я обещаю, что никто на тебя не сердится. И мы сделаем что-нибудь очень веселое, но сначала мне нужно поговорить с мальчиками по-взрослому. Почему бы тебе не вернуться в дом, а я зайду за тобой через несколько минут?

— Тогда ты, я и Кингстон пойдем в детский музей?

Я ободряюще улыбаюсь ей.

— Мы все уладим, хорошо? Просто возвращайся в дом, и я скоро приду.

Белль вздергивает носик.

— Хорошо.

Никто не произносит ни слова, пока она не возвращается в дом. Как только она закрывает дверь, все ставки отменяются.

— Тебе нужно уйти, — говорит Кингстон Шону.

Шон усмехается.

— Нет, блядь.

Я смиренно опускаю голову. Оба парня смотрят на меня, пока я ныряю в — Бимер Шона и беру свой рюкзак.

— Жас... — начинает Шон.

Я поднимаю руку.

— Я знаю, что делаю, Шон. Спасибо тебе за вчерашний вечер. Я позвоню тебе позже, хорошо?

Он недоверчиво переводит взгляд между мной и Кингстоном.

— Ты сейчас издеваешься надо мной? Ты принимаешь его сторону после того, что он сделал?

Я щиплю переносицу.

— Я на стороне своей сестры. И что лучше для нее сейчас, так это не устраивать сцен и не смущать ее еще больше.

— Мне это не нравится, — Шон поправляет край своей кепки.

— Все будет хорошо, Шон. Я позвоню тебе позже. Обещаю.

Он испускает тяжелый вздох, прежде чем обхватить меня за плечи и притянуть в объятия. Кингстон выглядит убийственно, когда Шон целует меня в макушку, но к черту его. Он не имеет права говорить сейчас ни хрена.

— Если я не получу от тебя вестей сегодня вечером, я приеду туда.

Шон показывает двумя пальцами на свои глаза, потом снова на Кингстона.

— Я слежу за тобой, ублюдок.

Квадратная челюсть Кингстона подрагивает.

— И я за тобой.

Мы с Кингстоном стоим в тишине, пока Шон садится за руль и уезжает. Когда он уезжает, я начинаю идти к — Роверу Кингстона.

— Я не буду говорить об этом здесь. Машина открыта?

Я слышу, как отпираются замки, когда мы подходим ближе.

— Да, открыта.

Я открываю водительскую дверь и бросаю свою сумку через сиденье в грузовой отсек. Когда я вижу вопрос в глазах Кингстона, я говорю: — Я не верю, что ты не уедешь, если сядешь за руль.

Этот засранец ухмыляется, огибая машину, чтобы забраться в нее со стороны пассажира.

— Как скажешь, Жас. Но я держу их у себя, чтобы ты не сбежала, — он подвешивает мои ботинки за шнурки и смеется, когда я безуспешно пытаюсь их схватить.

Я сурово тычу в него пальцем.

— Тебе не нужно быть придурком из-за этого.

— Перестань вести себя как избалованный ребенок, и, может быть я тоже не буду.

— Прощу прощения?! — я отпрянула назад. — Ты чертовски наглый.

— Ты хочешь рассказать мне, что это было за исчезновение? И какого хрена ты пошла к этому мудаку?

Мои глаза сужаются.

— Не притворяйся, что ты еще не разговаривал с Бентли.

— Пошути, — Кингстон протягивает руку. — Скажи мне, что по-твоему ты видела, и я скажу тебе, что ты видела на самом деле. Тогда мы сможем перейти к тому, какой чертовски глупой ты была, что вообще пошла аза кем-то в этот дом.

— Вау, — качаю я головой. — Просто... вау.

— Нечего сказать? — он приподнимает брови. — Отлично. Я начну. Вчера вечером я сделал огромный прорыв в отношениях с отцом. *Огромный.*

Я хлопаю в ладоши.

— Трахая какую-то телку посреди секс-клуба? Поздравляю.

— Я *никого* не трахал, — вырывается у него.

Я закатываю глаза.

— Отлично. Отсосавшую у тебя. Неважно.

— Я ни с кем ничего не делал, Жас.

У меня отвисает челюсть.

— Я была там, Кингстон! Я стояла у задней двери и смотрела внутрь. Я видела, как ты засунул язык в горло какой-то голой цыпочке! Прямо перед тем, как она потащила тебя по

коридору.

Он на мгновение закрывает глаза.

— Это последнее, что я хотел, чтобы ты увидела, но это нужно было сделать. И больше ничего не произошло.

— Верно, — я складываю руки на груди. — Почему я должна тебе верить? Потому что ты был так честен до этого момента?

Он рычит.

— Я чертовски серьезен, Жас.

— Отлично. Тогда почему бы тебе не рассказать мне, что произошло на самом деле? И почему тебе пришлось целоваться с кем-то рандомным?

— Потому что отец проверял мою преданность. Он расспрашивал меня о тебе... о моих чувствах к тебе. Когда я заверил его, что ему все привиделось, он спросил, как далеко я готов зайти, чтобы доказать свою правоту, — Кингстон потирает челюсть. — Я сказал ему, что сделаю все возможное, чтобы развеять его опасения.

— И его ответом на это было пригласить тебя на оргию?

— Это была не оргия. То есть, технически, наверное, трах происходил в одной комнате, но эти женщины были там не ради удовольствия.

— Что это значит?

— Они работали. Мой отец и Мэдлин управляют проституцией. Настоящей причиной вечеринки Иванова было приглашение гостей в их новую фетиш-комнату. Очевидно, у них есть постоянные клиенты, которым нужны предлоги, чтобы уйти от своих возлюбленных. Или некоторые из них просто получают удовольствие от осознания того, что их супруги находятся рядом, пока кто-то другой сосет их члены, я не знаю. Итак... Алекс, или один из других хозяев, как он их называл, устраивает вечеринку.

— Приглашается достаточное количество людей, чтобы не было заметно, если несколько человек исчезнут на некоторое время. И это не редкость, когда мужчины на таких вечеринках отходят, чтобы обсудить дела, что, вероятно, и является предлогом, который они используют. Мой отец сказал, что это было лишь одно из многих дел, к которым он приложил руку. У меня сложилось впечатление, что они действуют за спиной твоего отца, поэтому он и не был приглашен.

Я провожу рукой по лицу. К сожалению, все, что Кингстон сказал до этого момента, вполне правдоподобно, учитывая игроков и то, что я видела. Но это все равно не оправдывает его действий.

— Кингстон, это все равно не объясняет девушку, с которой ты был.

— Да, объясняет, Жас. Я уже говорил тебе, что мой отец проверял мою преданность ему. Его способ сделать это — заставить меня переспать с кем-то еще, чтобы доказать, что моя связь с тобой чисто физическая. Честно говоря, я думаю, что он также искал что-то, что могло бы иметь надо мной власть. Не знаю, заметила ли ты, но в каждом углу были камеры. Мой отец сказал, что они были там, если кто-то из его гостей захочет оставить что-то на память, но я думаю, что он использует записи для шантажа. Я не удивлюсь, если он планирует отправить видео, на котором я с той женщиной, тебе, чтобы реализовать свои планы.

— Когда мой отец подозвал ее к нам, и она прямо там упала на колени, я знал, что не могу сказать — нет, но я также не собирался позволять ей прикасаться ко мне. Тогда я спросил, можем ли мы пойти в более уединенное место. Думаю, мой папа собирался

возразить, пока не увидел, что Мэдлин практически пускает слюни на мою расстегнутую ширинку. Я не знаю, что у него с ней, но я знаю, что мой папа не любит конкуренции.

Я сжимаю челюсть.

— Поцелуй — это прикосновение, Кингстон. И ты все равно последовал за голой женщиной в комнату, которая, как я предполагаю, была спальней.

Он вздыхает.

— Ты права, я последовал за ней в спальню. Где не было никаких камер. Мой отец заверил меня, что эта комната не снималась, но поскольку его слова ничего не значат, я проверил с помощью своего устройства обнаружения, чтобы подтвердить это.

Я усмехаюсь.

— А что насчет проститутки?

— Как только мы вошли в ту комнату, и я понял, что там все чисто, я набросил на нее одеяло и сказал, чтобы она прикрылась. Что ничего не случится.

— И она была совершенно не против этого? А когда твой отец спросил, что случилось?

— Сначала я планировал просто откупиться от нее, но потом она спросила меня, не гей ли я, и я согласился. Я сказал ей, что боюсь выходить из шкафа, что мой отец никогда не поймет и отречется от меня. Я сыграл на ее симпатии. Попросил ее притвориться, что мы трахаемся, и она согласилась. Мы оставались там некоторое время и издавали соответствующие звуки, чтобы было правдоподобно. Потом я ушел.

— Почему ты так уверен, что это сработало? Что она согласилась на это?

— Потому что она рассказала мне, что ее младший брат был геем, и он был в одной лодке с их родителями. В итоге покончил жизнь самоубийством в четырнадцать лет. Она сказала, что сделает это для него.

— Кингстон, почему я должна верить всему, что ты говоришь?

— *Потому что я говорю правду.*

Я качаю головой.

— Я видела, как ты смотрел на нее. *Как ты ее целовал.* Ты выглядел так, будто тебе это нравится.

— Потому что я должен был выглядеть так, будто мне это нравится!

Я рада, что окна закрыты, чтобы заглушить шум, потому что наши голоса становятся все громче.

Слезы наворачиваются на глаза.

— Я не собираюсь быть глупой девчонкой, которая скорее притворится невеждой, чем признает, что ее парень — изменщик.

— Я не гребаный изменщик! — его глаза маниакально блестят. — Я никогда не был изменщиком. Господи, блядь, Господи, Жас. Ты думаешь, мне нравилось целовать эту женщину? Я пытался не блевануть! Мысль о том, чтобы поцеловать кого-то другого, быть с кем-то, кто не ты, вызывает у меня физическую боль! *Это все было частью спектакля!*

— Откуда мне знать, что этот разговор — не притворство? — я щелкаю пальцем между нами. — Что все, что ты мне сказал, не притворство?

— Потому что если бы ты хоть на секунду вылезла из своей чертовой головы, ты бы увидела правду, которая смотрит тебе в лицо. Тебе просто нужно посмотреть, Жас.

— И что это?

— *Что я, блядь, люблю тебя, ясно?* Я не хотел этого. Бог свидетель, я боролся с этим, но я не мог остановить это. Я. Блядь. Люблю. Тебя, — Кингстон проводит рукой по своим

густым волосам. — Если ты не хочешь верить мне на слово, мой микрофон был включен все время, пока я был в том доме. Прислушай запись.

Я несколько раз моргнула.

— Я не знаю, что сказать, Кингстон.

Моя голова падает обратно на сиденье, и я закрываю глаза, перерабатывая информацию. Я открываю их снова, когда чувствую, как большой палец Кингстона касается моей щеки.

— Жас, — его голос хриплый.

Когда наши глаза встречаются, я вижу, что его глаза тоже наполнены слезами.

— Не отгораживайся от меня.

Я кладу свою руку поверх его.

— Я не хочу, но это чертовски больно. Я не могу просто вычеркнуть из своего мозга воспоминания о тебе с той девушкой.

— Я знаю, детка. И мне чертовски жаль, — Он придвигается ближе и прижимается лбом к моему. — Ты нужна мне, Жас. Мы так близки, но я не могу сделать это без тебя.

Я отстраняюсь и смотрю на свое отражение в зеркале.

— Нам нужно позвать Белль. Она ждет там уже слишком долго.

— Мы в порядке? — Кингстон убирает несколько волос с моего лица. — Потому что я не могу допустить, чтобы ты снова так ушла. Я был напуган до смерти.

Я поворачиваюсь к нему лицом.

— Если ты когда-нибудь снова окажешься в подобной ситуации... тебе нужно найти другой выход, Кингстон. Я не потерплю, чтобы ты прикасался к кому-то еще — даже не целовал — даже если это все для вида. Я не смогу.

— Я клянусь своими гребаными яйцами. Этого больше не повторится.

Я дергаю головой в сторону дома.

— Ну, тогда давай отвезем Белль в тот музей. Мы можем поговорить позже.

Он кивает.

— Хорошо.

12. Кингстон

Последние двадцать четыре часа показались мне днями. Когда я понятия не имел, где находится Жас, я представлял себе самое худшее. Потом, когда Бент сказал мне, что она звонила и что он слышал голос какого-то парня на заднем плане, я не почувствовал особого облегчения, учитывая то, чему она была свидетелем ранее вечером. Остаток ночи я провел в раздумьях, не собирается ли она искать убежища в объятиях какого-нибудь другого парня, потому что думает, что я трахался с кем-то еще.

Когда я увидел ее сегодня утром сидящей в машине со своим бывшим придурком, я был еще больше обеспокоен и мгновенно разозлился. Жас не первая, кто снова ложится в постель с бывшим, потому что знакомое успокаивает. Я до сих пор не знаю, что произошло, и, честно говоря, не думаю, что хочу знать после того, как она замолчала, когда я бросил L-бомбу. Я не хотел вываливать это вот так — черт возьми, я даже не осознавал этого, пока слова не слетели с моих губ, — но как только это прозвучало, было слишком поздно брать свои слова обратно.

А то, что ей нечего было сказать в ответ... ну, блядь. Я не знаю, что с этим делать. Я не удивлен, что она не ответила мне взаимностью, но я также не могу сказать, что меня это не задело. Я никогда не говорил таких слов ни одной женщине, кроме мамы или сестры. А с

Жас они имеют совершенно другое значение. Черт, я так привязан к этой девушке, что это даже не смешно.

— Ты уверена, что не хочешь просто собрать вещи и остаться у меня? — я ставлю машину на парковку перед особняком Каллаханов.

— Уверена, Кингстон. Так же, как и в первые пять раз, когда ты спрашивал, — Жас отстегивает ремень безопасности и поворачивается ко мне. — Спасибо, что сделал еще одно воскресенье особенным для моей сестры.

Я приподнимаю брови.

— Особенным для Белль... но не для тебя?

Она прикусывает нижнюю губу между зубами.

— Просто у меня сейчас много всего в голове. Но я достаточно хорошо провела время, так что спасибо.

— Достаточно хорошо провела время, — повторяю я. — Именно то, что хочет услышать каждый парень, когда приглашает свою девушку куда-нибудь на весь день.

Жас вздыхает.

— Спокойной ночи, Кингстон. Не беспокойся обо мне утром. Я попрошу Фрэнка подвезти меня в школу.

Я ошеломленно наблюдаю, как она закидывает рюкзак на плечо и выходит из машины. Жас ни разу не оглядывается, когда подходит к входной двери или заходит в дом. Я не знаю точно, сколько времени я смотрю на дверь, ожидая ее возвращения, прежде чем начать действовать. Используя свой ключ, я прохожу через боковую дверь и направляюсь к лестнице. По дороге я ни с кем не сталкиваюсь, но, к сожалению, моя удача заканчивается, когда я достигаю верхнего этажа.

Пейтон замирает возле своей спальни, увидев меня. Она дергает за дверную ручку, закрывая за собой дверь.

— Кингстон. Ч-то ты здесь делаешь?

Я рассматриваю ее взъерошенные волосы, набухшие от поцелуев губы и липкую кожу. Судя по ее внешнему виду и отчетливому запаху секса, исходящему от нее, очевидно, что Пейтон не одна в своей спальне. Обычно она тычет мне этим в лицо, потому что надеется, что однажды мне станет не все равно, но сейчас Пейтон ведет себя странно, что говорит о том, что она не хочет, чтобы я знал, кто там находится.

— Мы еще вернемся к этому. Сначала я хотел бы знать, что ты пытаешься скрыть.

Она отнекивается.

— Зачем мне пытаться что-то от тебя скрыть?

Я дергаю подбородком поверх ее плеча.

— Кто в твоей спальне, Пейтон?

Пейтон оглядывается.

— Не твое дело, Кингстон. Если ты не хочешь быть в моей спальне, ты потерял право спрашивать.

— А что, если я скажу, что хочу еще один шанс? Ты бы меня впустила?

Ее глаза расширяются.

— Эм... Я имею в виду, мне бы пришлось подумать об этом.

Я усмехаюсь.

— Тебе пришлось бы подумать, да? Значит, если я скажу тебе развернуться, пойти обратно в свою комнату и наклониться над кроватью, чтобы я мог вдавить тебя в матрас,

тебе придется подумать?

Соски Пейтон твердеют сквозь короткий шелковый халатик, который на ней надет, что говорит мне о том, что ей очень нравится эта идея. Я, однако, стараюсь не рассыпать свой ужин по всему полу.

— Ну... я имею в виду... если бы ты действительно хотел...

— Все, что тебе нужно сделать, это сказать своей нынешней компании, чтобы она ушла, Пейтон, — я провожу пальцем по воротнику ее халата. — Тогда я смогу напомнить тебе, что такое настоящий трах.

Ее щеки розовеют.

— Эээ... если ты можешь дать мне несколько минут.

Я прислоняюсь к противоположной стене и скрещиваю руки на груди.

— Я буду ждать прямо здесь.

Пейтон проскальзывает в свою комнату, и через несколько секунд я слышу низкий голос, который кричит. Вскоре после этого в коридор выходит сильно разозленный Лукас Гейл и бросает ядовитый взгляд в мою сторону.

— Пошел ты, чувак. Совсем не круто.

Когда дверь снова открывается, представьте мое удивление, когда оттуда выходит тот кусок дерьма, которого я избил на той вечеринке в Малибу. Я смеюсь, когда Барклай Бейкер проносится мимо, не говоря ни слова. Примерно через минуту выходят третий и четвертый — на этот раз Кристиан Тейлор и Дэвид Райт. Они тоже не могут оторваться от меня достаточно быстро.

— Господи Иисусе, — бормочу я себе под ноя. — Киска Пейтон похожа на чертову клоунскую машину.

Пейтон, наконец, возвращается через минуту, выглядит более собранной, с огромной улыбкой на лице.

— Так... может быть, мне стоит сначала принять душ или что-то в этом роде. Не хочешь присоединиться ко мне?

Я качаю головой.

— Пейтон, ты действительно глупее, чем кажешься. У меня не было никакого намерения прикасаться к тебе ранее, но сейчас мне определенно было бы неинтересно, даже если бы это было так. Может быть, если ты встанешь на колени и будешь умолять, еще не поздно позвать свой гарем обратно.

Все ее лицо так покраснело, что стало почти фиолетовым.

— Ты придурок!

Я бросаю на нее язвительный взгляд.

— Так все любят говорить мне. Если ты хочешь оскорбить меня, то хотя бы приложи немного больше усилий.

— Зачем ты здесь, Кингстон? Ты пришел сюда только для того, чтобы обломать меня?

Я ухмыляюсь.

— Нет. Это был просто бонус. Хотя, раз уж я привлек твое внимание, я окажу тебе услугу и дам несколько советов.

Она кладет обе руки на бедра.

— Что?

— Ты не представляешь, во что ввязалась с этими... союзами, которые вы создали. Ты можешь думать, что добилась успеха, потому что за тобой стоят влиятельные люди, но

позволь мне заверить тебя, Пейтон, ты всего лишь жалкая марионетка на гораздо более грандиозной сцене.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь, — она отводит глаза, как она всегда делает, когда лжет.

— Конечно, не имеешь. Но пока ты отрицаешь, подумай вот о чем: Если ты — или кто-либо другой на той стороне этой войны, которую ты ведешь, если на то пошло — посягнет на то, что принадлежит мне, самые подлые и опасные ублюдки, с которыми ты сталкивался до сих пор, будут просто котятками по сравнению с тем, что я сделаю с тобой. Если ты умна, ты сейчас же поджав хвост, будешь дальше идти по жизни. Потому что если ты этого не сделаешь... ты можешь не дожить до следующего дня рождения.

Пейтон издает еще один громкий визжащий звук, ее глаза наполняются слезами, но я не уверен, что она действительно произносит слова.

Голова Жас выглядывает из ее спальни.

— Кингстон? — ее взгляд мечется между Пейтон и мной. — Что происходит?

Я наклоняю голову в сторону Жас, но все еще смотрю на свою жалкую бывшую.

— А теперь перейдем к настоящей причине, по которой я пришел сюда. Прошу меня извинить.

— Я ненавижу тебя! — кричит Пейтон, прежде чем захлопнуть дверь.

Жас отступает в сторону, когда я подхожу, чтобы она впустила меня в спальню.

— Что это, черт возьми, было?

Я пожимаю плечами, закрываю за собой дверь и обязательно поворачиваю замок.

— Это было из-за того, что я не смог удержаться и не трахнуть ее.

Она качает головой.

— Как бы забавно это ни было, почему ты все еще здесь, Кингстон? Я как раз собиралась принять душ, прежде чем отправиться в постель.

— Отлично, — я веду ее в ванную, по пути стягивая с себя рубашку.

— Что, по-твоему, ты делаешь?

Я не упускаю из виду, как темнеют глаза Жас, когда она смотрит на мой обнаженный торс.

— Я решаю нашу проблему.

Жас закатывает свои красивые карие глаза.

— Не все можно волшебным образом решить с помощью секса.

— Может и нет, — соглашаюсь я, поднимая ее руки, чтобы я мог снять с нее рубашку. — Но в нашем случае... кажется, это самый эффективный способ прорваться через дерьмо и пообщаться.

Затем я снимаю ботинки и брюки, в то время как Жас делает то же самое, явно соглашаясь с моим утверждением. Я протягиваю руку ей за спину и включаю воду, прямо перед тем, как сбросить трусы-боксеры. Жас облизывает губы, наблюдая за моей эрекцией, когда она высвобождается. Я стягиваю ее трусики на бедра, пока она расстегивает лифчик и бросает его на пол. Я заталкиваю ее в душ, прямо под струю, пока она не прижимается к кафелю.

Вода капает с ее накрашенных ресниц, когда я прижимаю ее к стене.

— Ты не сможешь убежать от этого, Жас, — она задыхается, когда я трогаю ее киску. — Ты не сможешь убежать от нас.

Я наблюдаю за ее лицом, когда мои пальцы проникают внутрь, а большой палец ласкает

ее клитор. В ее выражении лица столько искренности — чистая потребность — и я уверен, что она видит то же самое в моем.

— Я не убегала, — возражает она. — Мне просто нужно было время подумать.

— О чем тут думать? — я оттягиваю зубами ее нижнюю губу. — Я. Блядь. Люблю. Тебя Я подчеркиваю каждое слово, вставляя и вынимая пальцы.

— Что в этом такого сложного?

— Ничего, — Жас задыхается, когда я опускаюсь на колени и начинаю ласкать ее киску. — Я... просто...

— Ты... — облизываю. — Просто... — облизываю. — Что?

— Я... просто... — ее руки ударяются о стену. — Блядь! Прямо здесь!

Я улыбаюсь на ее разгоряченной плоти, облизывая и посасывая ее до исступления.

— Тебе это нравится, детка?

— Боже, да, — стонет Жас.

Я довожу ее до грани, прежде чем встать. Без всяких подсказок Жас вскакивает и обхватывает ногами мои бедра. В то же время я вхожу в нее одним плавным движением. Я сжимаю ее клитор между пальцами, и она мгновенно сжимается вокруг меня. Жас впивается ногтями в мои плечи, повторяя мое имя снова и снова. Когда она расслабляется, я ускоряю темп и продолжаю играть с этим комочком нервов, пока она снова не начинает душить мой член своей тугой киской.

— Блядь, — упираюсь лбом в плечо Жас, наблюдая за местом соединения наших тел.

— Кингстон, — Жас обхватывает ладонями мое лицо, поднимая мой взгляд к себе.

Я медленно двигаю своим членом внутри нее, не торопясь довести дело до конца.

— Да?

Она проводит пальцем по моей брови. Черт, не знаю почему, но мне нравится, когда она так делает.

— Мне жаль, что я не сказала этого в ответ.

Мои губы приподнимаются вверх.

— Что сказать в ответ?

Ее глаза поднимаются к потолку.

— О, Боже, ты собираешься заставить меня работать ради этого, не так ли?

Я толкаюсь сильнее.

— Похоже, что сейчас вся работа лежит на мне.

Я не могу удержаться, когда грудь Жас подается вперед, выставляя напоказ ее красивые коричневые соски. Я обхватываю губами один из них, посасывая так сильно, что понимаю, что оставлю след.

Она прижимает меня к своей груди, словно не хочет, чтобы я останавливался.

— Боже, как это приятно.

Я отпускаю ее с хлопком и поднимаю голову.

— Давай вернемся к теме. Итак, о чем ты говорила?

Шоколадные глаза Жас блестят.

— Ты — заноза в заднице.

Я просовываю руку между круглыми щеками Жас, опускаюсь ниже, чтобы ощутить ее возбуждение, прежде чем прижать указательный палец к ее сморщенной дырочке.

— Я с удовольствием покажу тебе, что такое заноза в заднице. Хотя, я обещаю, что боль продлится недолго.

Жас извивается в моих руках, пока я ввожу палец, вода делает наши тела очень скользкими.

— Блядь. Если ощущения будут хотя бы близки к таким, я позволю тебе сделать это в одно мгновение.

Я двигаю пальцем, который у нее в заднице, в тандеме с членом в ее киске. — Я когда-нибудь делал так, чтобы тебе было плохо, когда я внутри тебя?

— Нет, — говорит Жас. — Ты определенно хорош в сексе.

Я смеюсь.

— Приятно слышать. Итак, что ты говорила? — мой палец выскальзывает из ее попки, мои ладони обхватывают упругие шарики, когда я полностью прекращаю движение.

— Жас. Посмотри на меня.

Она снова обхватывает мое лицо и наклоняется вперед, чтобы поцеловать каждое мое веко, затем щеки. Наши губы на мгновение соприкасаются, прежде чем она отстраняется и встречается со мной взглядом.

— Я тоже люблю тебя, Кингстон.

Я не смог бы побороть улыбку, растянувшуюся по моему лицу, даже если бы попытался. — Да?

Жас кивает.

— Да.

— Хорошо, — я сжимаю ее ягодицы. — Потому что если бы ты этого не сделала, это было бы чертовски неловко.

Она смеется, что заставляет ее киску вибрировать вокруг меня.

Я стону.

— Больше никаких разговоров. Давай закончим здесь, чтобы мы могли вернуться ко мне и сделать это снова.

— Это звучит как отличный план, — подмигивает Жас.

13. Жас

— Алло?

— Здравствуйте, это Жасмин Ривьера?

— Да, — подтверждаю я. — Но, пожалуйста, зовите меня Жас.

— Привет, Жас. Меня зовут Миша. Я менеджер в Calabasas Coffee. Вы все еще заинтересованы и вакансия бариста, которая у нас открыта?

— Да, — взволнованно говорю я. — Очень даже.

— Отлично. Когда вы сможете прийти на собеседование?

— Я заканчиваю школу в половине третьего каждый день, поэтому подойдет любое время после этого.

— Отлично. Как насчет трех часов завтра?

— Отлично. Спасибо вам за предоставленную возможность.

— Я с нетерпением жду встречи с тобой, Жас.

Я завершаю разговор и кладу телефон на барную стойку.

— Кто это был? — Кингстон ставит передо мной тарелку с яичницей.

— Менеджер из Calabasas Coffee. У меня собеседование завтра в три часа.

Он хмурится.

— Почему у тебя собеседование? Я даже не знал, что ты устраиваешься на работу.

— Э-э... потому что мне нужны деньги, — я испытующе смотрю на него. — Я уже давно ищу, но это первое место, откуда позвонили. Думаю, моя ограниченная доступность со школой не помогает.

Кингстон делает большой глоток сока.

— Жас, если тебе нужны деньги, у меня их предостаточно.

— Я прекрасно понимаю, Кингстон, но ты также не несешь за меня ответственности, — я откусываю кусочек от яичницы и постанываю, когда вкусы взрываются на моем языке. Я не знаю, что он делает, чтобы яйца были такими вкусными, но этот парень умеет готовить.

Он усмехается.

— Я блядь не такой.

Я направляю на него свою вилку.

— Не надо опять строить из себя альфа-самца. Ты должен знать меня достаточно хорошо, чтобы понять, что я не принимаю благотворительность.

— Это не благотворительность, Жас. Я хочу позаботиться о тебе, и у меня есть для этого средства. Все очень просто.

— А я хочу сама заботиться о себе и своей сестре. Это так же просто.

— Упрямая женская задница, — бормочет он.

— Перестань ныть и заканчивай есть, пока мы не опоздали в школу.

— Ты сейчас действительно испытываешь мои нервы, — Кингстон пристально смотрит на меня, продолжая жевать.

— Что ты собираешься делать? Отшлепаешь меня? — я приподнимаю брови. — Потому что мне это может понравиться.

Его вилка ударяется о тарелку, когда он роняет ее.

— Вот и все. Теперь, ты действительно напрашиваешься на это.

Я вскакиваю со стула и, оттолкнув его, убегаю. Я успеваю пройти не более десяти футов, прежде чем сильные руки Кингстона обхватывают меня и поднимают в воздух. Он бросает меня на кровать, лицом вниз, задницей вверх. Я вздрагиваю, когда он задирает мою форменную юбку до талии, проводя руками по моей обнаженной коже. Сегодня на мне стринги, поэтому сзади много открытой кожи.

— Черт, у тебя красивая задница, — большие руки Кингстона сгибаются, обхватывая мои ягодицы.

Я покачиваю задницей.

— Я думала, ты собирался меня отшлепать? Или это все было просто...

Бам!

Я взвизгиваю от неожиданности, когда рука Кингстона врезается в мою плоть. Я стону, когда он потирает то же самое место прямо перед тем, как он снова делает это с другой ягодицей.

— Черт, — выдыхаю я.

— Слишком сильно? — на этот раз, когда он успокаивает мою разгоряченную кожу, он опускает палец между моих бедер, поглаживая мой клитор через трусики.

— Не-а, — я решительно качаю головой. — Это горячо.

Кингстон стонет.

— Теперь мы точно опоздаем.

— Меня это устраивает.

— Где вы двое были сегодня утром? — Эйнсли допрашивает Кингстона и меня, как только мы садимся за обеденный стол.

Мои щеки пылают.

— Мы... Я случайно выключила будильник.

— Ты дерьмовая лгунья, малышка, — Бентли смеется, прежде чем запихнуть в рот порцию картошки фри.

Я пинаю его в голень, что только заставляет его смеяться сильнее.

— Заткнись.

— В любом случае... — я возвращаю свое внимание к Эйнсли. — Меня наконец-то позвали на собеседование. Это в том кафе, куда мы ходили на прошлой неделе.

— Мило, — Эйнсли крадет одну картошку фри Бентли и откусывает кусочек.

— Зачем тебе нужна работа? — спрашивает Бентли.

— Именно это я и сказал! — Кингстон чувствует необходимость добавить.

Я зажимаю рукой рот своего парня.

— Потому что мне нужны деньги, и нет, я не собираюсь просто так позволить этому придурку обеспечивать меня, — Кингстон облизывает мою ладонь.

— Фууу!

Он смеется, когда я вытираю слюни о его штаны.

— Что не так? Тебе обычно нравится, когда я провожу языком по...

Я сжимаю его губы вместе.

— Даже не думай.

— Неплохо, чувак, — Бентли протягивает руку через мою голову, чтобы дать пять Кингстону.

Я потираю виски и стону.

— Почему я вообще беспокоюсь?

Эйнсли переводит палец с Бента на своего близнеца.

— Что касается этих двоих, то я понятия не имею.

Кингстон сужает глаза в сторону Рида.

— Не веди себя так, будто он мистер Невинность.

— О, поверь мне, я знаю, что это не так, — Эйнсли хихикает, когда Кингстон гримасничает.

Рид ухмыляется и целует ее в макушку, от чего Эйнсли тоскливо вздыхает, прислонившись к нему.

Я показываю на них.

— Вы двое очаровательны.

— Может быть, в один прекрасный день я не буду пятым колесом, — жалуется Бентли.

— О, детка, ты можешь играть с моими яйцами в любое время, когда захочешь, — воркует Кингстон. — Только назови время и место.

Бентли отмахивается от него.

— Пошел ты, чувак.

Я отскакиваю в сторону, когда Кингстон сжимает Бентли в объятиях. Мальчики так увлечены борьбой, что не замечают, как директор Дэвис подходит к нашему столу, пока он не заговаривает.

— Хватит, вы двое, — он ждет, пока ребята разойдутся, прежде чем повернуться ко мне. — Мисс Каллахан, я хотел бы видеть вас в своем кабинете, пожалуйста.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас, — Кингстон встает, когда я это делаю, но директор Дэвис поднимает руку. — *Наедине*, мистер Дэвенпорт. Это вас не касается.

— *Я буду в порядке*, — говорю я Кингстону, следуя за директором из столовой.

— В чем дело?

Его глаза-бусинки прищуриваются через плечо.

— Ты узнаешь, когда мы доберемся до моего кабинета.

Мы заходим в административный офис и проходим через дверь, ведущую в личный кабинет директора Дэвиса.

Он выдвигает стул, прежде чем обогнуть стол и занять свой собственный.

— Присаживайтесь, мисс Каллахан.

Я делаю, как он говорит, и жду. За годы работы я научилась никогда не говорить, если к тебе не обращаются, когда имеешь дело с властями. Слишком много людей обвиняют себя в нервной болтовне. Не то чтобы мне было о чем беспокоиться, но, учитывая, что я понятия не имею, зачем я здесь, лучше перестраховаться, чем потом сожалеть.

— У вас есть какие-нибудь идеи, зачем я вызвал вас сюда сегодня?

Я качаю головой.

— Никаких.

Директор Дэвис складывает свои костлявые пальцы домиком.

— В последнее время ваша посещаемость оставляет желать лучшего. Вы ведь понимаете, что посещение уроков составляет тридцать процентов от вашей оценки? У меня сложилось впечатление, что окончание школы для вас крайне важно. Это правда?

Я нахмурилась.

— Я пропустила несколько занятий с начала года. Я не понимаю, какое это имеет отношение к делу, учитывая, что на дворе декабрь.

Его губы кривятся в жестокой ухмылке.

— Вообще-то, согласно моим записям, ты уже пропустила несколько недель занятий.

У меня отвисла челюсть.

— Вы имеете в виду то время, когда я была *госпитализирована* и впоследствии лечилась от серьезных травм? *Тот самый период времени, когда я выполняла все задания?*

— Это, в том числе, и другие, — подтверждает он. — Например, сегодня утром. Ваши учителя первого и второго уроков отметили ваше отсутствие. Не хотите объяснить?

Я складываю руки на груди.

— Я проспала.

Он приподнимает брови.

— А мистер Дэвенпорт тоже проспал?

— *Простите?! —* сверкаю я глазами. — На что именно вы намекаете, мистер Дэвис?

— Вы будете обращаться ко мне как к *директору Дэвису*, юная леди, и я ни на что не намекаю. Я просто задал вопрос.

— Ну, вам придется спросить мистера Дэвенпорта о его местонахождении, потому что я могу говорить только за себя.

Он на мгновение задумывается над этим.

— Очень хорошо. Теперь, согласно обычному протоколу, я звоню родителям ученика, если он прогуливает занятия. Однако... есть и другие способы, которыми вы можете это исправить.

— Например?

— Например... заработать дополнительные баллы. Некоторые ученики предпочитают помогать в офисе после уроков. Оформлять документы за меня и тому подобное.

— А какой у меня другой вариант?

— Других вариантов нет.

Я встаю.

— Ну, я думаю, вам придется пойти и позвонить моему так называемому отцу. Что-нибудь еще? Я бы хотела закончить есть до конца перемены.

Его глаза сужаются.

— Это все, мисс Каллахан.

Я легкомысленно машу ему рукой, выходя из кабинета. Кингстон ждет меня, когда я выхожу в коридор, в полной мере используя образ задумчивого парня.

— Что это было?

— Он хотел устроить мне разнос за мою посещаемость. Угрожал позвонить Чарльзу. Я сказала ему, чтобы он так и сделал.

Он хмурится.

— Потому что ты пропустила пару занятий сегодня утром?

Я закатываю глаза.

— Нет, видимо, у директора школы проблемы с тем, что я пропустила недели занятий. Знаешь, когда я была на реабилитации.

— Ублюдок, — бормочет он.

— Согласна.

Кингстон протягивает руку.

— Хочешь доесть?

— А какая у нас альтернатива?

Он притягивает меня к себе и шепчет мне на ухо: — Ты можешь позволить мне съесть тебя. Возможно, я сделал копию главного ключа Бентли. Я уверен, что сейчас полно пустых классных комнат, и это определенно поможет тебе отвлечься от разговора с директором Придурком.

— Вариант второй. Давай так и сделаем.

Я смеюсь, пока он тащит меня по коридору в первую попавшуюся темную комнату. Это оказался кабинет естественных наук, поэтому вместо отдельных парт по всей комнате расставлены прямоугольные столы.

— Идеально, — белые зубы Кингстона сверкают в тени, когда он похлопывает по твердой поверхности. — Запрыгивай.

Я использую табуретку, чтобы приподняться, пока моя задница не оказывается на столе. — И что теперь?

Кингстон кладет свою руку мне на грудь и надавливает.

— Теперь ляг на спину и расслабься.

Он садится на тот же табурет, который использовала я, и дергает мои ноги, пока они не перекидываются через его плечо.

— Мы не хотим опоздать на литературу, поэтому все будет быстро.

Я едва успеваю переварить заявление Кингстона, прежде чем он оттягивает мои трусики в сторону и проводит языком прямо по моему центру. Моя спина прогибается, когда он поглощает меня, сильно и быстро, пока я не сжимаю губы, пытаюсь подавить крик. Когда

он заканчивает, он использует маленькую раковину сбоку, чтобы привести себя в порядок, помогает мне встать со стола и ведет меня к двери, как раз когда раздается звонок.

— Как раз вовремя. Я почти уверен, что это самый быстрый способ, которым я когда-либо заставлял тебя кончить, — он целует кончик моего носа и с улыбкой отстраняется. — Хотя, если ты когда-нибудь захочешь установить новый рекорд, просто дай мне знать.

Я прижимаюсь губами к его губам.

— Я люблю тебя.

Кингстон улыбается.

— Скажи это еще раз.

— Я.

Поцелуй.

— Люблю.

Поцелуй.

— Тебя.

Кингстон сжимает мои волосы в кулак, опустошая мой рот, пока мы оба не задыхаемся, желая большего.

— Черт возьми, нам нужно выходить. Ты первая. Мой чертов член не опустится, пока ты в комнате.

Я смеюсь.

— Увидимся там.

К счастью, наш следующий класс находится всего в двух дверях, так что у меня есть достаточно времени. Однако Кингстон опоздал на добрых десять минут, и, судя по его ленивой улыбке, когда он входит в дверь, я полагаю, что ему пришлось взять дело в свои руки, чтобы его стояк утих. Я извиваюсь, потирая бедра, когда наши глаза встречаются, и я вижу его взгляд, полный похоти. Боже, что такого в Кингстоне Дэвенпорте, что превращает меня в лужицу жаждущей девчачьей слизи? Как будто весь здравый смысл вылетает в окно, когда он смотрит на меня таким взглядом. Мне приходится игнорировать его до конца урока, чтобы сосредоточиться на том, что говорит наш учитель.

14. Кингстон

— Рэйф в восторге от аудиозаписи, которое вы получили.

— Да?

— Да, — подтверждает Джон. — Ты разговаривал с отцом после этого?

— Нет, он так и не вернулся домой той ночью, насколько я знаю, и уехал из города на следующий день. Когда я позвонил в его офис, его секретарь сказала мне, что его не будет всю неделю.

— Она сказала, куда он отправился на этот раз?

— В Майами, якобы навестить каких-то дорогостоящих клиентов, но кто знает, правда ли это.

— Если он даст тебе еще что-нибудь или пригласит куда-нибудь, сразу же позвони мне. А я пока присмотрю за Каллаханами.

— Обязательно. Спасибо, Джон.

— Твой частный детектив? — Жас скользит на сиденье моей машины и пристегивается.

— Да. Как прошло собеседование?

— Очень хорошо, — она улыбается. — Он тут же предложил мне эту работу. Он даже отнесся спокойно, когда я рассказала ему о воскресеньях с Белль, и не возражал, чтобы у меня были выходные дни, при условии, что я не против поработать после школы. Он хочет, чтобы я начала в эту субботу.

— Это здорово, — я включаю передачу и выезжаю с парковки кофейни.

— Почему твой тон звучит так, как будто это не здорово?

Я быстро бросаю взгляд в ее сторону.

— Потому что мне все еще не нравится эта идея.

— Кингстон, не будь таким.

— Я ничего не могу с этим поделать. Может быть, я эгоистичная задница, но твоя работа означает, что у меня будет меньше времени с тобой, и это также означает, что я не могу присматривать за тобой. Я уверен, что твой босс будет против, если я буду торчать там каждый раз, когда у тебя смена.

— Ты абсолютно не можешь этого сделать, — Господи, я чувствую, как ее взгляд прожигает мое лицо.

— Расслабься, хорошо? Я не идиот.

— Все будет хорошо. Я знаю, что сейчас творится безумие, но что может случиться в общественном месте? Они же не собираются оставить меня управлять магазином в одиночку.

Я качаю головой.

— Мне все равно это не нравится.

— Что ж, очень жаль.

— Да, да, я знаю. Ты все равно будешь делать все, что захочешь, так что я могу смириться с этим.

— Я рада, что ты наконец-то наверстываешь упущенное.

Я бросаю на нее грязный взгляд из уголка глаза.

— Не надо быть умником, Жас. Ты выиграла этот раунд, — я протягиваю руку, чтобы схватить ее за кончик языка, когда она показывает его мне.

— Прибереги этот язык на потом.

Мне не нужно смотреть на нее, чтобы понять, что ее глаза закатились.

— Как пожелаешь.

Я пожимаю плечами.

— Не собираюсь отрицать это.

— Эй, ты не хочешь заскочить в студию Эйнсли, раз уж она находится прямо по дороге?

— Мы можем это сделать.

Я въезжаю в торговый центр, где находится танцевальная студия моей сестры, и нахожу место для парковки. Когда мы с Жас заходим внутрь, становится ясно, что занятия идут полным ходом. Вестибюль заполнен родителями, которые заглядывают в большие смотровые окна, охают и ахают над маленькими детьми, одетыми в розовые трико и пачки.

— Ее первое занятие начнется только в пять, так что она, скорее всего, разминается в частной студии, — Жас указывает в глубь коридора.

— Я не знала, что ты знаешь ее расписание.

— Это несложно, если быть внимательным.

Черт, даже я не знаю, какой класс у Эйнс когда. Я просто знаю, что она проводит половину своей жизни в этой студии. Конечно, когда мы доходим до задней части здания,

там есть единственная дверь с маленьким окошком, и моя сестра внутри, танцует от души перед зеркальной стеной. Неудивительно, что Рид тоже внутри, сидит у задней стены и наблюдает за ней. Когда Эйнсли видит, что мы заглядываем в окно, она жестом предлагает нам тоже зайти внутрь.

— Черт, а звукоизоляция-то какая, — замечаю я, когда мы открываем дверь, и через верхние динамики льется музыка, которую я раньше не слышал.

Мы с Ридом ударяем кулаками, когда мы с Жас сползаем по стене рядом с ним.

Эйнсли приостанавливает музыку, вытирая капельки пота со лба маленьким полотенцем.

— Привет, ребята. Что вы здесь делаете?

— Я только что закончила свое собеседование на соседней улице и хотела заскочить по дороге домой.

— Как все прошло? — спрашивает моя сестра.

Жас улыбается.

— Я начинаю в эту субботу.

Рид бросает на меня взгляд, и я говорю, позже.

— Отлично! — Эйнсли раскрывает объятия. — Воздушных объятий будет достаточно, если ты не хочешь стать потной и противной.

Жас морщит свой милый маленький носик.

— Воздушное объятие — это прекрасно.

Глаза Эйнсли находят мои.

— Ты не переступал порог этого места годами. Кто бы мог подумать, что понадобится другая девушка, чтобы ты начал интересоваться моей жизнью?

Я показываю ей средний палец.

— Пошла ты. Если я не смотрю на твои танцы миллион часов в неделю, это не значит, что я не интересуюсь твоей жизнью. Я никогда не пропускал ни одного сольного концерта, не так ли?

Студия Эйнсли недостаточно велика для проведения сольных концертов, поэтому они арендуют актовый зал в частном университете неподалеку.

Жас поворачивает голову в мою сторону.

— Не пропускал? Правда?

— Правда, — подтверждает моя сестра. — Он был на каждом из них с тех пор, как нам исполнилось шесть лет.

Я пожимаю плечами, как будто в этом нет ничего особенного.

— А кто еще придет? Не похоже, что моему отцу или его жене есть до этого дело.

Жас бьет меня по руке.

— Задница.

Я потираю место, по которому она ударила.

— Что? Я не говорю ничего неправдивого.

— Ну, ты мог бы быть немного менее черствым по этому поводу, — упрекает Жас

— Все в порядке, Жас. Я привыкла к этому, — Эйнсли делает большой глоток воды и ставит бутылку на табурет. — Кингстон не пытается быть мудаком. Для него это просто естественно.

Рид и Жас оба смеются над этим.

— Да, да, — машу я рукой. — Ты собираешься поразить нас своими навыками, или как?

Моя сестра сияет.

— Еще как собираюсь. Хочешь посмотреть лирическую композицию, над которой я работаю для следующего концерта?

— Да, — нахально отвечает Жас.

Эйнсли смеется и включает музыку, прежде чем пройти в центр комнаты. В тот момент, когда она занимает позицию, клянусь Христом, воздух в комнате меняется. Когда начинает играть песня Дуа Липы — Homesick, моя крошечная сестра, которая весит, наверное, футов пять, становится больше, чем жизнь. Она плывет по маленькому пространству в серии ударов и прыжков, длинных, изящных линий и сложных спиралей, которые она делает абсолютно без усилий. У меня нет ни малейшего сомнения в том, что это то, для чего она была рождена.

Я оглядываюсь и вижу, что Жас и Рид наблюдают за Эйнс с таким же восторженным вниманием. Она оказывает такое воздействие на вас, когда она на сцене, или, в данном случае, в студии. Эйнсли не просто танцует — она завораживает. Жас выглядит так, будто вот-вот заплачет, а мой лучший друг не может выглядеть более влюбленным. Черт. У меня не было ни единого шанса разлучить их, не так ли?

Рид — один из самых стойких парней, которых я знаю. Он мой брат почти во всех смыслах этого слова, но Эйнсли — моя вторая половина. Нельзя быть ближе, чем когда делишь с кем-то утробу матери. Если Рид когда-нибудь навредит моей сестре, мне придется вычеркнуть его из своей жизни, а этого я никогда не хочу делать. Думаю, в данный момент мне остается только надеяться, что никто из них не облажается.

В конце представления Эйнсли лежит на полу, на ее лице написано чистое страдание. Я знаю, что она впитывает каждую эмоцию, заложенную в ее хореографию, и ей требуется минута, чтобы прийти в себя. Мы втроем даем ей время собраться с мыслями, и в тот момент, когда это происходит, она поднимается на ноги, на ее лице сияет улыбка, как всегда.

— Ну, и что ты думаешь?

Жас вытирает уголок глаза.

— Это прекрасно, Эйнс.

— Спасибо, — Эйнсли делает реверанс. — А теперь убирайтесь отсюда. Вы все меня отвлекаете.

Грудь Рида сотрясается от смеха, когда он встает и подходит к моей сестре. Они обмениваются тихими словами, и что бы он ей ни говорил, румянец на ее щеках становится еще сильнее.

Жас дергает меня за рукав.

— Давай, дадим им минуту на прощание.

Я поднимаю руку.

— Позже.

— Позже, — в унисон отвечают Эйнсли и Рид.

Жас останавливается у одного из смотровых окон на нашем пути к выходу. Похоже, начался новый урок, потому что теперь комната заполнена детьми, которым не больше десяти лет, танцующими под хип-хоп.

— Когда я начну получать регулярную зарплату, я бы с удовольствием записала Белль в такой класс. Раньше была такая программа после школы, и она просто создана для этого. К сожалению, учительница, которая добровольно уделяла ей время, переехала, и с тех пор у

нее ничего подобного не было, — Джаз прикусывает нижнюю губу. — Мне придется решить вопрос с транспортом, потому что я сомневаюсь, что Джером сможет ее возить.

— А как насчет его девушки? Она кажется довольно стабильной.

— Так и есть, — соглашается Жас. — И Белль ее любит, за что я ей очень благодарна. Но, насколько я понимаю, Моника обычно не возвращается с работы до обеда в будние дни, и она работает каждые выходные. К тому же, знаешь, я честно думаю, что это только вопрос времени, когда она бросит задницу Джерома. Я просто надеюсь, что смогу оформить опеку до того, как это случится.

Я открываю дверь машины для Жас.

— Мы сделаем это. Я могу позвонить некоторым людям.

Она ждет, пока я сяду на водительское сиденье, прежде чем ответить.

— Как бы я ни ценила твое предложение, мне нужно сделать это самой, Кингстон.

— Нет. Не нужно.

Жас сверлит меня взглядом.

— Да. Я хочу.

Я включаю передачу и отъезжаю от нашего парковочного места.

— Послушай. Я понимаю, почему ты хочешь независимости. И я уважаю это, Жас. Но деньги все упрощают. И когда дело доходит до таких вещей, связи тоже не помешают. У меня много и того, и другого. Моей маме было бы приятно знать, что деньги, которые она нам оставила, пошли на что-то хорошее, вроде этого. Если так будет легче смириться, не делай это для моей мамы или меня. Сделай это для своей мамы и своей сестры.

Она смотрит в окно.

— Я подумаю об этом.

Я протягиваю руку и сжимаю ее бедро, обтянутое джинсами.

— Это лучше, чем ничего, я думаю.

— Что Джон хотел сказать ранее?

Я бросаю на нее язвительный взгляд.

— Хорошая смена темы.

Жас выжидающе поднимает брови.

— В основном он сказал, что парень из ФБР был доволен аудиозаписью, которую я получил с вечеринки. Мой отец уехал на неделю, так что Джон будет следить за твоим отцом, Мэдлин и Пейтон и посмотрит, не дадут ли они ему что-нибудь полезное.

— Значит, мы снова в режиме ожидания?

— Да.

— *Потрясающе.*

Эта девушка говорит с сарказмом так же свободно, как и я.

— Не хочешь перекусить?

— Можно было бы поехать, — Джаз роется в своей сумочке и достает телефон. — Может, нам стоит позвонить Бентли и узнать, что он задумал? Парень в последнее время угрюмый.

— Можешь повторить это еще раз.

— Как ты думаешь, что он задумал?

— Не знаю, — я пожимаю плечами. — Может, ему просто надоело все время притворяться, что с ним все в порядке.

— Бедный Бент, — она надувает губы. — Мы должны найти ему девушку.

Я усмехаюсь.

— Э... нет, не нужно. Я ни разу в жизни не играл в сваху, и не собираюсь начинать сейчас. Если Бентли хочет девушку, он вполне способен найти ее сам.

— Значит, ты хочешь сказать, что я должна завербовать Эйнсли для этой конкретной миссии.

Я смеюсь.

— Именно это я и говорю.

15. Жас

— Две вещи, о которых вы никогда не должны забывать: всегда проверяйте, чтобы банка для фасоли была наполнена доверху, и протирайте пароварку сразу после каждого использования.

Миша, мой новый менеджер, быстро выпускает пар и использует тряпку, чтобы продемонстрировать последнее.

— Есть вопросы?

Я качаю головой.

— Думаю, я все поняла. Теперь, если я смогу запомнить названия напитков, я буду готова.

Он смеется.

— Это проще, чем ты думаешь. Большинство людей придерживаются основ. Хотя, это Кали, так что не удивляйтесь, если кто-то попросит латте с половиной кофе, без сахара, на козьем молоке.

— Ну, конечно. Разве не так вы должны его пить?

Миша корчит гримасу.

— Я точно не так его пью. Я лучше буду бегать по пять миль каждое утро, чтобы иметь возможность пить свой сверхжирный, сверхсахарный латте, спасибо тебе большое.

— Я тебя понимаю.

Над дверью звенит колокольчик, указывая на то, что пришел новый клиент.

— Хотите попробовать этот? — Миша кивает головой мужчине, подходящему к стойке. — Я приму его заказ и буду рядом, если тебе понадобится помощь с напитком.

Я замираю, проследив за взглядом Миши, и вижу мужчину, стоящего перед кассой.

— Жас? — спрашивает Миша. — Ты справишься с этим?

При звуке моего имени этот засранец-качок поворачивается ко мне с наглой улыбкой.

Я киваю.

— Ага. Без проблем.

Миша принимает заказ и передает мне чашку с надписью для мокко с соленой карамелью. Я нажимаю кнопку, чтобы приготовить несколько коктейлей, наливаю в чашку шоколадный и карамельный сироп и наливаю молоко в графин для приготовления на пару. Я наливаю эспрессо и молоко в чашку и хорошенько перемешиваю, чтобы все соединилось. Убедившись, что крышка надежно закрыта, я называю имя клиента.

— Мокко с соленой карамелью для Лукаса.

Парень Пейтон накрывает мою руку своей, когда я ставлю чашку на стойку для напитков. Я стараюсь сохранять спокойствие, хотя волосы на затылке встают дыбом. От этого парня у меня мурашки по коже. С тех пор как Кингстон унизил Лукаса, заставив его мыть пол в столовой в нижнем белье, Лукас никогда не упускает возможности раздеть меня

взглядом, и я бы подумала, что он делает это, чтобы подзадорить моего парня, но странно, что он делает это только тогда, когда Кингстона нет рядом, чтобы увидеть это.

— Когда ты начала здесь работать?

Помня, что мой менеджер с любопытством смотрит на нас, я расправляю плечи и добавляю в свой тон немного бодрости.

— Сегодня мой первый рабочий день.

— Интересно, — Лукас делает глоток своего кофе, слизывая пену с губ. — Пейтон мне не говорила.

— Я сомневаюсь, что Пейтон знает, — пожимаю я плечами. — Я не часто с ней разговариваю.

Он достает бумажник, кладет стодолларовую купюру в банку для чаевых и поднимает свою чашку.

— Отличный латте, Жасмин. Я скоро вернусь.

После того как звездный Квотербек Виндзора покидает магазин, Миша вынимает Бенджамина из банки и прячет ее под лоток кассы.

— Ты знаешь этого парня?

— Мы вместе ходим в школу. И он вроде как встречается с моей сводной сестрой. Он часто сюда заходит?

Миша кивает.

— Каждое утро, иногда дважды по выходным. Это может стать проблемой? У меня были странные ощущения, исходящие от вас двоих.

Я сглатываю.

— Нет. Вовсе нет.

— Я рад это слышать. Особенно если он и дальше будет давать такие чаевые, — Миша наклоняет голову к женщине, которая только что вошла. — Ты готова к своей первой утренней пробежке?

Я киваю.

— Абсолютно.

— Ты сегодня отлично справилась, Жас. Хорошей ночи.

— Спасибо, Миша. Увидимся в понедельник после школы.

Когда я выхожу на улицу, Кингстон ждет прямо у входа, просиживая в своем — Ровере. Я слышу, как отпираются двери, когда я подхожу и сажусь в машину со стороны пассажира.

— Спасибо, что заехал за мной. Хотя на самом деле тебе не нужно было этого делать. Я же говорила тебе, что Фрэнк сказал, что он более чем счастлив отвозить меня.

— А я говорю тебе, в этом нет ничего такого, — его золотистые глаза осмеливаются возразить. — Как прошел твой первый день?

— Очень хорошо. Во время пика это довольно безумно, но сама работа достаточно легкая, и моя смена пролетела быстро.

— От тебя пахнет кофе.

— Надеюсь, что так, учитывая, где я была последние шесть часов, — я нюхаю свои волосы. — В чем дело? Я вызываю у тебя отвращение?

Глаза Кингстона неторопливо путешествуют по длине моего тела.

— Жас, ты можешь валяться в огромной куче собачьего дерьма, и ты все равно ты меня возбудишь.

— Фуууу, — я морщу нос. — Ты не мог выбрать что-нибудь другое для меня, чтобы гипотетически повалиться в нем? Что-нибудь еще?

Он смеется.

— Нет. Я остановился на собачьем дерьме.

— Такой романтик, — язвлю я.

— Детка, ты не справишься со мной, если я буду романтиком, — Кингстон подмигивает.

— О, Боже, — стону я. — Так пошло.

— Кстати, о пошлости... как ты смотришь на то, чтобы заглянуть на вечеринку в Виндзоре сегодня вечером?

— Серьезно? Я думала, мы договорились сделать паузу в вечеринках на некоторое время после того, что произошло на двух последних.

— Мы так и сделали. Но эта вечеринка будет в доме Лукаса Гейла.

Я усмехаюсь.

— Тем более не стоит идти. У меня от этого парня плохие предчувствия. Сегодня он зашел в кафе и вел себя как полный отморозок. Видимо, он постоянный клиент.

Кингстон хмурится.

— Ну, это еще большая причина, чтобы пойти. Если мы появимся на его территории, это послужит сигналом для всех, особенно для него и Пейтон, что мы здесь главные. И если я случайно поговорю с Лукасом о том, чтобы он нашел новое место для получения дозы кофеина, пока мы будем там, то так тому и быть.

— Я не знаю, Кингстон.

Он перегибается через консоль и берет меня за руку.

— Все будет хорошо, Жас. Поверь мне. Я бы не стал предлагать это, если бы не был уверен.

Я стону.

— Хорошо. Но сначала мне нужно принять душ и переодеться.

— У нас полно времени.

Когда мы приезжаем в дом Гейла, вечеринка уже в полном разгаре. Группа парней орет в телевизор, играя в видеоигры, красные стаканчики валяются на полу, звучит громкая музыка, а пьяные девушки в откровенных нарядах танцуют на столах. Я бы сказала, что это типичная вечеринка богатых детей, но у вечеринки Лукаса есть одно заметное отличие: это групповуха, которая происходит сразу после того, как вы входите в дверь. Там стоит очередь из десяти девушек, голых по пояс, наклонившихся, в то время как группа парней вставляет свои члены в каждую из них, несколько раз надавливая, прежде чем перейти к следующей девушке.

— Вау, — присвистывает Бентли. — Я полностью за то, чтобы время от времени играть в рулетку с кисками, но это безумие. Даже я знаю, что нужно отнести это дерьмо в полуприватное место.

Я выбрасываю руку в их сторону.

— Какой смысл в этом...

— И замри! — музыка резко обрывается прямо перед тем, как диджей выкрикивает свою команду.

— Черт! — кричит парень с болтающимся членом.

Чувак, стоящий рядом с ним, похлопывает его по спине.

— Извини, братан. Лучше иди подрочи в углу.

— И вперед! — говорит диджей, прежде чем музыка включается, и снова начинаются толчки.

У Эйнсли отвисает челюсть.

— Боже мой, они что, играют в какую-то секс-версию музыкальных стульев?

Бентли кивает.

— Похоже на то.

Как раз в этот момент одна из девушек, которую сейчас долбят, замечает нашу группу. — Бентли! Ты должен присоединиться к следующей игре.

Бентли потирает затылок, и, если я не ошибаюсь, он выглядит смущенным.

— Нет, спасибо. Я в порядке, — он начинает пробираться к бару. — Мне нужно выпить.

Остальные охотно следуют за ним, стараясь как можно больше отдалиться от оргии.

Рид поворачивает голову к моему парню.

— Сто баксов на то, что это дерьмо будет загружено на Pornhub в течение часа.

Кингстон усмехается.

— Какого хрена я должен принимать проигрышную ставку? Я бы сказал, не больше получаса.

— Это действительно самое глупое дерьмо, которое я когда-либо видела, — говорю я. — Ни один из этих парней не надел презерватив.

— Представляю, как надоедает менять их каждые тридцать секунд, — предлагает Бентли.

— Может, сделаем ставки на то, у кого какая венерическая болезнь? — спрашиваю я.

— Или кто залетит? — добавляет Эйнсли.

— Мне кажется, я только что видела Гейла, направляющегося к заднему двору. Давайте убедимся, что он нас видит, — Кингстон дергает головой в сторону.

Бассейн закрыт на сезон, но посреди кирпичного внутреннего дворика есть место для костра, где, похоже, собирается большинство людей. Конечно, Лукас, Пейтон и вся их компания сидят вокруг костра с чашками Solo в руках.

Лукас встает, как только видит нас, из-за чего Пейтон падает на задницу, так как она сидела у него на коленях.

— Какого хрена вы здесь делаете?

— А зачем бы нам еще здесь быть? — спокойно отвечает Кингстон. — Мы пришли на вечеринку.

— Да? — спрашивает Лукас. — Кто вас пригласил?

— У королей есть постоянное приглашение на любую вечеринку Виндзоров, — Бентли одаривает Лукаса наглой ухмылкой. — А поскольку Дэвенпорт, Прескотт и я — короли, мы автоматически приглашены, как и все, кого мы решили пригласить.

— Ну, это дурацкое гребаное правило, — заявление Лукаса было адресовано Кингстону, но он улыбается, когда его взгляд переходит на меня. — Ну, если это не мой любимый новый бариста?

Пальцы Кингстона сгибаются вокруг моего бедра.

— Не разговаривай с ней.

Лукас делает глоток из своей чашки.

— Это мой дом. Я буду говорить с кем захочу. Твой королевский указ не может мне в этом помешать, не так ли?

Пейтон отмахивается и садится на место, которое освободил Лукас.

— О чем ты говоришь, детка?

Лукас протягивает руки.

— О, ты не слышала? Милая, прелестная Жасмин теперь работающая девушка.

— Я уверена, что она уже была одной из них, — бормочет Уитни Олкотт, она же озлобленная бывшая Бентли.

Я отмахиваюсь от нее в ответ.

Лукас показывает на Уитни.

— К сожалению, эту теорию еще предстоит доказать. Но она — самый новый сотрудник в — Калабасас Кофе, — он поворачивается ко мне и нагло ухмыляется. — Знаете, наша любимая кофейня в долине? Ту, в которую мы ходим практически каждый день?

Чееерт. Почему я не подумала о том, что мне придется обслуживать засранцев, с которыми я хожу в школу, когда начала подавать заявления на работу? Я не успеваю скрыть свое недовольство, потому что улыбка Лукаса растет, когда он видит, что достал меня.

— Нам понравится, если маленькая мисс Креншоу будет разливать для нас напитки. Хотя я уверен, что поскольку она такая новенькая, ей понадобится некоторое время, чтобы правильно выполнять заказы. Возможно, придется отослать первые несколько обратно, — он оглядывается вокруг. — Не так ли?

Я кладу руку на бедро, пока лемминги бормочут в знак согласия.

— Я из Уоттса, придурок.

Лукас пожимает плечами.

— То же самое.

Нет, не то же самое, но этот идиот не заметит разницы.

Кингстон сверкает убийственным взглядом.

— Найдите новое место, где вы будете пить кофе. Если кто-нибудь из вас появится на работе Жас и доставит ей неприятности, вы будете отвечать передо мной.

— И мной, — добавляет Бентли.

— И мной, — вторит Рид.

Я встаю немного выше, когда овцы перестают выглядеть забавными.

— А папа знает, что ты нашла работу? — Пейтон произносит последнее слово так же, как я представляю, что она сказала бы — *свадебное платье с распродажи*.

— Нет, но я уверена, что ты позаботишься об этом для меня при первой же возможности.

Я пренебрежительно машу рукой.

— Не то чтобы он мог что-то с этим сделать, ведь мне уже восемнадцать.

Глаза Пейтон прищуриваются.

— У папы хорошие связи. Если он не хочет, чтобы ты работала, никто в радиусе пятидесяти миль тебя не наймет.

Я закатываю глаза.

— Да, это мы еще посмотрим.

— Эй, Пейтон, — окликает Кингстон, отвлекая ее внимание. — Я удивлен, что ты не наслаждаешься праздником. Знаешь, раз уж групповуха теперь твой конек.

Глаза Пейтон расширяются.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Правда? — Кингстон смеется. — Значит, это были не Гейл, Бейкер, Райт и Тейлор.

которых я недавно застал, когда ты трахалась с ними одновременно?

— *Что?!* — одновременно кричат Имоджен и Уитни.

Пейтон нервно смотрит на двух своих подруг. Полагаю, они не знали, что она трахается с их новыми парнями.

— Все не так плохо, как кажется, — утверждает Пейтон.

Уитни поворачивается к своему парню.

— Кристиан? Это правда?

Кристиан Тейлор отводит взгляд.

— Эээ... вроде того?

— Вроде того? — кричит Уитни. — Что это значит?

— Она всего лишь отсосала мне. Нас... э-э... прерваны до того, как все зашло дальше.

Кристиан наклоняет голову к парням, сидящим слева от него.

— Но да, она трахалась с остальными. Это было довольно впечатляюще, как она принимала все три члена одновременно. У меня есть видео, если кому-то интересно.

Пейтон задыхается.

— Что?!

— Как ты могла так поступить с нами, Пейтон? — Имоджен хнычет, сверля взглядом свою так называемую подругу. — Мы должны были стать подругами на всю жизнь! Давай, Уит, пойдём отсюда.

— С радостью, — Уитни смотрит на меня с отвращением. — Видимо, быть шлюхой — это семейное.

— Осторожнее, Уит, — рычит Бентли.

— Или что, Бентли? Ты меня бросишь? О, подожди, ты уже это сделал! — она смеется, оглядывая группу. — Я так устала от школьных придурков. Отныне только парни постарше.

— Абсолютно, — соглашается Имоджен.

Пейтон встает и кричит, пока две другие девушки убегают со всех ног.

— Почему ты пытаешься разрушить мою жизнь, Кингстон?

— Я уверен, что ты и сама прекрасно справляешься с этим, Пейтон. Не вини моего брата за то, что ты пытаешься пробить себе дорогу через весь выпускной класс.

Пейтон посмотрела на Эйнсли.

— Заткнись, сучка. Тебя никто не спрашивал.

О, черт, нет.

Я бросаюсь на Пейтон, но Бентли оттаскивает меня назад.

— Держи себя в руках, малышка.

Я вырываюсь из его объятий.

— Дай мне посмотреть на нее, Бент. Думаю, ей пора сделать еще одну пластику носа. Я просто помогу ей.

К этому моменту у нас собралась целая аудитория. Пейтон выглядит так, будто ее сейчас стошнит, когда она замечает, сколько людей стали свидетелями ее унижения.

Я мгновенно успокаиваюсь, когда Кингстон хватает меня за руку.

— Давай, Жас Мы закончили. Они того не стоят.

— Ты прав, — киваю я.

Мы впятером покидаем вечеринку, не обращая внимания на драму, которую мы оставили позади. Теперь вопрос в том, почему мне кажется, что мы только что навлекли на свою жизнь еще больше проблем?

16. Жас

— Я никогда не пойму, как у маленькой Дженни Хамфри вырвался такой громкий голос.

— Кто такая Дженни Хамфри?

— Эээ... из *Сплетницы*? — Эйнсли кивает на дисплей на приборной панели, когда видит, что я все еще ничего не понимаю. — Певица из группы The Pretty Reckless. Она играет младшую сестру Дэна Дженни в *Сплетнице*.

— Это типа шоу?

Эйнсли ахает.

— Пожалуйста, скажи, что ты шутишь.

Я пожимаю плечами.

— Извини. Никогда о нем не слышала.

— Х-О-Х-О ничего не напоминает?

— Нет. Я пишу букву П в конце.

— Святое дерьмо. Как только я вернусь из Портленда, мы просмотрим его до дыр. Он полностью изменил телевизионный ландшафт подростковых драм. Это классика, — она вздыхает. — Не могу поверить, что не увижу тебя целую неделю.

Эйнсли ставит машину на стоянку и тянется ко мне, чтобы обнять. Она настояла на том, чтобы отвезти меня на работу сегодня днем, так как сегодня вечером они с Ридом летят к его сестре на Рождество.

Я сжимаю ее в последний раз, прежде чем отстраниться.

— Я знаю. Для меня это безумие, что уже зимние каникулы, а наша поездка в Дисней почти началась.

— Белль до сих пор не знает, куда ты ее повезешь, да?

— Нет, — качаю я головой.

— Обещаешь, что сделаешь много фотографий и пришлешь их мне?

— Обещаю, — я открываю дверь машины и беру с полки свою сумочку. — Еще раз спасибо, что подвезла.

— Конечно. Хорошей смены.

— Напиши мне, чтобы я знала, что ты благополучно приземлилась.

Эйнсли кивает.

— Хорошо. Пока, Жас.

Я закрываю дверцу и машу ей рукой, когда она отъезжает от обочины. Когда я захожу на свою работу, я сразу же иду в подсобку, чтобы спрятать сумочку и взять свой черный фартук бариста. Это всего лишь моя вторая неделя, но мне очень нравится здесь работать. Мой босс и коллеги приветливы, а приготовление кофе — удивительно увлекательное занятие. Нам разрешают экспериментировать с различными сиропами и соусами, придумывать новые блюда, когда у нас есть свободное время. Я улыбаюсь, когда вижу на меловой доске сегодняшнее фирменное блюдо дня.

Мокко с засахаренной мятой.

Это напиток, который я придумала на днях: Две порции соуса из белого и темного шоколада и одна порция мятного сиропа, посыпанного взбитыми сливками и дроблеными мятными конфетами. Это не только вкусно, но и сочетание вкусов делает идеальный праздничный напиток. Учитывая, что до Рождества осталась всего пара дней, это как нельзя

кстати.

— Привет, Жас.

Я улыбаюсь.

— Привет, Ява. Там много народу?

Да, это ее настоящее имя. Я думал, она шутит, когда впервые представилась. Только в Лос-Анджелесе, клянусь. Здесь также работают Рейсер, Клен и Деним. И еще Аллея.

Ява качает головой.

— Не так уж плохо. Думаю, люди все еще ходят за покупками.

— Это только мы двое?

— Да, — она кивает. — По словам Миши, последние две недели декабря обычно самые медленные в году, потому что так много людей уезжает из города. Рейсер должен был быть на смене еще час, но он ушел немного раньше. Мы никогда не должны оставаться здесь одни, так что если кто-то спросит, он неважно себя чувствовал.

— А какова настоящая причина?

Ява закатывает глаза.

— Ему нужно было искупать своего хорька и почистить клетку перед приходом его подружки. Рэйс живут в студии площадью четыреста квадратных футов, так что пространство ограничено, и, как ты, наверное, можешь себе представить, неприятные запахи распространяются довольно легко. Очевидно, она отказывается давать ему по голове, если грызун воняет, поэтому Лил Уэйн — хорек, а не рэпер — принимает ванну. Не могу сказать, что я ее виню. В последний раз, когда мы с ним общались, я чуть не потеряла сознание от того, что слишком долго задерживала дыхание, пытаясь не почувствовать его запах. Эти маленькие парни чертовски милы, но они очень быстро начинают вонять.

— Вау... это больше информации, чем мне когда-либо было нужно, — смеюсь я.

— Прости, — она краснеет. — Иногда я забываю о цензуре.

Мои губы подергиваются.

— Все хорошо. Твоя честность освежает.

Колокольчик над дверью звякнул, когда небольшая группа двадцатилетних вошла внутрь.

— Долг зовет, — напевает она.

— Что еще нужно сделать?

Ява кладет швабру в ведро и оглядывается по сторонам.

— Думаю, мы справимся после того, как выбросим мусор.

— Я справлюсь с этим.

— Спасибо. Новые мешки лежат под шкафом в ванной, а мусорные контейнеры — на заднем дворе у забора. Наш — зеленый. Он должен быть открыт с середины дня, но не забудь запереть его, когда закончишь.

— Поняла.

Закончив класть новый вкладыш в последний мусорный бак, я собираю пакеты и выхожу через заднюю дверь. Черт, здесь как-то жутковато. Я выбрасываю мусор в мусорный контейнер и убеждаюсь, что замок надежно заперт. Когда я начинаю уходить, клянусь, я слышу, как ботинки шаркают по земле, вздымая гравий. Я бросаюсь в сторону, оглядываюсь, но здесь слишком темно, чтобы что-то разглядеть. Я поспешно свою задницу внутрь и делаю несколько вдохов, чтобы успокоиться.

Ява хмурится, когда заходит в заднюю комнату и видит меня.

— Ты в порядке? Ты выглядишь напуганной.

— Да, — я включаю кран, чтобы помыть руки. — Мне просто показалось, что я что-то услышала там и на секунду испугалась.

— О, это, наверное, белки.

— Белки?

— Да, — кивает она. — Их там целая куча, они живут на деревьях за границей участка. Тоже маленькие похотливые ублюдки. Однажды я выносила мусор и услышала странный звук, доносящийся сверху. Он был очень громким и походил на звук умирающего животного. Когда я подошла ближе, то обнаружила двух белок, которые набросились на него, как бешеные обезьяны, — Ява вздрогнула. — В ту ночь мне пришлось сильно накуриться, чтобы стереть воспоминания. К сожалению, с тех пор это повторялось не менее двух десятков раз, так что теперь это навсегда запечатлелось в моем мозгу.

Мои губы дергаются. Эта девушка и ее отсутствие фильтра определенно забавны.

— Вау. Это... интересно.

Ява оглядывает парковку торгового центра, когда мы выходим из магазина.

Твоя машина еще не приехала?

Я качаю головой.

— Нет, я не сказала ему, что мы закончили немного раньше.

— О, — ее взгляд падает на Audi ее парня. — Давай я быстро скажу Йену, и я подожду с тобой.

— Спасибо, но я в порядке, — я наклоняю голову в сторону другого конца парковки, где находится открытый магазинчик. — Я просто собираюсь перекусить сэндвичем, пока жду.

— Тебя подвезти?

Я качаю головой.

— Я в порядке.

— Ладно. Хорошей ночи.

Я машу рукой.

— Тебе тоже.

Я начинаю идти быстрее, когда замечаю черный Escalade, выезжающий с парковки. Само по себе это не было бы странным, учитывая, что мы находимся в торговом центре, но единственное место, которое все еще открыто, — это магазин — Sub, который находится несколькими дверями ниже. Когда внедорожник начинает двигаться прямо ко мне, я перехожу на бег. Я успеваю пробежать около пятидесяти метров, прежде чем водитель нажимает на тормоза, и грузовая дверь распаивается. Из машины выскакивает здоровенный парень во всем черном, включая лыжную маску, и бросается на меня.

Вот дерьмо.

Я сопротивляюсь, но парень слишком силен для меня. Он зажимает мне рот и нос, практически задушив меня, пока он заталкивает меня на заднее сиденье — Кадиллака. Я хочу закричать от несправедливости, когда моя сумочка падает на асфальт, зная, что в ней лежит пистолет, который я купила именно для этой цели. Мой телефон тоже там, что означает, что Кингстон не сможет меня отследить.

Ну, разве это не чертово дежавю?

Как только двери закрываются, он кричит

— Вперед!

Секундочку... Я знаю этот голос.

Водитель в маске нажимает на газ и выезжает со стоянки. Я знаю, как мне будет плохо, если я позволю этим парням отвезти меня в другое место, поэтому я брыкаюсь, кусаюсь и сопротивляюсь изо всех сил.

— Быстрее, блядь, добираться туда, — командует парень, который меня держит.

— Я пытаюсь! — кричит водитель.

Я тоже знаю этот голос. Какого черта?

Спустя, казалось бы, всего несколько минут, — Эскалейд резко поворачивает направо, выбивая из равновесия меня и мускулистого парня. Задние сиденья сплющиваются, поэтому меня отбрасывает к боковой двери, а его, спотыкаясь, к задней. Мне плевать, что машина движется, я тянусь к ручке двери, но должно быть сработали детские замки, потому что она не открывается.

— Черт!

Машина делает еще один резкий поворот по ухабистой дороге, после чего с грохотом останавливается.

Здоровяк хватается за меня, прижимая мое тело к ковровому покрытию пола.

— Оставь нас!

Водитель колеблется.

— Что ты собираешься делать, мужик?

— Что, по-твоему, я собираюсь делать? — придурок сжимает мою шею. — Я собираюсь преподать этой сучке урок. Возвращайся в свое общежитие, Тейлор. И оставь ключи.

Я так и знала! Парень за рулем — Кристиан Тейлор! Эйнсли как-то сказала мне, что он живет в общежитии в Виндзоре. Так вот где мы находимся? Если водитель — Кристиан, значит, тот, кто сидит на мне сверху, должен быть...

— Лукас, чувак, ты сказал, что собираешься просто напугать ее. Это единственная причина, по которой я согласился помочь тебе.

Лукас снимает лыжную маску и отбрасывает ее в сторону. Думаю, теперь нет смысла пытаться скрыть свою личность.

— *Я сказал, убираться к чертовой матери.*

— Ладно, ладно. Просто... Я не знаю. Просто будь осторожен, чувак.

Как только дверь закрывается, мясистые лапы Лукаса переворачивают меня, так что я оказываюсь на спине, а он сидит на моем торсе. Черт, он весит целую тонну. Он быстро закрывает мне рот рукой и зажимает ноздри, просто чтобы доказать, что он может остановить мое дыхание, если захочет.

— Ты действительно облажалась, явившись в мой дом, сука, — рычит он.

Его лицо находится в нескольких сантиметрах от моего, и я чувствую запах алкоголя в его дыхании.

— Я собирался послушаться Пейтон и оставить тебя в покое, но тебе просто нужно было надавить на меня. Этот твой парень просто не мог оставить тебя в покое. Ну, он может быть неприкасаемым, но знаешь что? Ты — нет.

Мой крик заглушается его ладонью, когда он засовывает свою свободную руку в мои леггинсы, грубо хватая меня за промежность. Слезы текут по моим щекам, когда он сдвигает мои трусики в сторону и вводит в меня два толстых пальца.

— Чееерт. Твоя киска еще туже, чем я себе представлял. Хотя немного суховата. Нам нужно будет поработать над этим, прежде чем ты возьмешь мой член. Я умираю от желания

получить твой кусочек с той ночи на озере. Я не могу выбросить из головы мысли о твоём обнаженном, беспомощном теле, — Лукас одаривает меня злой улыбкой, продолжая вводить и выводить свои пальцы. — Упс, неужели я только что признался в этом? Думаю, нет смысла отрицать это сейчас, учитывая, что ты, вероятно, уже догадалась. Если есть какие-то сомнения, Кристиан тоже был со мной той ночью, но он был слишком большим слабаком, чтобы взять то, что хотел. К счастью для тебя, у меня такой проблемы нет.

Окна тонированы так темно, что только слабый свет проникает сквозь люк, но этого достаточно, чтобы увидеть, насколько маньячным сейчас является его выражение лица. Чувак точно сошел с ума, что не сулит мне ничего хорошего.

— Теперь я хочу, чтобы ты очень внимательно выслушала то, что сейчас произойдет. Моргни дважды, если поняла.

Я свирепо смотрю на него.

Лукас пожимает плечами.

— Эх, достаточно хорошо. Сейчас, через мгновение, я уберу руку от твоего рта. Когда я это сделаю, я вытащу свой член, и ты будешь отсасывать мне, пока я не буду готов вставить его в твою пизду.

Господи Иисусе, этот ублюдок бредит.

— Тогда...

Я испытываю облегчение, когда он убирает свои отвратительные пальцы с моего тела, но это кратковременно, когда он засасывает их в рот и стонет.

— Черт. Обычно я не трачу свое время на то, чтобы есть киску сучки, но для тебя я могу сделать исключение. Может, у тебя и правда есть что-то вроде вудуистской киски. Может быть, трахнув тебя, я смогу убедить меня считать твой долг оплаченным после того, как мы закончим здесь. При условии, что ты будешь сотрудничать, то есть, — он впивается ногтями в мою челюсть. — Но не надо никаких безумных идей. Если ты укусишь меня, когда мой член будет у тебя во рту, я выбью тебе все зубы на хрен. Если ты попытаешься кричать о помощи, я буду душить тебя, пока ты не потеряешь сознание. И не думай, что я имею что-то против того, чтобы трахать девушку без сознания. Это точно будет не в первый раз, — он больно сжимает мой сосок через рубашку. — Все ясно?

Я ни за что на свете не собираюсь просто тихо лежать здесь, пока он насилует меня, но я думаю, что этот псих достаточно растерялся, чтобы поверить мне, когда я киваю.

— Хорошая девочка, — он улыбается, убирая руку с моего рта.

Я жадно глотаю как можно больше воздуха, когда на меня наваливается более двухсот фунтов веса. Я не шевелюсь, пока Лукас расстегивает пуговицы и молнии на своих джинсах, стягивая их с бедер. Конечно, он собирается командовать — в конце концов, лучше изнасиловать кого-нибудь, — поэтому его член сразу же вырывается на свободу. Мне приходится буквально прикусить язык, говоря своему внутреннему умнику, что сейчас не время указывать на то, что борьба за член карандаш реальна. Может быть, мне просто повезло с теми немногими, которые я видела до сих пор, но член Лукаса не только короткий, но ему не хватает обхвата. Неудивительно, что Пейтон нужен кто-то другой, чтобы удовлетворить ее. Я очень сомневаюсь, что этот парень сможет выполнить свою работу.

Совершенно не обращая внимания на мой внутренний монолог, Лукас гладит себя, стонет, когда проводит рукой по головке.

— Подними свою рубашку. Покажи мне эти милые сисечки, по которым я так соскучился.

— Ты на моих руках, — замечаю я.

— Виноват, — он отпускает свой член и переставляет колени так, что они еще больше вдавливают мои руки в пол.

Лукас приподнимает свой зад настолько, чтобы стянуть мою футболку, пока она не оказывается над моей грудью, затем он задирает вверх и лифчик. Мои соски набухают от холодного воздуха, привлекая внимание Лукаса к ним. Я должна напомнить себе, что у меня будет только одна попытка сбежать, и я должна быть уверена, что это правильный момент, чтобы сделать шаг. Я чувствую, что меня сейчас стошнит, когда он смотрит на мою обнаженную грудь, ухмыляясь, как сумасшедший, когда он ласкает меня.

— Не скромничай, Жас. Я знаю, что ты хочешь этого. И если ты будешь отлично сосать мой член, я, возможно, буду доверять тебе настолько, что позволю тебе использовать свои руки. Из того, что я видел, твоя производительность не должна быть проблема, — я борюсь со своим рвотным рефлексом, когда он трет головкой своего члена по моим заостренным кончикам, размазывая свою сперму по всей коже.

Не знаю, как мне удастся сохранять спокойствие, когда он двигает тазом, приближая свой член к моему лицу, но я благодарна ему за это. Последнее, что мне сейчас нужно, это паническая атака.

— Боже, ты даже не представляешь, сколько раз я дрожил на видео, где ты в душе с Дэвенпортом, — он делает еще один длинный удар. — О, кстати говоря... не забудь записать это, чтобы этот ублюдок увидел, как тебе понравится, когда я буду в тебе.

Что?!

Мои глаза расширяются, когда Лукас достает телефон из кармана джинсов и протягивает его.

— Скажи — сыр, Жасмин.

Я быстро моргаю, ослепленная вспышкой.

Он поворачивает экран ко мне, показывая фотографию моей обнаженной груди, над которой висит его член. Он убеждается, что я вижу, как он переключает камеру в режим видео, прежде чем повернуть экран обратно к себе.

— Открой шире, маленькая шлюшка.

Я сжимаю губы, когда он подходит ближе, и отворачиваю голову, когда его мерзкий член касается моего рта. На этот раз я не могу сдержать рвотный позыв, когда чувствую вкус соленой влаги, которую он оставил на моих губах.

— Не-а, — Лукас хватается за мою челюсть и сжимает, заставляя мою голову вернуться в центр. Клянусь Богом, такое ощущение, что он чуть не сломал кость. — Открой свой гребаный рот, пока я не заставил тебя открыть его, сука.

В тот самый момент, когда я думаю, что, возможно, мне придется вытерпеть это, чтобы хотя бы вернуть себе возможность пользоваться своими руками, у него начинает звонить телефон.

— Отъебись! — кричит он, заглушая звонок.

Через мгновение он звонит снова, и он отклоняет звонок во второй раз. Когда он звонит в третий раз, Лукас краснеет, глядя на экран.

— Черт, — Лукас откидывается назад, заставляя меня хрюкнуть, когда его вес опускается на мой живот, но я согласна на это в любой день, чем на его член у меня во рту. Он проводит пальцем по экрану и подносит телефон к уху.

— Алло? — я не слышу, что говорит абонент, но Лукас становится все более

возбужденным по мере продолжения разговора. — Нет, сэр. Я просто немного повеселился. Да, сэр. Да, я понимаю. Конечно, — у него отвисла челюсть. — *Прямо сейчас?! Эм... конечно.*

Оба наших взгляда обращаются к приближающимся фарам, сверкающим в окне. С кем, черт возьми, он разговаривает?

Лукас сглотнул, внезапно выглядя очень испуганным.

— Да, сэр. Я вижу их. Он быстро заправляет штаны обратно в брюки и застегивает молнию. — Да, я понимаю. Я выйду из машины и оставлю Жасмин целой и невредимой.

Серьезно, кто, черт возьми, на другой линии?

Лукас кладет трубку и бормочет: — Чертов Тейлор. Ему просто необходимо было изобразить чертову святошу. Я надеру этому ублюдку задницу, — его глаза сужаются в мою сторону. — Тебе сегодня повезло, но не думай, что это конец. Твоя пизда моя, сучка.

Я отскакиваю в сторону, когда он перепрыгивает через консоль на водительское сиденье и выходит из машины, оставляя меня позади. Я как можно быстрее возвращаю одежду на место, наблюдая, как Лукас подходит к темному седану. Он обменивается несколькими словами с водителем, прежде чем сесть на заднее сиденье, и они уезжают. Что, черт возьми, сейчас происходит?

Как только я вылезаю из — Эскалейда, меня встречает знакомый гул двигателя. Я приседаю, пока не убеждаюсь, что это не кто-то другой, от кого мне нужно бежать. Как только я вижу Агера Кингстона, я перехожу в спринт. Он нажимает на тормоза и открывает дверь в тот момент, когда машина полностью останавливается. Кингстон ловит меня в воздухе, когда я прыгаю в его объятия и обхватываю ногами его талию, но импульс от моего бега заставляет нас упасть на землю. Я начинаю безудержно рыдать ему в шею, пока он проводит рукой по моей спине.

— Как ты узнал, где меня найти? — икаю я.

— Я получил сообщение, — Кингстон сжимает меня и целует в макушку. — Я не знаю, кто его прислал, но они сказали, чтобы я быстро приехал и что ты в опасности. Я нашел твою сумочку на парковке за минуту до этого, так что я знал, что это не шутка, — он осторожно проводит ладонью по моему лицу и поднимает мою голову. — Что случилось, детка?

Я вытираю слезы с глаз.

— Я расскажу тебе, но, пожалуйста, просто заведи меня отсюда. Мне нужно выбраться отсюда.

Кингстон кивает.

— Конечно.

Когда мы оставляем позади ворота Виндзора, я думаю о том, как впервые увидела их и насколько испорченной стала моя жизнь с тех пор. Кингстон сжимает мою руку, напоминая мне, что и в этой новой жизни есть что-то положительное. Кто-то однажды сказал мне, что нужно испытать что-то плохое, чтобы по-настоящему оценить все хорошее в жизни. Хотелось бы знать, сколько всего ужасного мне нужно пережить, чтобы наконец обрести покой? Я так вымоталась, сражаясь с демонами на каждом шагу, что не знаю, сколько еще смогу продержаться.

Жас не проронила ни слова за всю дорогу домой, и это меня убивает. Мне нужно знать, что произошло, но я знаю, что если я буду давить на нее, пока она не будет готова, это не принесет нам обоим ничего хорошего. Как только мы заходим в мой дом, она практически бежит в душ, открывая кран на полную мощность. Она даже не успевает полностью раздеться, как оказывается под струями, яростно оттирая лицо и грудь.

Я быстро снимаю свою одежду и присоединяюсь к ней.

— Эй. Помедленнее. Позволь мне помочь.

Я тянусь к Жас, чтобы немного сбавить температуру. Я люблю горячий душ не меньше, чем любой другой парень, но когда ее загорелая от природы кожа становится ярко-красной через несколько секунд, понимаешь, что вода чертовски горячая.

— Мне просто нужно это снять, — всхлипывает она.

— Снять что? — я помогаю ей вылезти из брюк, что легче сказать, чем сделать, потому что они намokли и прилипли к ногам.

— *Ego*, — она начинает дрожать, хватая флакон с гелем для тела и наливает его на губку для мытья. — Его запах... его прикосновения... его... его... его...

Я выхватываю губку из ее рук и изо всех сил стараюсь не реагировать. Я хочу засыпать ее вопросами о том, что произошло, о том, почему у нее в сумочке заряженный пистолет, но я не хочу усугублять ситуацию.

— Детка, нам не нужно делать это прямо сейчас. Давай просто приведем тебя в порядок. Мы сможем поговорить после того, как ты немного поспишь.

Она качает головой.

— Нет. Мне нужно выложить все сейчас. Я просто хочу, чтобы все это вышло наружу. Мне нужно все это выложить.

Я делаю глубокий вдох.

— Хорошо, если это то, чего ты действительно хочешь. Просто... не торопись и дай мне столько информации, сколько захочешь.

Ее покрасневшие глаза поднимаются на меня.

— Это был Лукас.

Я сжимаю челюсть, медленно проводя губкой по ее телу.

— Кем был Лукас?

Жас опускает волосы под воду.

— Он был тем самым. На озере. На вечеринке в Малибу. Сегодня вечером. Это он. Не могу поверить, что я не собрала все воедино раньше, но он фактически признал это, так что нет никаких сомнений. А Кристиан был его сообщником. Лукас хвастался тем, что почти изнасиловал меня, Кингстон. Рассказывал, как мне это понравится. Он начал записывать нас на свой телефон и сказал, что собирается отправить это тебе. Что за больной ублюдок делает такие вещи?

Я чуть не разбиваю бутылку с шампунем, когда наливаю немного в руку. Я трачу время на то, чтобы довести его до состояния пены, прежде чем нанести его на волосы Жас. Ее тело расслабляется, когда я массирую ей кожу головы; тем временем я скрежещу зубами так сильно, что удивляюсь, как они еще не превратились в пыль.

— Как ты оказалась в Виндзоре?

Она поворачивается и смывает шампунь с волос, прежде чем ответить.

— Мы рано закончили на работе. Было всего пятнадцать минут. Я знала, что ты, скорее всего, уже в дороге, поэтому решила просто посидеть в закуской на другом конце площади

и перекусить сэндвичем. Я собиралась написать тебе, как только приду, но примерно на полпути к магазину они остановились на Эскалейде — Лукас и Кристиан — и Лукас затащил меня в машину. Я пыталась сопротивляться, но он использовал свое преимущество в весе, чтобы обездвижить меня, как и в прошлые два раза. Сегодня он раздавил меня и перекрыл доступ воздуха.

— Когда мы остановились... у школы, я думаю... он... задрал мою рубашку, — теперь, когда ее кожа не такая красная, я вижу синяки в форме отпечатков пальцев, образовавшиеся на ее челюсти.

— Он... ввел свои пальцы в меня. Он спустил свои штаны и... — она задыхается. — О, Боже.

Я собираюсь убить его на хрен.

— Он снял штаны и что, Жас? — я намеренно сохраняю свой голос мягким, чтобы противостоять бурному шторму, зарождающемуся внутри меня.

— Потеря своим членом о мою грудь. Мои губы. Он собирался насильно засунуть его мне в рот, прямо перед тем, как появились те парни, чтобы забрать его.

Я крепко зажмуриваю глаза, пытаюсь отогнать образы, проносящиеся в моем мозгу. Я не могу остановить свой гнев. Мне нужно... Мне нужно что-то, чтобы заглушить ее.

— *Ублюдок!* — кричит Жас, когда я разворачиваюсь и бью кулаком в стену, раскалывая плитки и покрывая их своей кровью. Черт, как больно.

— Меня сейчас стошнит, — я поворачиваюсь к ней как раз в тот момент, когда она прикрывает рот ладонью.

Да, меня тоже.

Жас падает на колени на пол в душевой и начинает выплевывать, но ничего не выходит. Подумаешь. Вот оно выходит... и... вот оно выходит, прямо в слив.

— Шшш, — я приседаю и провожу рукой по ее спине. Я шиплю, когда вода попадает на мои ободранные костяшки пальцев, смешивая кровь с рвотой, когда она стекает в канализацию.

Зверь внутри меня ревет, требуя мести, но оставить Жас прямо сейчас — не вариант. Как только я доберусь до этого ублюдка, он умрет. Я серьезно. Буквально, блядь, труп. Я позабочусь о том, чтобы это было приятно и медленно, чтобы он мог почувствовать каждый кусочек ужаса и боли, которые он причинил ей.

Наконец, когда ее тело перестает биться в конвульсиях, Жас встает на ноги и всхлипывает, пока я заново обмываю ее тело и смываю остатки рвоты в канализацию. Я выключаю воду, беру полотенце и начинаю вытирать ее.

— Черт побери, — моя рука действительно повреждена. Я уверен, что сломал несколько костяшек, и кровь заляпала весь махровый халат.

— Кингстон, позволь мне помочь. Ты ранен, — Жас тянется к моей руке, но я отдергиваю ее.

— Нет. Тебе и так есть о чем беспокоиться. Просто дай мне секунду.

Я иду к бельевому шкафу и беру полотенце для рук, обматываю им костяшки пальцев. Как только все закреплено, я оборачиваю вокруг талии полотенце побольше и помогаю Жас выйти из душа. Я начинаю вести ее обратно в спальню, но она останавливается у раковины.

— Подожди. Если я не уберу этот вкус изо рта, меня снова стошнит.

Я киваю и спокойно жду, пока Жас чистит зубы и полоскает рот. Я улыбаюсь, несмотря на дерьмовые обстоятельства, когда она кладет зубную щетку обратно в держатель. Она

упрямо отказывается оставаться на ночь, как я хочу, но она принесла несколько личных вещей, чтобы ей было удобнее, когда она здесь. Не могу сказать, что мне неприятно видеть ее вещи вперемешку с моими.

Джаз сразу же обхватывает меня, не оставляя между нами ни сантиметра пространства, как только мы оказываемся под одеялом. Мы держимся друг за друга, как за спасательный круг, ни один из нас не хочет отпустить другого.

Я целую ее макушку.

— Как ты думаешь, ты сможешь ответить еще на несколько вопросов?

Она слегка кивает.

— Я могу попытаться.

— Ты сказала, что кто-то пришел за Лукасом. Кто?

— Не знаю. Когда он собирался... его телефон начал разрываться. Он немного поговорил с человеком на другой линии, назвал его сэром, так что я знаю, что это был мужчина, но это все, что я поняла. Затем внезапно появилась машина, припаркованная прямо за той, в которой мы находились. Лукас вышел из — Эскалейда, сел в другую машину, и они уехали. Я не знаю, кто был этот таинственный человек, но он до смерти напугал Лукаса. Это было очевидно.

Я хмурюсь, переваривая услышанное. Это занимает у меня минуту, но внезапно кусочки головоломки начинают складываться в единое целое. Если Лукас — первоначальный нападавший Жас, то это должен быть тот, о ком говорил мой отец в видео с Пейтон. Мой папа сказал, что если комнатная собачка Пейтон снова нападет на Жас, он заставит его заплатить. Мой отец — тот самый таинственный человек? Но откуда ему знать, где была Жас или что происходило в то время?

Черт.

Почему все чертовы ответы приводят к еще большим вопросам, когда в деле замешан мой отец?

Жас двигает своим телом, и мой член реагирует на трение. Я пытаюсь отстраниться, но она прижимается ко мне, спутывает наши ноги и трется об меня более целенаправленно.

— Жас.

Я чувствую, как ее нежные пальцы тянутся к полотенцу на моей талии.

— Кингстон, пожалуйста. Мне это нужно.

Я стону, когда она ослабляет полотенце и начинает поглаживать мой член по всей длине.

— Детка, тебе следует попытаться немного отдохнуть.

— Я так и сделаю, — Жас прижимается губами к моей ключице, в то же время ее большой палец проводит по сперме, вытекающей из моего кончика.

— После того, как я покатаюсь на тебе.

Она встает на колени и снимает полотенце, в которое была обернута. Ее стройное, красивое тело сидит передо мной, готовое для того, чтобы его взяли. От ее бронзовой кожи до изящно вылепленных мышц живота и идеальных, умоляющих моего внимания сисек. Мои пальцы проводят по двум горизонтальным отметкам на торсе Жас, оставляя мурашки по коже. Шрамы стали намного светлее, они больше не выглядят приподнятыми и сердитыми. Очень скоро будет казаться, что их никогда не было.

— Они так хорошо заживают.

— Кингстон, я не хочу сейчас говорить. Я просто хочу чувствовать тебя внутри себя.

Пожалуйста, не заставляй меня умолять.

Я пытаюсь не воспользоваться уязвимым состоянием Жас, но это чертовски сложно, когда она выглядит так, будто хочет съесть меня заживо. Мне знакомо это чувство, потому что я никогда не хотел ничего и никого так сильно, как ее. Жас наклоняется вперед, ее длинные влажные волосы щекочут мои руки, когда наши губы встречаются. Я втягиваю ее полную нижнюю губу в рот, сжимая зубы, когда она стонет. Она засасывает мой язык в рот, и мой член подрагивает, представляя, как она так же обращается с ним.

Жас садится на меня сверху ко мне, пока мы целуемся, поглаживая своей влажностью мой член, вверх и вниз, вниз и обратно, пока я не начинаю думать, что не смогу больше сдерживаться. Если мы собираемся сделать это, я должен убедиться, что о ней сначала хорошо позаботятся, а этого не произойдет, если я выплесну свой заряд еще до того, как смогу войти в нее.

Я касаюсь ее бедра своей неповрежденной рукой.

— Сядь мне на лицо, — когда она колеблется, я добавляю: — Что случилось? Ты хочешь остановиться?

— Нет, — она решительно качает головой. — Просто... Я просто вспомнила кое-что, что он мне сказал. Он хотел опуститься... сказал, что обычно не делает этого, но для меня он сделает исключение.

Я мысленно считаю до десяти, стараясь сохранять спокойствие. Я не знаю, как правильно поступить. Я знаю, что ей нравится, когда мое лицо находится между ее бедер, но меньше всего мы оба хотим, чтобы она сейчас думала о своем потенциальном насильнике.

— Детка. Не чувствуй себя обязанной делать это. Делать что угодно. Я просто хочу, чтобы тебе было хорошо. Если тебе нужно время, я пойму.

Она мягко улыбается мне.

— Я знаю, что не обязана ничего делать, Кингстон. Не с тобой. Но я хочу этого. Если я позволю этому ублюдку разрушить то, что мне так нравится, он победит, а я не позволю этому случиться.

Жас поднимается по моему телу и проводит рукой по моим волосам, паря надо мной, расположив колено по обе стороны от моей головы. Она издает проклятие, когда я поднимаю голову с подушки и провожу языком по ее складочкам.

— Хорошо?

Жас кивает.

— Очень хорошо.

— Тогда опустишь, детка. Позволь мне съесть эту красивую киску. Позволь мне сделать тебе еще лучше.

— Боже, — стонет она, когда я провожу кончиком языка по ее клитору.

После нескольких неуверенных лизаний, чтобы убедиться, что она все еще согласна с этим, я поглощаю ее скользкую плоть, облизывая и посасывая, наслаждаясь каждым хныканьем и восклицанием, вырывающимся из ее рта. Я стону вместе с ней, когда ее сладкий оргазм взрывается на моем языке. Жас впивается когтями в изголовье кровати при каждом оргазме, выкрикивая мое имя снова и снова.

После того, как я заставляю ее кончить в четвертый раз, Жас, задыхаясь, падает на бок. — Больше нет... так хорошо... но слишком чувствительно.

Я использую полотенце, которое было вокруг моей руки, чтобы вытереть лицо. К счастью, кровотечение остановилось, но мои больные костяшки пальцев распухли до

чертиков.

Я переворачиваюсь и целую ее в бедро.

— Значит ли это, что ты закончила со мной на эту ночь?

Она тянет меня за плечи, побуждая двигаться вверх по ее телу.

— Нет, черт возьми. Просто больше никаких действий с любовной кнопкой.

— Любовная кнопка? — смеюсь я.

Жас дарит мне теплую улыбку, от которой у меня перехватывает дыхание.

— Войди в меня, Кингстон.

Я втягиваю ее сосок в рот и провожу языком по кончику, когда отстраняюсь.

— Как скажешь, моя королева.

— Королева? А что случилось с принцессой? — Жас задыхается, когда я уделяю внимание ее другому соску.

Я приподнимаюсь на руках, чтобы посмотреть ей прямо в глаза.

— Моя королева. Ничья больше.

— Ничья больше, — Жас прижимает обе стороны моей челюсти, повторяя мои слова. —

Никогда.

Я смотрю на нее в течение нескольких секунд, никто из нас не хочет заполнять тишину. Мы совершенно довольны, просто наслаждаясь близостью тела друг друга. Это чувство внутри меня, то, которое заставляет мою грудь расширяться, должно было стать моей первой подсказкой о том, насколько я боготворю эту девушку. Какой бы хреновой ни была моя жизнь, когда я вот так, с Жас, я искренне счастлив. Я живу ради этих маленьких украденных моментов.

— Я люблю тебя, — шепчет она.

Я ухмыляюсь.

— Конечно, любишь. Я такой хороший парень, чего же тут не любить?

Жас трясется от смеха, из ее глаз текут слезы.

— Ты не хороший парень. По крайней мере, большую часть времени, — она притягивает меня ближе и покусывает мочку уха. — Но ты мой. А теперь поцелуй меня.

Я стону ей в рот, погружаясь в ее влажное тепло. Бедро Жас следуют за моими, когда я выхожу почти до кончика, а затем снова погружаюсь в нее. Наш темп неторопливый, почти ленивый, но ни она, ни я не возражаем. Обычно я не являюсь поклонником миссионерской позиции, потому что это такая интимная поза — и, откровенно говоря, не такая веселая, как другие. Но сейчас я бы не хотел, чтобы она была другой. Чувствовать тело Жас вровень с моим, нашу потную кожу, трущуюся друг о друга при каждом движении. Наблюдать, как ее выразительные глаза говорят мне о том, какое удовольствие я ей доставляю. Как сильно она хочет меня. Как сильно она нуждается во мне.

Я не из тех, кто занимается любовью, но если бы мне нужно было дать этому ярлык, это было бы то, что нужно, без сомнения. Мой член и язык отдают все, что у меня есть, и принимают все, что она готова предложить взамен. Мои руки ласкают каждый сантиметр кожи, до которого я могу дотянуться, а ее руки делают то же самое с моим. Я никогда не был так настроен на кого-то, как в этот момент. Прямо за моей дверью может произойти бунт, а я, скорее всего, ничего не замечу. После того, как Жас в последний раз кончает, я увеличиваю темп настолько, чтобы достичь собственного освобождения. Моя голова прижимается к ее шее, когда я кончаю, и ни с того ни с сего на меня нисходит озарение.

Жас Ривьера — та самая. Единственная.

Я хочу, чтобы эта женщина родила моих детей. Я хочу, чтобы ее лицо было тем, что я вижу каждое утро, когда просыпаюсь, и каждый вечер, перед тем как заснуть. Я хочу смеяться вместе с ней, обнимать ее, когда она плачет, трахать ее, пока она не увидит звезды. Я хочу, чтобы мы состарились вместе и смотрели, как наши дети рожают своих детей. Некоторые люди, возможно, скажут, что я наивен, что восемнадцать лет — это слишком рано, чтобы понять, когда ты встретил человека, с которым собираешься провести остаток своей жизни, но я бы сказал этим людям, чтобы они шли нахуй. У меня нет никаких сомнений, она — это то, что мне нужно.

— Твою мать, — бормочу я.

— Я знаю, — говорит она. — Это было потрясающе. Я кончила.

Я вытаскиваю и использую одно из полотенец, чтобы помочь Жас привести себя в порядок. Когда мы закончили, она поворачивает свое тело к моему и целует меня прямо в сердце.

— Ты тоже для меня главное, Кингстон.

А?

Я на мгновение растерялся, пока не понял, что, должно быть, произнес эту фразу вслух. Я крепче прижимаю Жас к себе, глажу ее волосы, пока она прижимается ко мне. Когда ее дыхание начинает выравниваться, я тоже закрываю глаза, давая себе несколько мгновений, чтобы впитать все это, прежде чем сделать то, что должно быть сделано.

18. Жас

— Боже, я так жду завтрашнего дня.

— Я тоже. Не могу дождаться, когда увижу выражение лица Белль.

Я улыбаюсь.

— Она будет в экстазе. Я знаю, что уже говорила это раньше, но спасибо тебе огромное за то, что ты все это спланировал. Мы с мамой всегда старались отделить день рождения Белль от праздника, и я волновалась, что ее папа не сделает то же самое. Поскольку это ее первый день рождения без мамы, я хотела, чтобы он был особенным. Ты действительно сделал это, Кингстон. Я действительно не могу придумать ничего более идеального.

Кингстон обнимает меня.

— Я представляю, как трудно быть рождественским ребенком, особенно когда ты младше, и это праздник, который ты празднуешь. Легко потеряться в этой суматохе.

— Верно, — киваю я. — Вот почему у нас всегда была традиция отмечать праздник в сочельник, а в Рождество все было посвящено Белль.

— Я думаю, это отличная традиция, — он целует меня в макушку. — Я рад помочь сохранить ее.

— Как твоя рука? — я осторожно поднимаю его руку, чтобы осмотреть костяшки пальцев. — Выглядит немного лучше.

— Уже не так сильно болит, как раньше. Лед помог справиться с отеком. Не дай мне забыть вызвать кого-нибудь для ремонта плитки после того, как мы вернемся из Диснея.

— Не забуду, — качаю я головой, все еще немного шокированная тем, что он ударил стену вчера вечером. — Ты уже слышала что-нибудь от Джона?

— Эскалейд больше не в Виндзоре, но это все, что мы пока знаем.

Видимо, после того, как я заснула, Кингстон позвонил своему частному сыщику и рассказал ему обо всем, что произошло со мной прошлой ночью.

Я присаживаюсь на стоящий рядом табурет.

— И Джон не думает, что обращение в полицию поможет?

— Он считает, что пока лучше не вмешивать их в это дело, учитывая, что все было скрыто после первоначального нападения.

— Верно. Кто мог забыть об этом? — пробормотал я.

Кингстон задумчиво смотрит на меня.

— Так вот почему у тебя в сумочке был пистолет?

Черт.

Подожди... у меня в сумочке был пистолет?

Я свирепо смотрю на него.

— Почему ты рылся в моей сумочке?

— Я не *рылся* в твоей сумочке, — настаивает он. — Когда я нашел ее на парковке... Я открыл ее, чтобы проверить документы. Чтобы убедиться, что это не чья-то другая, похожая на твою. Где, блядь, ты вообще взяла незарегистрированный пистолет?

Я вижу момент, когда его осеняет.

— Шон. Он дал его тебе.

— Нет, он не давал мне пистолет. Я купила его у его друга.

— О, так намного лучше, — Кингстон бросает на меня язвительный взгляд. — Зачем он тебе вообще нужен?

— Как ты думаешь, почему, Кингстон? Я хочу чувствовать себя в безопасности.

— И ты думаешь, что пистолет это сделает?

— Это лучше, чем ничего, — пожимаю я плечами.

— Нет, если ты не знаешь, как из него стрелять, — возражает он. — Так... ты умеешь стрелять?

— Не совсем.

Он показывает на меня обвиняющим пальцем.

— И именно поэтому он остается закрытым в моем сейфе.

— Что? — кричу я. — Ты не можешь этого сделать!

Глаза Кингстона вспыхивают гневом.

— Смотри на меня.

— Это не тебе решать, Кингстон!

Он резко выдыхает.

— Послушай. Я полностью за право носить оружие. Если ты действительно хочешь иметь пистолет, потому что так ты чувствуешь себя в большей безопасности, то я не против. Но мы сделаем это правильно. Ты научишься безопасно обращаться с оружием, и оно будет у тебя зарегистрированным.

— Я не позволю тебе подвергать себя риску, нося с собой заряженное оружие, с которым ты не имеешь ни малейшего представления, что делать. Особенно незарегистрированное. Господи, если полицейский поймает тебя с этой штукой, тебе конец. Ты хоть представляешь, насколько строги законы об оружии в Калифорнии? Ты правда думаешь, что судимость — это хорошо, когда ты пытаешься получить опекунов? Да ладно, Жас. Ты умнее этого. Я не могу поверить, что этот ублюдок позволил тебе пройти через это.

— К твоему сведению, ему тоже не понравилась эта идея, но, в отличие от тебя, *он* позволил мне самой принять решение, потому что знает, что я уже большая девочка.

— Жас. Ты знаешь, что я прав. И ты знаешь, что я родом из хорошего места. Я не

говорю, что у тебя его не может быть. Я просто прошу тебя быть умнее. Я не хочу тебя потерять. Я не могу, блядь, потерять тебя.

Я стону, положив голову на барную стойку.

— Хорошо. Мы сделаем это по-твоему.

— Спасибо, — он целует меня в затылок. Когда его телефон зажужжал в кармане, он достал его и сказал: — Это Джон.

Я сажусь.

— Да? — Кингстон хмурится на то, что говорит частный детектив.

— Когда? — Теперь он проводит рукой по лицу.

— На Гейла пока ничего нет? — его ореховые глаза переходят на мои, пока он слушает Джона, становясь все более взволнованным. У меня такое чувство, что все, что Джон придумал на данный момент, не очень хорошо.

— Звучит неплохо. Держи меня в курсе.

— Что он сказал? — я засыпаю его вопросами, как только он кладет трубку. — Он нашел Лукаса?

Кингстон качает головой.

— Пока нет. Но Кристиан Тейлор был найден мертвым в своей комнате в общежитии сегодня утром. Они называют это самоубийством с помощью огнестрельного оружия.

Я задыхаюсь.

— Что?!

— Да. Полиция говорит, что все довольно просто. Кристиан оставил записку.

— Джон знает, что было в записке?

Он шумно сглотнул.

— Два слова: — Мне жаль.

— Мне жаль? — повторяю я. — За что?

— За участие в твоём нападении? Списывание на экзамене по математике? За то, что дал Пейтон пососать свой член? Кто знает?

— Вот дерьмо, — когда я поднимаю взгляд, у Кингстона на лице странное выражение. — Что это за взгляд? О чем ты думаешь?

Его губы поджаты.

— Я думаю, что самоубийство Кристиана могло быть подстроено.

— Кем?

— Кто-нибудь из крупных игроков? Но мой главный подозреваемый — мой отец.

Я хмурюсь.

— Почему ты так думаешь?

Кингстон достает из холодильника бутылку воды и делает глоток, прежде чем передать ее мне.

— Видео моего отца с Пейтон. Он сказал, что если комнатная собачка Пейтон — а все признаки указывают на то, что этой собакой был Лукас — снова нападет на тебя, он заплатит. Даже если Кристиан не напал на тебя прошлой ночью, он был активным участником плана Лукаса. Зная моего отца, он посчитает этот поступок личным оскорблением и отомстит всем участникам.

— Итак... если это правда... ты думаешь, Лукас следующий?

Кингстон кивает.

— Именно.

— Но... разве твой отец не в Мексике на Рождество?

— Так и есть. И он летел коммерческим рейсом, так что я знаю, что он действительно там, потому что Джон подтвердил это. Но он легко мог послать одного из своих головорезов от его имени, — Кингстон кивает головой в сторону окна. — Он был в центре Карибского моря, когда умерла моя мама, помнишь?

— Я помню, — я вздыхаю, глядя в окно на бассейн, где его маму нашли мертвой.

— И что теперь?

— Джон продолжит поиски Лукаса, а мы будем действовать дальше, как только узнаем больше. Он сказал, что передал все своему контакту в ФБР на случай, если мой отец виновен.

— В общем, мы ждем. Опять, — я снимаю галстук с запястья и убираю волосы в хвост. — Мы продолжаем вести себя нормально, как предложил Джон?

— Именно это мы и собираемся делать. Сегодня канун Рождества. Мы не позволим им испортить это или нашу поездку. Я предлагаю вернуться к тебе домой и забрать твою сумку, как мы и планировали, а потом вернуться сюда, чтобы устроить наш мини-праздник.

— Бентли все еще планирует приехать, несмотря на то, что Рид и Эйнсли в Орегоне?

— Он сказал, что будет здесь. Мы делаем это со средней школы. Эйнсли и Карисса начали эту традицию и каждый год придавали этому большое значение. Ужин, обмен подарками, рождественские фильмы, печенье... все дела. Мы с ребятами сначала просто потакали им, но со временем нам это стало нравиться. После смерти Риссы... Эйнсли настояла на том, чтобы продолжать в том же духе. Ей нужна была эта нормальность, и я думаю, Бент тоже в этом нуждается.

— Хорошо, что у вас, ребята, есть свой особый способ празднования.

Он обхватывает мои бедра ладонями и наклоняется, чтобы поцеловать меня.

— У нас есть свой особый способ праздновать. Ты теперь часть этого.

Я переплетаю пальцы за его шей и притягиваю его к себе для еще одного поцелуя.

— Хочешь пойти со мной в душ, прежде чем мы отправимся в путь?"

Кингстон сверкает зубастой улыбкой.

— Я определенно хочу пойти с тобой в душ.

— Ты уверена, что это все? — Кингстон держит мою дорожную сумку. — Нас не будет два с половиной дня.

— Эм... да. Это все. А что?

Он с улыбкой качает головой.

— Я просто привык, что женщины упаковывают гораздо больше вещей. У Эйнсли всегда как минимум один чемодан только для обуви. И она самая неприхотливая девушка из всех, кого я знаю, после тебя.

— Да, но Эйнсли действительно увлекается модой. Что хорошо для меня, я полагаю, поскольку я понятия не имею, что делать, когда мне нужно приодеться.

Кингстон хватает меня за затылок и притягивает к себе для поцелуя.

— Я думаю, ты себя недооцениваешь. Но если ты спросишь меня, тебе не нужно наряжаться.

— Это говорит мальчик, который всегда готов напасть на меня через несколько секунд после того, как увидит меня в наряде.

— Что я могу сказать? Мне нравится легкий доступ, — он неопределенно пожимает

плечами.

— Я уверена в этом, — смеюсь я. — Ну, думаю, нам пора...

Пронзительный крик пронзает воздух, прерывая ход моих мыслей.

— Какого черта? — Кингстон распахивает дверь моей спальни и выглядывает в коридор, откуда доносился шум.

Когда я смотрю через его плечо, я вижу Пейтон, сидящую у стены напротив открытой двери своей спальни. Она истерически плачет, подтянув колени к груди, раскачивается взад-вперед, бормоча что-то себе под нос.

— Что случилось?

Кингстон делает несколько шагов в ее сторону.

— Пейтон. Что происходит?

Ее водянистые глаза прищуриваются, когда она срывается.

— Это ты сделал? Это та расплата, о которой ты говорил?

Мисс Уильямс появляется на верхней площадке лестницы, на мгновение останавливаясь, чтобы перевести дух.

— Мисс Пейтон. Вы в порядке?

Пейтон разводит руками.

— Нет, я не в порядке! Почему я должна быть в порядке? Что это за больная шутка? Кингстон! Ты в ответе за это?!

Мисс Уильямс делает шаг вперед, когда Пейтон жестом показывает на свою спальню и заглядывает внутрь. Она становится белой как простыня и, спотыкаясь, отступает назад. — О, Боже. Я думаю... кто-нибудь вызовите полицию. Сейчас же.

Кингстон сокращает расстояние между моей спальней и спальней Пейтон и следует за мисс Уильямс. Как только его глаза цепляются за что-то, он тоже выглядит так, будто его вот-вот стошнит.

— О, черт. Это его.... Черт, это должно быть больно, — он делает шаг назад и поворачивает голову в сторону, морщась.

— Что должно быть больно? Что это за ужасный запах?

Кингстон пытается удержать меня, когда я подхожу к комнате Пейтон, но я протискиваюсь мимо него и мельком вижу. Я закрываю рот рукой, подавляя желчь от ужаса, который предстал передо мной. Посреди кровати Пейтон с балдахинном уже не пастельно-розового цвета лежит Лукас Гейл, голый, как в день своего рождения, с широко раскинутыми руками, прикованными наручниками к каждому столбику. Он лежит в луже крови, с застывшими от ужаса глазами. Я предполагаю, что это как-то связано с тем, фактом, что его гениталии больше не прикреплены к телу.

Окровавленный вялый пенис Лукаса торчит у него изо рта, как гризли, откусывающий голову лососю, удерживаемый странным кожаным кляпом, покрытым коркой засохшей рвоты. Я предполагаю, что это его отрезанные яички, разложенные на каждой из его повернутых вверх ладоней, окружающие простыни и стена забрызганы кровью. Если бы мне пришлось гадать, я бы сказала, что тот, кто это сделал, перерезал Лукасу горло после того, как изуродовал его тело. Это похоже на какое-то ритуальное жертвоприношение, но я знаю, что это не так. Вся эта жуткая сцена прекрасно поставлена для драматического эффекта. Это послание, простое и понятное — очень смелое, невероятно мрачное предупреждение владельцу этой спальни.

— Я... я пойду позвоню в полицию, — заикается мисс Уильямс. — Я-я сейчас вернусь.

— Нет, — гремит голос Чарльза. — Никто никуда не уйдет.

Я поворачиваюсь направо и вижу отца, наблюдающего за ситуацией тем же холодным, расчетливым взглядом, каким он все оценивает. *Когда он успел приехать?* Он спокойно достает свой мобильный из нагрудного кармана пиджака и нажимает кнопку, чтобы кому-то позвонить.

Через мгновение после того, как он прикладывает телефон к уху, он говорит: — У нас проблема. Мне нужно как можно скорее навести порядок в моем доме.

Головы Пейтон и мисс Уильямс поворачиваются в сторону моего отца. *Уборка? Что-то вроде уборки трупов?* Какого черта? Когда мои глаза переходят на Кингстона, он ничуть не выглядит удивленным.

— Да, особняк, и по крайней мере два, возможно, больше, — Чарльз делает паузу на мгновение. — Хорошо. Скоро увидимся, — Оон закрывает дверь Пейтон, заканчивая разговор, и окидывает каждого из нас ледяным взглядом. — Никто из вас не проронит ни слова об этом.

— Мистер Каллахан... Я знаю, что это не мое дело...

— Ты права, Дарлин. Это не твое место, — его челюсть подрагивает. — Есть ли другие сотрудники на территории?

— Нет, сэр. Вы дали им выходной, чтобы они провели праздник со своими семьями. Помните?

Чарльз кивает.

— Немедленно позвони им и скажи, чтобы они взяли отпуск на всю неделю с сохранением зарплаты. Это мой подарок им к празднику. Не говорите ни слова о том, что вы здесь видели, и не разговаривайте ни с кем другим, особенно с полицией. Идите прямо в мой кабинет и ждите дальнейших указаний, когда закончите.

— Д-да, сэр, — Мисс Уильямс опускает голову и несется вниз по лестнице, как будто ее задница горит.

Он переводит свой сердитый взгляд на Пейтон.

— Что, черт возьми, произошло?

— Я не знаю! — плачет Пейтон. — Я только что вернулась домой и застала его в таком состоянии!

— Ты только что вернулась домой? — Чарльз поднимает свои кустистые брови, бросая взгляд на циферблат своих Ролексов. — Сейчас почти два часа дня. Где ты была?

Она вытирает глаза и шмыгает носом.

— Мы с девочками устроили пижамную вечеринку в доме Уит.

Я фыркаю. Она точно не была с Уитни или Имоджен в ту же ночь, когда они узнали, что она трахалась с их парнями. И у меня есть подозрение, что она точно знает, кто сделал это с Лукасом.

Детские голубые глаза Пейтон быстро переходят на меня, но потом снова на Чарльза.

— Папа, что мы будем делать?

— Вы ничего не будете делать. Пусть с этим разбираются мужчины. Я не верю, что ты не облажаешься.

Ее глаза расширяются.

— Но, папочка.

— Ни слова, Пейтон! — кричит он. — Если я услышу от тебя хоть писк по этому поводу, поверь мне, последствия тебе не понравятся. А теперь иди в спальню для гостей и не

выходи, пока я не скажу.

— Но... — снова пытается она.

Он указывает пальцем в сторону гостевой комнаты.

— *Иди, Пейтон!*

Она снова разрыдалась и побежала выполнять его приказ.

Как только Пейтон оказывается за закрытой дверью, Чарльз обращается к Кингстону.

— Надеюсь, я могу рассчитывать на то, что вы будете действовать осмотрительно?

Кингстон кивает.

— Да, сэр. Конечно, — он поворачивается ко мне. — Возьми свою сумку, Жас.

— Что? — недоверчиво спрашиваю я. — Мы не можем просто...

— Закрой свой чертов рот и заberi свое дерьмо! — кричит он.

Глаза Кингстона расширяются, умоляя меня читать между строк.

Я стискиваю зубы.

— *Ладно.*

Я бросаю на него самый злобный взгляд, на который только способна, и топаю в свою комнату за вещами. Когда я возвращаюсь в коридор с сумкой через плечо, Кингстон и мой отец склоняют головы друг к другу, обмениваясь тихими словами. Они замолкают, когда замечают меня, и отстраняются друг от друга.

Мой отец поправляет свой галстук.

— Жасмин. Я так понимаю, что ты уезжаешь с сестрой на несколько дней. Счастливого пути.

— Правда? — я усмехаюсь, указывая рукой в сторону закрытой двери Пейтон. — Мы просто притворимся, что там нет расчлененного трупа?

— Жас, — рычит Кингстон. — Мне нужно преподать тебе еще один урок уважения?

Я пригвоздила его взглядом, который говорит: — *Продолжай в том же духе, дружище, и этот ублюдок там будет не единственным, кого кастрировали.*

Мудак ухмыляется в ответ.

— Неважно, — бормочу я. — Мои извинения за то, что была такой неуважительной сукой. Ты можешь наказать меня позже.

Мой отец хлопает Кингстона по спине.

— Я вижу, ты наконец-то смог научить Жасмин, как должна вести себя женщина в этом мире. Молодец, мой мальчик. Хотя, похоже, над ее языком еще нужно поработать, — он с вызовом приподнимает на меня брови, как будто провоцируя меня сказать что-то в ответ.

Кингстон издает отвратительно надменный смех.

— Я не чудотворец, Чарльз. Ты должен дать мне немного времени на это.

По тому, как громко смеется мой отец, можно подумать, что мой парень выступает в стенд-апе.

Думаю, Кингстон чувствует, что я вот-вот сорвусь, потому что он берет меня за локоть и направляет к лестнице.

— Пойдем. Тебе нужно многое искупить, прежде чем мы уедем утром.

Чарльз на это раздражается хохотом.

Как только мы оказываемся в машине, я набрасываюсь на него.

— Тебе повезло, что я так чертовски хорошо тебя понимаю, иначе ты бы получил быстрый удар по яйцам за то, что так со мной разговаривал! — я бью его по руке. — Придурок!

— Господи, — бормочет он, потирая место, которое я только что ударила. — Успокойся, блядь. Ты прекрасно знаешь, почему я это сделал.

— Ты мог бы предупредить меня заранее.

Кингстон выезжает с подъездной дорожки.

— Правда? Когда бы я мог это сделать? До или после того, как мы договорились скрыть убийство?

Я скрещиваю руки на груди.

— Я все еще злюсь на тебя.

— Ну, тогда мне просто придется вытрясти это из тебя, когда мы вернемся ко мне домой.

— Неважно.

Кингстон протягивает руку и сжимает мое бедро.

— Ты закончила дуться, и мы можем поговорить о том, что там произошло? Должен сказать, ты справилась со всем этим удивительно хорошо. Я ждал, что ты начнешь паниковать в любой момент.

Я отпихнула его руку, все еще раздраженная.

— Разве плохо, что я не чувствую себя расстроенной из-за этого? Типа, вообще? Я имею в виду, видеть его в таком состоянии было отвратительно, — вздрогнула я. — Но я воспринимала это со странной отстраненностью. Как будто... Я смотрела фильм или что-то в этом роде.

Он смотрит на меня краем глаза.

— Я вижу это. Как только я преодолел боль сочувствия, я почувствовал то же самое.

— Что Чарльз сказал тебе, когда я пошла за своими вещами?

— Он забирает Мэделин и Пейтон в их дом в Вейле до нового года, чтобы дать им время прийти в себя. Затем он предложил мне сделать то же самое с тобой, и тогда я рассказал ему о нашей поездке в Дисней, он добавил что-то вроде — не разочаруй меня, сынок, а затем поинтересовался, как я планирую держать твой рот на замке, если с тобой будет трудно.

— О, я бы с удовольствием послушал, как ты на это отреагировал.

Кингстон пожимает плечами.

— Я говорил неясно, но в основном подразумевал, что при необходимости накажу тебя для покорности.

Я усмехаюсь.

— Хотела бы я посмотреть, как ты попытаешься.

Он ухмыляется.

— Жесткий пас. Я предпочитаю, чтобы мои яйца были целы, спасибо большое.

— Вот мой вопрос. Как кто-то вообще смог затащить Лукаса в комнату Пейтона и не быть пойманным? Он же большой парень. И если Чарльз и мисс Уильямс были в доме, когда это произошло, как они могли этого не слышать? Лукас должен был кричать о кровавом убийстве. Буквально.

— Твое предположение так же верно, как и мое, но мой первый выбор — какой-нибудь быстроедействующий бензо— или паралитик. Кляп с кольцом помог бы справиться с шумом, особенно если они запихнули Лукасу в рот что-то еще, прежде чем скормить ему его собственный член.”

— Вау... это даже пугает, как быстро ты ответил на этот вопрос. И что ты знаешь, какой тип кляпа они использовали, — я потираю виски, пытаюсь понять, действительно ли меня

беспокоит или возбуждает девиантная сторона Кингстона. Думаю, и то, и другое. — Мне неприятно это говорить, но я чувствую облегчение от того, что он мертв. Я рад, что месть свершилась, Кингстон. Я чувствую себя немного обманутой, что не была свидетелем его страданий. Каким, черт возьми, человеком это меня делает? Я ничем не лучше плохих парней.

— К черту все, — рычит он, загоня машину в гараж и глуша двигатель. — Я больше никогда не хочу слышать от тебя подобных слов. Ты не похожа ни на одного из этих людей.

— Как ты можешь так говорить? — бросаю я вызов. — Я хотела, чтобы он умер. Я счастлива, что он мертв.

Кингстон берет меня за подбородок и поворачивает к себе.

— Твои чувства оправданы на сто процентов, Жас. Лукас Гейл жестоко избил, ударил ножом и пытался изнасиловать тебя. Он нападал на тебя несколько раз. Если бы кто-то не пришел и не увел его прошлой ночью, он бы, скорее всего, успел изнасиловать тебя. Не может быть, чтобы ты была его единственной жертвой.

— Я не сомневаюсь, что если бы Лукас был жив, от его рук пострадало бы больше женщин. Тот, кто ведет себя так без зазрения совести и с такой решимостью, — чертов психопат. Лукас напоминал мне наших отцов, поэтому он мне никогда не нравился. Знание того, что за маской скрывается человек, только доказывает, что мои инстинкты относительно него были верны.

— У тебя одно из самых больших сердец из всех, кого я когда-либо встречал, Жас. Ты никогда не должна сомневаться в том, кто ты есть, особенно из-за этой ситуации. Такие люди, как Лукас Гейл или наши отцы, не заслуживают твоего сочувствия.

— Возможно, ты прав, — вздохнула я. — Может быть, я просто приучена верить, что насилие — это плохо, несмотря ни на что.

— Никаких может быть, — Кингстон качает головой. — Эй, если ничего другого не остается, считай, что у нас стало на одну проблему меньше. Счастливого нам Рождества.

Уголки моих губ приподнимаются.

— Счастливого гребаного, Рождества нам.

19. Кингстон

— Счастливого Рождества, малышка, — Бентли обнимает Жас, когда заходит в домик у бассейна.

Мои глаза сужаются, когда его руки скользят слишком близко к ее идеальной попке в форме сердца.

— Следи за руками, придурок.

Бент смеется.

— Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

— Конечно, не имеешь. Клянусь Богом, он специально делает это дерьмо, чтобы поиздеваться надо меня.

— Бентли, перестань настраивать его против себя, — упрекает Жас.

Видимо, я не единственный, кто понял, что Фицджеральд — говнюк.

— Все в порядке, детка, — говорю я. — Чем больше Бентли нажимает на мои кнопки, тем больше у меня будет возможности попозже поиздеваться над твоей задницей.

Жас бьет Бентли по груди тыльной стороной ладони.

— Теперь ты действительно должен остановиться. Кингстону не нужен дополнительный стимул, чтобы вернуться к своей неандертальской сущности.

— Ладно, ладно, — мой тупоголовый друг поднимает руки вверх. — Я буду вести себя хорошо.

— Посмотрим, как долго это продлится, — ворчу я.

Бентли откидывается на спинку дивана.

— Когда привезут еду? Я умираю с голоду.

Жас берет поднос с печеньем, который мы прихватили с ее работы, и ставит его на кофейный столик. Мы планировали сделать что-нибудь самим — знаю, как по-домашнему это для нас, но случилась вся эта история с похищением, и мы заскочили в кафе.

— Поешьте. Это не должно занять слишком много времени.

— Ты — лучшая, Жасси, — Бентли берет печенье в форме чулка и целиком запихивает его в рот. — Это восхи-титель-но, — крошки выпадают изо рта, пока он говорит.

— Мерзость, Бент, — Жас качает головой, снимая его ноги со стола. — Ты не мог подождать, чтобы сказать это, пока не закончишь жевать?

— Нет, — говорит он, продолжая жевать, крошки печенья все еще вылетают у него изо рта.

Я показываю на него.

— Ты пропылесосишь это дерьмо перед уходом.

Бент переводит взгляд с Жас на меня, пока оттряхивает свою рубашку.

— Боже, когда вы двое успели стать такой старой супружеской парой?

Жас смеется, но я не нахожу юмора в его высказывании, потому что не вижу в этом ничего плохого.

Раздается стук в дверь, я открываю, беру еду и даю курьеру чаевые.

— Спасибо, чувак.

Его глаза загораются, когда он видит Бенджамин в своей ладони.

— О, вау. Огромное спасибо. Счастливого Рождества.

— Тебе тоже, — киваю я.

Жас и Бентли присоединяются ко мне у стойки, пока я расставляю все картонные коробки.

— Эйнсли обделалась бы, если бы узнала, что мы сейчас едим китайскую еду на вынос, — Бентли берет контейнер и начинает вываливать его содержимое на тарелку. — Мило! Апельсиновый цыпленок для победы!

— Почему? — Жас нахмурилась. — Что плохого в китайской еде?

Господи Иисусе, неужели я только что подумал, что хмурое лицо моей девушки было очаровательным? Я проверяю, на месте ли мои яйца. Жас бросает на меня странный взгляд, но не спрашивает, почему я хватаюсь за свои причиндалы через джинсы.

— С китайской кухней все в порядке, — уверяю я ее. — Это потрясающе, и будь наша воля, мы бы заказывали ее каждый год.

— Так в чем проблема?

Бентли смеется.

— Потому что Эйнсли настаивает на том, чтобы мы ели окорок и все остальные закуски в канун Рождества — то место, где она заказывает, просто бомба, но это не китайская кухня.

— А вы когда-нибудь пробовали приготовить еду?

Мы с Бентли оба смеемся.

Я обнимаю Жас за плечи и притягиваю ее к себе.

— Эээ... нет.

— Почему нет?

Бентли указывает на меня.

— Потому что твой мальчик — единственный из нас, кто не сожжет кастрюлю с водой, и он ни за что на свете не станет тратить часы на приготовление еды, которую съедят за считанные минуты.

— Я умею готовить, — предлагает Жас. — У меня тоже неплохо получается. Я каждый год помогала маме с обедом на День благодарения и Рождество.

— Дэвенпорт, тебе лучше одеть кольцо, пока это дерьмо не вылезло наружу. Если чуваки узнают, что кто-то, кто выглядит так же хорошо, как она, умеет готовить, тебе крышка.

Я отмахиваюсь от него.

— Очень смешно.

Хотя... идея с кольцом не так уж плоха.

Черт. Я в полной заднице.

Жас потянулась через меня, чтобы взять пару палочек для еды.

— Ладно, если вы, два идиота, закончили, давайте приступим.

Я беру пальцем петлю на ее поясе и целую ее в губы.

— Я люблю тебя.

Она улыбается.

— Я тоже тебя люблю.

Я чувствую, как взгляд Бентли, прожигает мое лицо, пока я наблюдаю, как Жас несет свою тарелку в гостиную и садится.

— Что? — говорю я достаточно низким голосом, чтобы его не было слышно за телевизором.

— Ничего, — отвечает он, подстраиваясь под мой голос. — Просто не знал, что вы двое теперь свободно бросаете любовные бомбы.

Я приподнимаю бровь.

— Не знал, что мне нужно твое разрешение.

Бентли отмахивается от меня.

— Отвали, чувак. Тебе не нужно быть мудаком. Я просто высказал свое наблюдение.

Мы смотрим друг на друга несколько мгновений. С той ночи между нами тремя Бент ни разу не переступил черту дозволенного. Во всяком случае, только если он намеренно не давит на меня. Я знаю, что он отошел от любой мысли сделать Жас своей девушкой, и я искренне думаю, что он знает, что неправильно истолковал свои чувства к ней. Так почему же все эта история с «я люблю тебя», так много значит для него?

— Почему тебя это волнует?

— Потому что ты мой приятель, а Жас — моя девочка, — Бент закатывает глаза, когда я смотрю на него. — Я не это имел в виду, и ты это знаешь. Я рад за тебя, чувак. За вас обоих.

Бентли протягивает кулак, и я ударяю по нему левой рукой. И точно так же напряжение исчезает.

— Ты расскажешь мне, что у тебя с другой рукой? Что я пропустил за последние двадцать четыре часа?

— Чувак, ты многое пропустил. Я расскажу тебе после того, как мы поедем.

— О, черт, у меня такое чувство, что это будет какая-то история.

Я смеюсь.

— Да, что-то вроде этого.

— Ребята, вы идете? — Жас окликает через плечо. — У меня тут — Крепкий орешек готов к просмотру.

У Бентли отпадает челюсть.

— Секундочку... мы посмотрим Крепкий орешек?

Жас озабоченно вскидывает брови.

— Все в порядке, не так ли? Кингстон сказал мне выбрать рождественский фильм.

Губы Бента подрагивают.

— И ты думаешь, что Крепкий орешек — это рождественский фильм?

— Э... да, — говорит она. — Это вроде как рождественский фильм.

Он поворачивается ко мне.

— Чувак, если бы я был на твоём месте, я бы был в гребанойм Тиффани, как только они откроются.

— Ладно, малыш, мы на месте.

— Сейчас я сниму повязку с глаз, — добавляет Жас.

Жас настояла на том, чтобы закрыть глаза своей сестре сразу после того, как мы съехали с трассы I-5 в Анахайм, чтобы сохранить сюрприз как можно дольше. Жас помогает Белль снять повязку, как раз когда мы останавливаемся перед вывеской Диснейленда.

— Смотри, милая!

Белль несколько раз моргает после снятия повязки и смотрит туда, куда указывает Жас. Ее темно-шоколадные глаза расширяются, а лицо расплывается в ухмылке, когда она понимает, где мы находимся.

— *Диснейленд?! —* кричит она. — Это мой подарок на день рождения?

Жас смеется, когда Белль визжит.

— Ага. У нас целых два дня и ночь, чтобы все посмотреть! Тебе нравится?

— Мне нравится!

Я смотрю в зеркало заднего вида и вижу, как Белль практически вибрирует в своём сиденье, пока я еду по дороге в поисках места. К счастью, мы приехали достаточно рано, и мне не требуется много времени, чтобы найти его.

— Что ты хочешь сделать в первую очередь? — спрашиваю я.

— Принцессы! — кричит Белль. — Я хочу *увидеть всех принцесс!*

Я поворачиваюсь на своём месте.

— Хорошо, принцессы, так и есть. Но прежде чем мы это сделаем, мы должны получить твой специальный значок в честь дня рождения, чтобы все знали, что тебе уже восемь лет. Мы не можем допустить, чтобы они думали, что ты *все еще маленькая семилетка*.

Белль качает головой.

— Ни за что. Я уже намного больше.

Полные слезами глаза Жас встречаются с моими.

— Спасибо, — одними губами произносит она.

Я киваю, делая глубокий вдох, когда она улыбается. Черт, она прекрасна.

Мы втроем идем ко входу и ждем своей очереди у ворот. Как только мы оказываемся

внутри парка, Жас настаивает на том, чтобы сделать кучу фотографий перед железнодорожным вокзалом, восхищаясь тем, как здорово, что у цветочного Микки Мауса есть шапка Санты. После этого мы останавливаемся у мэрии, чтобы получить булавку Белль на день рождения, а затем наблюдаем, как светлеет ее лицо, когда первый встречный сотрудник называет ее по имени и поздравляет с днем рождения.

После проверки расписания у нас есть час, чтобы убить время до начала всех встреч с принцессами, поэтому я тащу девочек в Страну фантазий, чтобы купить им необходимые ушки Микки.

— Кингстон, нет, мне они не нужны, — настаивает Жас, когда я говорю ей выбрать шляпку. — Ты уже столько всего сделал.

Я толкаю ее в плечо своим.

— Ты не можешь приехать в Диснейленд и не получить набор ушей Микки с твоим именем. Все это знают Жас.

Белль показывает на розовую шапочку принцессы с крошечной короной между ушами.

— Да, Жас. Все это знают.

Жас смеется, доставая шляпу с полки.

— Ладно, ладно. Похоже, я получу комплект ушей Микки.

Надев новые шляпы, мы делаем еще одну серию снимков, на этот раз перед статуей Уолта. Жас настаивает на селфи со мной, и прямо перед тем, как я нажимаю на кнопку, обе девочки целуют каждую мою щеку.

Жвас улыбается, когда видит, как хорошо получилась фотография.

— Это моя новая заставка.

Моя тоже.

Она пересылает фотографию на свой телефон, и мы отправляемся на встречу с принцессами. Весь день наполнен визгом Белль и бесчисленными улыбками от Жас, а я просто впитываю все это. Ну, за исключением того момента, когда Жас пыталась удержать свой обед в чайных чашках. За эти годы у нас с Эйнсли было несколько нянь, которые возили нас в Дисней, но я не могу припомнить, чтобы мне когда-нибудь было так весело, как сейчас. Такое ощущение, что я впервые вижу все это глазами ребенка. Мы заканчиваем вечер перед замком Спящей красавицы, наблюдая за фейерверком. Белль засыпает у меня на руках примерно на середине представления, полностью погрузившись в сон.

— Как она могла проспать все это? — ошеломленно спрашиваю я Жас.

Она смеется.

— Дети, чувак. Они вырубаются где угодно. Когда их маленькие тела готовы, то и они готовы.

Джаз переплетает свою руку с моей и кладет голову мне на плечо, пока мы смотрим финал. Когда пиротехника озаряет небо, слишком легко забыть о том, что нас ждет дома. Это, прямо сейчас... Я мог бы остаться в этом моменте навсегда.

20. Жас

— Ты самый милый, самый заботливый человек на свете, — я осыпаю поцелуями челюсть Кингстона. — Спасибо тебе за такие идеальные выходные.

Он рычит, когда мои зубы смыкаются на мочке его уха.

— Черт, мне нужно быть внутри тебя. Два дня сдерживания подряд убивает меня.

Я отстраняюсь с улыбкой.

— Тем больше причин для того, чтобы сегодня вечером мы стали еще грязнее.

Глаза Кингстона светятся от возбуждения.

— Насколько грязнее?

Я иду назад, снимая по пути свою одежду. Когда мы доходим до спальни Кингстона, я остаюсь в одних стрингах, поэтому я поворачиваюсь и хватаюсь за край матраса, наклоняясь. Я смотрю через плечо и вижу, как его взгляд, пропитанный похотью, пожирает каждый сантиметр моей кожи.

Я медленно стягиваю с себя трусики и отбрасываю их в сторону.

— Ты собираешься стоять и пялиться всю ночь?

— Блядь, — Кингстон кусает костяшки пальцев. — Я не знаю, с чего начать.

Я покачиваю задницей.

— Это наводит тебя на мысль?

В одну секунду он оказывается в пяти футах от меня, а в следующую большие руки Кингстона вдавливают меня в матрас, раздвигая мои ягодицы. Я визжу, когда чувствую его язык там, куда раньше не проникал ни один язык.

— Таааааак хорошо, — мои стоны приглушены одеялом, но не должно быть никаких сомнений в том, насколько мне это нравится, судя по тому, с каким энтузиазмом я толкаюсь в него.

Кингстон высовывает свой язык и крутит по кругу, в то время как он вводит палец в мою киску, двигая им туда-сюда. Он делает это до тех пор, пока я не чувствую, что вот-вот сгорю, затем он внезапно отстраняется и переворачивается на спину, упираясь ногами в пол, а его верхняя часть тела лежит на матрасе между моими раздвинутыми бедрами. Он проводит своим талантливым языком по моим складочкам, в то время как палец, который только что был внутри меня, перемещается к моей попе. Палец Кингстона прижимается к маленькому бутону, в то время как он обхватывает губами мой клитор и тянет. Перед самым моим падением он вводит палец в мою задницу, двигая им туда-сюда, пока я скачу по его лицу во время оргазма. Я напрягаюсь, когда он добавляет второй палец, заставляя кожу гореть.

— Расслабься, детка, — воркует он. — Я собираюсь сделать так, чтобы тебе было чертовски хорошо.

Я дышу сквозь щемящее чувство, и, конечно, как только я расслабляю мышцы, мне больше не больно. Давление, конечно, есть, и это непривычное ощущение, когда ты так полна, но это не неприятно. Кингстон продолжает растягивать мою тугую дырочку, пока он лижет мою киску, пока я не начинаю кричать еще от двух оргазмов. Я превращаюсь в бесформенную грудку, когда он убирает пальцы и открывает ящик своей тумбочки, доставая маленький флакончик со смазкой и бросая его на матрас.

— Ты уверена в этом?

Я томно выгибаю спину.

— Уверена. Хотя, не беспокойся, если я не смогу двигаться. Мне кажется, ты только что превратил меня в желе.

Он улыбается.

— Не волнуйся, детка, просто лежи здесь и позволь мне позаботиться о тебе.

Кингстону требуется всего несколько секунд, чтобы раздеться, прежде чем он становится на колени на кровати, берет меня за шею и толкается в меня.

Я стону.

— Обычно ты гораздо лучше целишься.

Кингстон начинает смеяться, но его заглушает стон.

— Мне просто нужно сначала почувствовать, как твоя киска обхватывает меня. Ты жалуешься?

Я качаю головой, насколько позволяет его хватка.

— Нет, черт возьми.

Он скользит другой рукой под мой торс и накрывает мою правую грудь.

— Хорошо. Потому что я не думаю, что смогу остановиться прямо сейчас.

— Тогда не надо, — я впиваюсь когтями в одеяло, когда он усиливает угол наклона.

Я не уверена, как долго мы занимаемся этим, но к тому времени, когда Кингстон отстраняется, мы оба мокрые от пота, а одеяло сброшено с кровати. Я дрожу, когда его язык скользит вниз по моей спине. Когда он добирается до моей задницы, он кусает каждую мою ягодицу и встает с кровати.

Я оглядываюсь через плечо.

— Что ты делаешь?

Кингстон наклоняется, открывая мне прекрасный вид на свою задницу, отчего мне хочется ответить ему укусом в ответ. Когда он встает, в руках у него бутылочка со смазкой, которую он достал ранее.

— Ты столкнула это с кровати, когда размахивала руками, как у одного из этих надувных людей с трубкой.

У меня отвисает челюсть.

— Мои руки не размахивались, как у надувного человечка с трубкой!

Его губы изгибаются.

— Конечно, детка. Как скажешь.

Я смотрю, как Кингстон открывает крышку бутылки и выливает щедрое количество на свою ладонь. Он сжимает в кулаке свою эрекцию, скользя рукой вверх-вниз, пока полностью не смажет. Я задерживаю дыхание, когда он опускается коленями на матрас и прижимает разгоряченную головку к моим сверхчувствительным нервам.

Кингстон скользит рукой по моей спине, когда я напрягаюсь.

— Дыши, Жас. Если это будет слишком сильно, просто скажи, и я остановлюсь.

— Двигайся, Кингстон.

Он просовывает руку, которая была на моей спине, под меня, медленно потирая круги по моему клитору.

— Потри свой клитор для меня, детка. Вот так.

Я стону, заменяя его, работая с комком нервов до тех пор, пока не чувствую, как из меня сочится влага. Кингстон понимает намек, когда я возвращаюсь к его члену, и медленно входит в мою задницу, ругаясь под нос, чем дальше он входит. Я задыхаюсь, когда он доходит до следующего барьера, чувствуя себя невероятно полной, но я не говорю ему остановиться. Кингстон был прав; если я просто сосредоточусь на дыхании, давление будет, но не будет настоящей боли. Его грудь прижимается к моей спине, когда он, наконец, замирает, что позволяет мне предположить, что он достиг дна.

Кингстон осыпает мягкими поцелуями мою шею, пока я привыкаю к его длине.

— Ты в порядке? Самое трудное позади.

— Да, я в порядке.

Сначала он медленно входит и выходит короткими толчками, заставляя меня

привыкнуть к чужому ощущению. Когда удары Кингстона становятся длиннее и быстрее, он вводит два пальца в мою киску, двигая ими в такт своему члену. Его пальцы и член трутся друг о друга через тонкий участок кожи, разделяющий их, наполняя мое тело неопишным блаженством. Это так много, что я почти чувствую, что нахожусь вне тела.

Не успеваю опомниться, как кончаю сильнее, чем когда-либо в своей жизни. Кингстон быстро следует за мной, выкрикивая непристойности, пока он катается на волнах своего освобождения. Когда он отстраняется, он обхватывает меня рукой, притягивая к себе на верхнюю часть кровати. Когда наши головы ударяются о подушки, мы оказываемся сплетенными, потными конечностями.

— Боже, я чертовски люблю тебя, — грудь Кингстона вздымается, когда он пытается выровнять дыхание.

Я кусаю его за подбородок, за что получаю щипок за бок.

— То же самое.

Его губы складываются в сонную улыбку, когда он убирает мокрые волосы с моих глаз. — Ты чувствуешь себя хорошо?

— Более чем хорошо, — я провожу пальцем по длине его брови, вниз к линии челюсти.

Рука Кингстона блуждает по моему телу, и он усмехается, когда натывается на струйки жидкости, вытекающие из меня.

— Нам, наверное, стоит принять душ. И сменить простыни.

Я зарываюсь лицом в его шею, ухмыляясь.

— Возможно. Но для этого придется встать, а я не думаю, что сейчас это для меня вариант. Сначала вздремнем, потом приведем себя в порядок.

— Хороший план, — он утыкается лицом в мою шею, прижимая меня к своей груди. Растущая эрекция, упирающаяся мне в живот, липкая от смазки и наших совместных жидкостей, что должно было бы показаться мне отвратительным, но я этого не делаю. — Добавь второй раунд в повестку дня, и мы договоримся.

Я обхватываю ногой бедро Кингстона, позволяя ему войти в меня.

— Договорились.

Солнце едва взошло, когда я открыла глаза. Я потягиваюсь, все тело болит от наших с Кингстоном сексуальных приключений прошлой ночью, включая мою задницу. Особенно мою задницу. Хотя во время акта это не было больно, прямо сейчас мое тело определенно протестует. Надеюсь, как и в первый раз, когда я лишилась девственности, со временем это пройдет, потому что я действительно не хочу, чтобы это было одноразово. Кто бы мог подумать, что заниматься анальным сексом может быть так весело?

Дыхание Кингстона глубокое и ровное, что говорит о том, что он все еще крепко спит. Я улыбаюсь, когда думаю об идеальном способе разбудить его. Я осторожно высвобождаюсь из его объятий и опускаюсь на середину кровати. Я провожу языком по длинной вене, идущей вдоль нижней части члена Кингстона. Мы принимали душ прямо перед тем, как отключиться на ночь, поэтому его соленая кожа все еще слабо пахнет гелем для тела, которое я так люблю.

Кингстон стонет, когда я беру его в рот.

— Ну, и тебе доброе утро.

Я мурлычу вокруг его объема, заставляя его ругаться.

Кингстон собирает мои волосы набок и наблюдает сквозь полуприкрытые веки за тем,

как моя голова покачивается вверх-вниз. Я отсасываю ему так, как ему нравится: много языка, немного зубов и много отсоса, пока он не наматывает мои волосы на кулак, крепко притягивая к себе, пока не кончает мне в рот. Когда я убеждаюсь, что получила все до последней капли, я отпускаю его с хлопком и глотаю. Я с улыбкой опускаюсь на колени и вытираю каплю с уголка рта.

— Я бы хотела попросить об одном и том же звонке для пробуждения, когда мы будем жить вместе.

— Что?! — фыркаю я. — Я пропустила ту часть, где ты просил меня переехать к тебе?

Уголки рта Кингстона приподнимаются.

— Я должен притворяться, что это необходимо?

— И когда именно должна произойти эта история с переездом?

— В идеале, на следующий день после того, как мы сдадим наших отцов.

У меня отвисает челюсть.

— Ты что, забываешь о том незначительном факте, что мы все еще учимся в средней школе?

Он смеется.

— Ты забываешь, что мы оба совершеннолетние, и у меня более чем достаточно денег, чтобы заплатить за это?

— Не в этом дело, Кингстон, — я бросаю на него язвительный взгляд.

— Может, и нет, — уступает он. — Но нам нужно будет куда-то уехать после того, как федералы конфискуют их активы. Чарльз и мой отец довольно ловко прячут свои деньги, но оба особняка записаны на их имена по отдельности, так что это будет одним из первых, что захватят федералы.

Я на мгновение ошарашено уставилась на него. Не знаю, почему мысль о том, что это может произойти, никогда не приходила мне в голову.

— Значит, мы сразу же станем бездомными?

— Я уверен, что они дадут нам немного времени, чтобы выбраться, но я пытаюсь подготовиться, пока это не стало проблемой, — Кингстон сдвигает наши тела так, что теперь он нависает надо мной. — У меня есть риэлтор, который следит за новыми объявлениями. Подумай об этом. Мы можем снять жилье на пляже, если ты хочешь. У Белль будет своя комната, и она сможет украсить ее по своему усмотрению. У Эйнсли тоже, если она не переедет к Риду или не уедет в школу. Мы и так практически все время вместе. Что в этом такого?

— Большая проблема в том, что совместный переезд — это довольно серьезное обязательство.

— И? — Кингстон приподнял брови. — Ты пытаешься сказать мне, что не собираешься оставаться здесь?

— Нам по восемнадцать, Кингстон.

Он наклоняется и посасывает кожу в месте соприкосновения моей шеи с плечом.

— Мы с тобой оба знаем, что нас заставили рано повзрослеть. Возраст — это всего лишь цифра.

Я задыхаюсь, когда его губы смыкаются вокруг моего соска.

— Я не знаю... тут есть о чем подумать.

Язык Кингстона проникает в мой пупок, а затем осыпает поцелуями вершину моих бедер.

— Я слышал, что мне нужно приложить гораздо больше усилий, чтобы убедить тебя.

Я вижу, когда он одним долгим движением облизывает меня снизу доверху.

— О, да? И как ты собираешься это сделать?

— Я бы сказал, что это чертовски хорошее начало, не так ли? — он обводит мой клитор языком, прежде чем пососать мою разгоряченную плоть.

Моя спина прогибается.

— Это отличное начало.

21. Жас

— Итак... что Рид думает о своем рождественском подарке?

Щеки Эйнсли становятся ярко-красными.

— Он был моим большим фанатом. Большим, большим, фанатом.

Я смеюсь.

— А ты?

— Можно сказать, что я определенно в восторге от этой идеи, — Эйнсли жеманно улыбается, прежде чем вскинуть руки вверх. — Я не понимаю, почему Блэр может так легко простить Нейта, но не Серену. Я не понимаю девушек, которые думают, что герой не может поступить плохо.

Я смотрю на экран и вижу, как брюнетка с повязкой на голове о чем-то жалуется. Снова. Мы посмотрели две серии, и я должна сказать, что пока что я не слишком впечатлена. По сути, это похоже на виндзорскую версию Верхнего Ист-Сайда.

— Да, я тоже.

— Ты получила этот кулон на Рождество? Кажется, я не видела, чтобы ты носила его раньше.

Я прикасаюсь пальцем к тонкой серебряной цепочке на шее.

— Да, Кингстон подарил его мне.

Эйнсли поднимает кулон с его места над моей ключицей.

— Он красивый.

— Я согласна.

Я опускаю тот момент, что в него встроен GPS-трекер, так что мне больше никогда не придется беспокоиться о том, что я могу быть разлучена со своим телефоном.

— Когда начинаются твои уроки вождения?

— Сразу после Нового года.

— Ты нервничаешь?

Я киваю.

— Скорее взволнована, чем нервничаю. Я уже водил машину раньше — Шон разрешал мне практиковаться на его машине поздно ночью на парковке Walmart. Я чувствую себя комфортно с управлением и прочим. Только не все, что касается выезда на дорогу с другими машинами и избегания опасностей.

Эйнсли смеется.

— Ну, это вроде как самая важная часть.

— Отсюда и уроки вождения, — невозмутимо отвечаю я.

Она берет пульт и ставит шоу на паузу, когда ребята возвращаются после игры в мяч. Кингстон кладет баскетбольный мяч у двери и идет прямо к холодильнику, беря три бутылки Powerade.

— Ребята, вам было весело? — спрашивает Эйнсли.

Кингстон выпивает половину бутылки одним залпом.

— Мы всегда так делаем.

— О, Сплетница! — Бентли плюхается между мной и Эйнсли на диван. — Включи воспроизведение, Эйнс.

Рид и Кингстон закатывают глаза, а у меня рот открывается от шока.

— Тебе нравится это шоу?

— О, да! А что может не нравиться? В нем куча горячих цыпочек. И все всегда трахаются с кем-то, с кем не должны трахаться. Кто не оценит немного пикантной драмы?

Бентли смотрит на меня как на идиотку.

Я приподнимаю руку.

— Я. Я могу прожить без этого всю оставшуюся жизнь.

— Скуч-но, — напевает Бентли. — По крайней мере, в художественной литературе. Хотя, никогда не следует недооценивать силу хорошего ненавистного траха. Мужик, это лучшее.

Изумрудные глаза Кингстона загораются весельем. *Полагаю, мы знакомы с этим понятием, — говорят они.*

Вполне знакомы, — отвечают мои глаза.

Эйнсли наклоняется и обнюхивает потного парня рядом с собой.

— Бент, от тебя воняет. Иди прими душ.

Бентли засовывает нос в одну из подмышек.

— Бывало и хуже.

Я корчу гримасу.

— Вы все воняете. Здесь пахнет, как в раздевалке для мальчиков.

Глаза Кингстона сужаются.

— Откуда тебе знать, чем пахнет раздевалка для мальчиков?

Я высовываю язык.

— Разве тебе не хотелось бы бы знать?

— Учитывая, что это точно было не со мной... нет. Нет, я бы не хотел знать.

Остальные трое смеются, а я качаю головой.

— Я иду в свою ванную, — Кингстон указывает на Рида и Бентли. — Вы, засранцы можете занять одну в главном доме.

— Отлично, — ворчит Бентли, хватая спортивную сумку, которую он принес с собой. — Вам повезло, что у меня хватило предусмотрительности взять с собой сменную одежду. Хотя, у меня никогда не было никаких жалоб на то, что я хожу в чем мать родила, — подмигивает он.

Кингстон снимает свою потную рубашку и бросает ее на голову Бентли.

— Убирайся отсюда и приведи себя в порядок, придурок. Чем быстрее ты это сделаешь, тем быстрее мы все сможем поесть.

Я абсолютно не рассматриваю рельефный пресс Кингстона и не представляю, как провожу языком по каждому бугорку.

Кингстон указывает на уголок своего рта, пока идет в спальню.

— Детка, у тебя тут немного слюней.

Я отмахиваюсь от него.

— Укуси меня.

Он скрежещет зубами.

— В любое время, в любом месте, милая.

Эйнсли спрыгивает с дивана.

— Я тоже пойду быстро переоденусь.

Рид усмехается, заметив огромное пятно на ее рубашке.

— Что ты сделала?

Эйнсли сморщила свой носик.

— Жас рассмешил меня, когда я делала глоток газировки. Пепси вытекло у меня из носа и заляпало всю рубашку.

Теперь он смеется во весь голос.

— Сексуально. Мне жаль, что я это пропустил.

— О, заткнись, — она выходит вслед за Бентли, но останавливается на пороге, когда замечает, что Рид не идет за ней. — Ты идешь?

— Подожди секунду, — Рид и Эйнсли обмениваются напряженным взглядом.

Она кивает, похоже, уловив то, что он беззвучно бросил.

— Просто поднимись ко мне в комнату, когда закончишь.

Я вопросительно смотрю на Рида, когда мы остаемся одни.

— В чем дело?

Он занимает место на диване рядом со мной, нервно потирая затылок.

— Эйнсли сказала мне, что она рассказала тебе о моих... эээ... предпочтениях.

— О. Эм... хорошо. И?

— Я хотел сказать спасибо за вашу осторожность. И за то, что побудили ее поговорить со мной. Я чувствую себя намного лучше по поводу всего этого.

Я пренебрежительно машу рукой.

— Ничего страшного, Рид. Правда. Ты делаешь ее такой счастливой, и это все, что меня волнует. Я просто рада, что ты теперь в это веришь.

Он прочищает горло.

— Есть еще кое-что.

Я приподнимаю брови.

— Да?

— Я... э... хотел извиниться за всю эту историю с видео. Той ночью в домике у бассейна Донована. Я записал его не потому, что был извращенцем или хотел слить его. Я сделал это для Кингстона.

Я нахмурилась.

— Зачем? Чтобы он мог слить это?

Рид качает головой.

— Нет. Чтобы он увидел то, что мы все видели с самого начала. Что ты другая. Что он другой, когда он с тобой. Но у Кингстона была миссия оттолкнуть тебя так быстро и так сильно, как только возможно, потому что ты все усложнила. Я хотел, чтобы у него была причина не делать этого. Увидев своими глазами, как он смотрит на тебя, как вы оба так странно синхронизируетесь друг с другом, даже когда вы думали, что ненавидите друг друга. Я не хотел, чтобы он упустил то, что, возможно, было лучшим, что когда-либо случилось с ним.

Я мягко улыбаюсь и сжимаю его руку.

— Ты хороший друг, Рид.

— Как и ты, Жас, — он грустно улыбается мне. — Когда Карисса умерла... Эйнсли

была в смятении. Ее столько раз обжигали девушки, притворявшиеся ее подругами, но на самом деле они просто использовали ее, чтобы сблизиться с одним из парней или со мной. Но Карисса была не такой. Она была всем, чем должна быть лучшая подруга, единственной девушкой в мире, которая по-настоящему понимала Эйнсли. Которая не хотела от нее ничего, кроме дружбы. Их даже связывал балет. Когда Эйнсли потеряла Риссу, она была опустошена. Это убивало меня, когда я видел, как она ломалась. И хотя со временем ей стало лучше, я не понимал, как сильно она все еще страдает, пока она не встретила тебя.

Я качнула головой в сторону.

— Что ты имеешь в виду?

— Она стала выше. Улыбалась шире. Я не знаю... просто она была более живой, чем за два года до этого. Ты сделала это, хотел ты этого или нет.

Я вытираю уголки глаз.

— Черт. Ты заставляешь меня плакать.

— Здесь все в порядке?

Я подпрыгиваю, пораженная голосом Кингстона. Я даже не слышала, как выключился душ.

Рид встает и направляется к двери.

— Я пойду приберусь. Скоро вернусь.

Я киваю.

— Хорошо.

— Почему ты плачешь? — Кингстон поднимает меня с дивана и заключает в объятия. — Мне нужно надрать задницу Риду?

Я наполовину смеюсь, наполовину рыдаю ему в грудь

— Нет. Рид потрясающий. Мы просто немного поговорили по душам о твоей сестре, — я вытираю глаза, глядя на него. — Он действительно любит ее. Ты ведь знаешь это, правда?

Кингстон убирает несколько прядей волос с моего лица.

— Да, я знаю.

— Она будет в порядке, когда все, что связано с твоим отцом всплывет наружу?

— К сожалению, я не думаю, что она будет удивлена, — его адамово яблоко подрагивает. — Но да, это ее заденет. Возможно, сильно. Она вечная оптимистка, чтобы это не случилось.

— По крайней мере, ты знаешь, что она в хороших руках с Ридом. Верно?

Он кивает.

— Я не могу придумать никого лучше, кто мог бы быть рядом с ней.

Я улыбаюсь, прислонившись головой к его груди.

— Я тоже.

22. Жас

— Кингстон, возможно, ты захочешь взглянуть на это, — предлагает Рид. — Мэдлин только что вошла в корпоративный офис твоего отца.

Мы с Кингстоном присоединяемся к Риду за барной стойкой и смотрим запись моей злой мачехи, стоящей перед столом Престона.

— Разве она не должна быть в Колорадо? — спрашиваю я.

— Чарльз сказал, что они пробудут там до нового года, — хмурится Кингстон.

— Наверное, он решил вернуться домой пораньше. Чувак, перемотай немного назад и сделай громче.

Мы наблюдаем, как Мэдлин входит в его кабинет и закрывает за собой дверь.

— Вот это сюрприз, — говорит Престон, откидываясь в кресле. — Я не ожидал, что ты вернешься, по крайней мере, еще несколько дней.

Мэдлин хмурится.

— Мне бы не хотелось разочаровывать тебя, Престон, но планы меняются, когда ты узнаешь, что твой любовник трахает твою дочь!

— Вот дерьмо, — в унисон говорим Кингстон, Рид и я.

Отец Кингстона снисходительно смеется.

— Ревнуешь?

— Вряд ли, — усмехается Мэдлин. — С чего бы мне ревновать к собственному ребенку?

— С чего бы? — брови Престона приподнимаются. — О, я не знаю... может быть, потому что она на двадцать лет моложе, ее сиськи и задница чертовски упругие, и она обрабатывает мой член лучше, чем ты когда-либо? Молодые всегда так хотят угодить. Может, нам стоит позвать сюда Пейтон, чтобы она дала тебе несколько советов?

— Как ты смеешь! — рычит Мэдлин.

— Черт, это было жестоко, — замечаю я, полностью поглощенная драмой. Похоже, на прошлой неделе я соврала Бентли, что это не мое дело.

Престон смотрит на свои идеально ухоженные ногти.

— На твоём месте я бы очень тщательно подбирал слова. Этот разговор уже действует мне на нервы. Итак, я полагаю, что у тебя есть причина, из-за которой ты вернулась в город раньше времени? Не хочешь ли поделиться со мной, что это за причина?

Она скрещивает руки на своей пышной груди.

— Я приехала, чтобы договориться об отправке вещей Пейтон за границу.

— И зачем тебе это нужно?

— Потому что она собирается закончить среднюю школу в прекрасной французской школе-интернате. Пока мы тут разговариваем, она летит туда.

— Что?! — Кингстон и я кричим в унисон.

Престон сжимает пальцы.

— И зачем, скажите на милость, ей понадобилось так быстро покидать страну?

— У нее не было выбора, если только она не хотела быть зарезанной! — кричит Мэдлин. — После того, как моему мужу пришлось убрать то маленькое сообщение, которое вы ей оставили, она рассказала нам все. Как вы двое договорились о наследстве, как она наняла тех двух мертвых мальчиков, чтобы напасть на Жасмин, как ты помогал скрывать это. Как ты *принуждал* ее.

Он смеется.

— О, Мэдлин, не притворяйся, что Пейтон не разделяет твою любимую форму валюты. Как ты думаешь, от кого она этому научилась? Я ни к чему не принуждал твою дочь. Она была согласна и временами с большим энтузиазмом участвовала.

— По закону штата Калифорния она не может дать согласие, пока ей не исполнится восемнадцать.

— Насколько я знаю, ей восемнадцать.

Мэдлин прищуривает глаза.

— Пейтон сказала, что ты пользовался ею с тех пор, как она и Кингстон расстались в первый раз. Тогда она была еще несовершеннолетней.

— Правда? И где ее доказательства этого? Это горькое слово маленькой девочки против

моего, и я говорю, что мы начали трахаться только после ее последнего дня рождения. Теперь, что касается твоего другого обвинения, я понятия не имею, о каком сообщении ты говоришь, но если бы знал, я бы сказал, что Пейтон, вероятно, должна отнестись к нему серьезно, и что если кому-то нужно преподать ей урок, Франция недостаточно далеко, чтобы защитить ее.

Она выпрямляется.

— Чарльз чрезвычайно недоволен тем, что вы нарушили свое соглашение. *Дочери под запретом*. Тебе бы понравилось, если бы он соблазнил Эйнсли?

Рид и Кингстон сжимают кулаки так сильно, что костяшки пальцев белеют.

Бурный смех мистера Дэвенпорта настолько громкий, что Риду приходится убавить громкость.

— Во-первых, технически Пейтон не имеет с ним кровного родства. Во-вторых, моя дочь не оппортунистическая шлюха, как твоя. У Чарльза не было бы ни единого шанса в аду.

Лицо Мэдлин так покраснело, что можно было подумать, что она только что пробежала марафон.

— А как насчет Жасмин?

— Что насчет нее?

— Пейтон сказала, что ты одержим этим куском мусора, — Мэдлин закатывает глаза так далеко назад, что, клянусь, она должна была опрокинуться. — Точно так же, как вы с Чарльзом были одержимы ее никчемной матерью.

— Сучка-золотоискательница, — бормочу я. — Еще раз так заговоришь о моей маме, и я покажу тебе, какой дрянной я могу быть.

Кингстон кладет руки мне на плечи.

— Единственное, чем я одержим, — это получить эти десять миллиардов долларов. Черт, на данный момент, если мне придется жениться на Пейтон и самому заделать ей ребенка, я так и сделаю. Мой последний развод будет завершен достаточно скоро.

— Ты, конечно же, не сделаешь этого! — кричит Мэделин. — Душеприказчик наследства Пьера никогда не поверит, что Пейтон выйдет за тебя по любви. Ты достаточно стар, чтобы годиться ей в дедушки.

Престон склоняет голову набок.

— И? Напомни мне еще раз, какая разница в возрасте была между вами с отцом Пейтон? О, точно. Почти пятьдесят лет.

Мэделин насмехается.

— Никто не верил, что я вышла замуж за Пьера по любви, меньше всего он. Ему просто нравилось, как я сосала его вялый, сморщенный, старый член. Слава Богу, что есть виагра, иначе я могла бы никогда не забеременеть.

Я давлюсь.

— Ну, вот и наглядное пособие, которое мне так и не понадобилось.

— Видимо, ему это не очень понравилось, раз он не оставил тебе ни цента, — невозмутимо говорит Престон.

Мэдлин протягивает руку и бьет отца Кингстона прямо по лицу. Не успеваю я моргнуть, как он тащит ее по поверхности из красного дерева за шею и швыряет на пол. Другая рука Престона обхватывает горло Мэдлин и сжимает его. Ее глаза выкатываются из орбит, она цепляется в его пальцы, пытаюсь оторвать их.

Я зажимаю рот рукой.

— О, черт.

Кингстон начинает дергать себя за кончики волос, а Рид сидит в шоке. Я думаю, что сейчас мы можем стать свидетелями убийства.

— Слушай меня, тупая пизда, — слюна вылетает изо рта Престона, пока он продолжает высасывать из нее жизнь. Глаза Мэдлин закрываются. Кажется, она близка к потере сознания. — Если ты еще хоть раз попытаешься сделать что-то подобное, или сделаешь что-нибудь, чтобы встать у меня на пути, *я уничтожу тебя*. Все ясно? Потому что если нет, то я просто покончу с этим прямо сейчас.

Мэдлин слабо кивает. Она хрипит и хватает воздух, когда Престон отпускает ее.

— О, ну теперь посмотри, что ты сделала, — укоряет Престон, поглаживая свою эрекцию через брюки.

Я быстро отворачиваюсь.

— Я не могу на это смотреть.

Из динамиков доносится раздражающий звук, и я слышу смешок Престона.

— Я знал, что тебе это понравится, маленькая шлюшка.

— Что он делает? — спрашиваю я.

Кингстон прочищает горло, издавая влажные, всасывающие звуки.

— Ты, наверное, можешь догадаться. Но ей определенно нравится.

Мэдлин вскрикивает, но ее голос слабый и хриплый. Мгновение спустя не остается никаких сомнений в том, что происходит на видео. Эти звуки шлепков по коже и соответствующие им вздохи и стоны невозможно спутать. Кингстон и Рид оба отворачиваются, очевидно, не в силах больше смотреть, но никто из нас не делает движения, чтобы нажать кнопку паузы.

— Ты такая жадная маленькая шлюха. Настоящая больная сука, ты знаешь это? Я мог бы просто убить тебя, а из твоей киски течет, — еще вздох. — Спорим, ты бы получила удовольствие, наблюдая за тем, как новые девочки проходят подготовку. Когда они кричат, плачут и умоляют о пощаде. Тебе бы это понравилось, не так ли? — Теперь раздаются женские стоны. — Да, я так и думал. Может быть, я зайду на следующей неделе для осмотра и возьму тебя с собой. Тебе бы это понравилось? Ты бы хотели побывать на складе, посмотреть, как этих девушек берут против их воли снова и снова, снова и снова? Смотреть, как их избивают, морят голодом и накачивают наркотиками каждый раз, когда они сопротивляются? — теперь ее стоны стали еще громче. — Ты бы стала?

— Да! — прохрипела она. — Да! Я хочу видеть все это! Я хочу, чтобы мы трахались, наблюдая, как им причиняют боль!

Престон усмехается.

— Ах, Мэдлин, как жаль, что ты лживая, изменяющая шлюха. Я думаю, мы могли бы быть родственными душами.

— Это гребное золото, — пробормотал Кингстон сквозь вздохи и стоны. — Он уличает себя направо и налево. У Рэйфа будет день открытых дверей.

— Больные убудки, — я вытираю слезы с глаз, но они не перестают идти. — Они получают удовольствие от мысли, что пытаются беспомощных, невинных девочек.

Рид тянется назад и нажимает на кнопку — стоп.

— Думаю, мы услышали достаточно.

— Согласен, — Кингстон достает свой телефон и открывает текстовое окно.

— Рид, какая временная метка?

— Сегодня. 14:24.

— Понял, — кивает Кингстон. — Я только что отправил информацию Джону, чтобы он переслал ее в ФБР.

— И что теперь?

Рид поднимает руку.

— Я голосую за то, чтобы отправиться к Бенту и напиться так, чтобы отбелились наши мозги.

Кингстон протягивает руку к ноутбуку.

— После этого, я думаю, это отличный способ встретить новый год.

Согласна.

— Пять... четыре... три... два... один... С Новым годом!

Когда мяч падает на 85-дюймовом телевизоре Бентли, Кингстон прижимает ладонь к моему затылку и притягивает к себе для поцелуя.

Когда он отстраняется, он прижимается лбом к моему лбу.

— С Новым годом.

Я улыбаюсь.

— С Новым годом.

Мы все пятеро решили не придавать этому празднику особого значения, учитывая все, что происходило. Ну, четверо из пятерых, учитывая, что Эйнсли не знает истинной причины нашего стремления к отшельничеству. Она подумала, что ребята пошутили, когда впервые сказали, что хотят отдохнуть сегодня вечером, потому что, по словам Эйнсли, несколько ребят из Виндзора каждый год устраивают грандиозные вечеринки, но она не стала с ними спорить. Она просто пожалала плечами и перешла к другой теме. Я думаю, это потому, что все, кого мы хотели бы увидеть, уже в этой комнате. Ну, кроме сестры Рида или моей, конечно.

— Будем надеяться, что этот год будет значительно менее хреновым.

— Да, это было бы хорошо, — смеюсь я, обнимая его руками за шею. — Хотя все было не так уж плохо.

Его большие руки обхватывают мое лицо.

— Переезжай ко мне. По-настоящему.

Я ищу его глаза.

— Кингстон, мы уже проходили через это. Я думала...

— Я нашел дом, — прерывает он. — В Малибу. Он чертовски идеален, Жас. Я знаю, тебе понравится. Я не хочу упустить шанс купить его.

— Кинг...

— С Новым годом, малышка, — Бентли обнимает меня и целует в макушку. — И тебя, брат.

Кингстон кивает.

— То же самое.

Бентли переводит взгляд с одного на другого.

— Я чему-то помешал?

— Я просто говорил Жас, что нашел дом, — Кингстон смотрит на меня, но обращается ко всей комнате. — Ребята, хотите пойти посмотреть его утром?

— Да, черт возьми, я хочу посмотреть, — Бентли протягивает кулак.

— Я тоже, — в унисон говорят Эйнсли и Рид.

— Это такое замечательное место, — Эйнсли чокается своим бокалом с шампанским о мой. — Не могу дождаться, чтобы увидеть его лично.

Я приподнимаю брови.

— Ты знала, что Кингстон искал дом?

— Конечно, я знала, что он ищет, — Эйнсли постукивает себя по виску. — Слияние разума близнецов, помнишь?

— Или, знаешь, я переслал объявление тебе, — добавляет Кингстон.

Эйнс смеется.

— И это тоже.

Я протягиваю ладонь в ответном движении.

— Ну что? Давайте посмотрим на этот якобы идеальный дом.

Кингстон секунду возится со своим телефоном, прежде чем вложить его мне в руку.

Моя челюсть отвисает.

— О, вау. Ты не говорил, что он находится прямо на пляже!

Если этот дом хотя бы наполовину так красив, как выглядит на фотографиях, я понимаю, почему Кингстон так сильно хочет его приобрести. Интерьер просторный, светлый, с окнами от пола до потолка и огромной террасой с видом на океан. В передней части есть очаровательный дворик с мозаичными ступеньками с изображениями дельфинов, черепах и других морских обитателей. Есть даже большая беседка, увитая золотистой бугенвиллеей, которая добавляет идеальную цветовую гамму.

В этом месте нет ничего холодного и стерильного, как в отцовском особняке. Здесь по-домашнему уютно и по-пляжному, и он не такой большой, как я ожидала. В объявлении указано, что площадь чуть больше трех тысяч квадратных футов, но это только делает его еще более идеальным. Это доказывает, что мой парень имел меня в виду, когда искал дом. Он знал, что мне никогда не будет комфортно в особняке с излишней отделкой.

Кингстон улыбается.

— Я же говорил тебе. Идеально. И здесь четыре спальни. Достаточно места для нас, Белль и Эйнс, сколько она захочет.

— Вау, это довольно мило, — замечает Бентли через плечо. — Отлично, Дэвенпорт.

— И что? — Кингстон поднимает брови. — Хочешь пойти посмотреть на это утром?

— Да, — я ухмыляюсь. — Правда, хочу.

23. Кингстон

— Вы слышали, что Кристиан Тейлор застрелился на зимних каникулах? — спрашивает Эйнсли. — Я имею в виду, ты можешь в это поверить? А Лукас Гейл просто взял и исчез. Ходят слухи, что Лукас бросил Пейтон и сбежал с наследницей. Пейтон якобы была так расстроена, что умоляла родителей отправить ее в школу-интернат. Лично я думаю, что это потому, что бывшие подружки Пейтон списали ее со счетов, и она знала, что будет изгоем в обществе. Уитни и Имоджен суетились вокруг, вели себя как королевы пчел, чтобы все знали, какая Пейтон предательница. В школе только об этом и говорили. Какой сумасшедший первый день после возвращения.

Рид смеется.

— Стоп, Эйнс. Переведи дух.

Эйнсли отмахивается от него, прежде чем переключить внимание на Жас. — Ты знаешь, почему Пейтон вдруг отправилась в школу-интернат? Например, арендодатели тебе

что-нибудь говорили?

Жас пожимает плечами.

— Эм... Я знаю, что она где-то во Франции. Но я не знаю, почему. Я живу здесь, поэтому не видела ни Чарльза, ни Мэдлин с Рождества. Но я думаю, что твоя теория хороша.

Черт. Мне нужно поскорее поговорить с Эйнсли. Я знаю, что Жас и Рид с трудом скрывают от нее происходящее. Плюс, мне нужно подготовить сестру к тому, что ФБР сделает свой ход. Я скрывал это от нее, потому что она не сможет солгать, чтобы спасти свою жизнь, но я не хочу, чтобы она была полностью слепа. Может быть, я расскажу ей, когда мы переедем на новое место и она не будет сталкиваться с нашим отцом.

Жас оставалась со мной каждую ночь после инцидента с Лукасом. Она даже не спорила, когда я предложил — ладно, может быть, потребовала — это. Мы вернулись один раз, чтобы забрать ее вещи, и с тех пор не возвращались.

— Когда день переезда, приятель? — Бентли откусывает огромный кусок пиццы.

— Чуть больше чем через три недели.

Брови Бентли сходятся вместе.

— Почему так долго? Я думал, ты смог получить наличные из своего фонда.

— Господи, чувак. Неужели так трудно подождать, пока ты не закончишь жевать?

Он жует еще пару раз, прежде чем проглотить. —

Отлично. Зачем так долго? Так лучше?

Я пожимаю плечами.

— Людям, у которых я его купил, нужно было время, чтобы упаковать вещи, поэтому я согласился сдать его им в аренду на месяц.

Эйнсли трясет Джазз за плечо, чтобы привлечь ее внимание.

— Ты рада, Жас?

Жас улыбается, когда ее глаза цвета мокко находят мои. Я не знаю, смогу ли я когда-нибудь привыкнуть к этому ощущению. Когда она так смотрит на меня, как будто она действительно счастлива — и я несу за это ответственность — я чувствую себя самым счастливым ублюдком на земле.

Она кивает.

— Белль тоже. Она считает, что это очень круто, что у нее есть своя комната, хотя она и не живет с нами. Надеюсь, когда-нибудь в ближайшем будущем это изменится. Кингстон собирается заказать эту прекрасную кровать для принцессы и сделать ей сюрприз.

Кто бы мог подумать, что я буду покупать всякую хрень для маленьких девочек? Я рад, что Жас, наконец-то смягчилась и разрешила мне тратить на нее деньги. Конечно, она не позволяет мне перебарщивать, как мне бы хотелось, но она становится лучше в принятии подарков. Особенно когда в них участвует ее сестра. Мне выпал шанс влюбиться в женщину, которая не интересуется моим состоянием. Подумаешь.

Я притягиваю свою упрямую девочку к себе и целую ее в висок.

Эйнсли прижимает раскрытую ладонь к груди.

— О, это так мило. Посмотрите на вас двоих — одомашненные и живущие вместе. Не могу дождаться, когда мы станем соседями по комнате!

Я бросаю на нее испепеляющий взгляд.

— Это не сильно отличается от того, что есть сейчас. Жас итак каждый день со мной, а ты здесь бываешь по крайней мере в два раза чаще, чем в главном доме.

— Верно, — она сурово тычет в нас пальцем. — Но я бы хотела установить правило:

никакого секса на диване. Или где-нибудь на открытом месте. Я не хочу случайно застать вас двоих за этим.

— Если подумать, может, тебе стоит обзавестись своей собственной квартирой, — говорю я.

— Хаха, забавный парень, — моя сестра зевает. — Итак, когда ты собираешься заказать мою красивую кровать для принцессы?

Я усмехаюсь.

— Если ты хочешь кровать для принцессы, обломись. У тебя куча денег, чтобы купить свое собственное дерьмо.

— Да, но гораздо веселее, когда кто-то другой покупает мне всякое дерьмо, — Эйнсли встает и протягивает руку Риду. — И на этой ноте я ухожу. Мадам Рошель была жестока сегодня. Я побеждена. Ты идешь, Рид?

— Если ты не против, — отвечает Рид.

Эйнсли закатывает глаза.

— Да уж...

Рид поднимает руку, когда они выходят за дверь.

— До скорого, ребята.

— До скорого, — в унисон говорят Жас, Бентли и я.

— Думаю, что и мне пора уходить, — Бентли поднимается с дивана и направляется к двери. — Я позволю вам, малыши, приступить к полезной части вашего вечера. Веселитесь! Не делайте ничего такого, что сделал бы я.

Жас смеется.

— Спокойной ночи, Бент.

— Спокойной ночи, малышка, — он подмигивает, прежде чем послать воздушный поцелуй. — Сладких снов, сладкие губки.

Я отмахиваюсь от него в ответ.

Когда мы наконец-то остаемся вдвоем, я обхватываю руками спину Жас и притягиваю ее к себе. — Не хочешь начать заниматься полезными делами? У меня есть шахматы, или sudoku, или — Монополия, или...

— Заткнись и поцелуй меня, придурок.

Я делаю преувеличенный вздох.

— Полагаю, мы можем сделать и это. Если придется.

— О, да. Тебе определенно придется, — она взмахнула воображаемым хлыстом. — Приступай к работе, приятель.

Без всякого предупреждения я приседаю и перебрасываю ее через плечо. Сильно шлепнув ее по заднице, я говорю: — Ты заплатишь за это, милая.

Из перевернутого положения Жас тянется к моим ногам и теребит мой член.

— Рассчитываю на это.

Эта девушка.

— Ты не поверишь, как нам повезло, — я практически вижу, как Джон ехидно ухмыляется.

— Даже лучше, чем видео моего отца с Мэдлин?

— Возможно, у нас есть кадры, чтобы привлечь Каллахана, — он прочищает горло.

— И еще один информатор, который готов дать показания в обмен на

неприкосновенность. ФБР уже близко к тому, чтобы сделать шаг.

— Вот дерьмо, — я беру напиток из холодильника и сажусь на диван. — Какие кадры, и кто информатор?

— О, ничего особенного. Просто Чарльз Каллахан убивает одного из своих сотрудников. Что касается информатора, то это не кто иной, как миссис Каллахан.

Вода брызгает во все стороны, когда я давлюсь глотком, который делал.

— Объясни. Начни с сотрудника.

— В канун Рождества, вскоре после того, как было найдено тело Лукаса Гейла, Каллахан был пойман на камеру, когда вводил иглу в тело Дарлин Уильямс. Уильямс сидела перед столом Каллахана, когда он подошел сзади и воткнул иглу ей в шею. Она упала в кресло и почти сразу потеряла сознание.

Я потираю рукой челюсть.

— Откуда ты знаешь, что она действительно мертва?

— Потому что некоторое время спустя Каллахан вернулся с двумя приспешниками. Чарльз приложил палец к ее запястью и сказал: — Пульса нет. Затем тайнственные люди свернули ее, используя большой кусок пластика и клейкую ленту — которые у них были наготове — и утащили прочь.

— Твою мать. Что они сделали с ее телом?

— Без понятия, — говорит Джон.

— Как она пропала две недели назад, и никто не спрашивал о ее местонахождении?”

— Как получилось, что она считалась пропавшей в течение двух недель, и никто не спрашивал об ее местонахождении?

— Она жила в доме Каллаханов, и у нее не было ближайших родственников. Кто бы стал беспокоиться?

— Другой работник особняка?

— Каллахан мог легко сказать им, что она уволилась или ее уволили.

— Она работала на него, сколько я себя помню, и эта женщина редко брала выходной.

Вот тебе и преданность, да?

— Думаю, Чарльз не хотел рисковать, скрывая убийство.

— Что там с Мэдлин?

— Миссис Каллахан посещает один и тот же класс горячей йоги три раза в неделю. После того, как федералы просмотрели запись, которую мы им прислали, они поняли, что это идеальное время, чтобы подойти к ней, и сделали это после ее последнего занятия. Как только миссис Каллахан узнала, что ФБР планирует обвинить ее как соучастницу, если она не будет сотрудничать, женщина не смогла выдать свои секреты достаточно быстро. Мэдлин попала прямо к ним в руки, разыграв карту жертвы. Она сказала им, что сделает все возможное, чтобы спастись от этих тиранических монстров.

Я усмехаюсь.

— Верно. Эта женщина не узнает невинности, даже если та ударит ее по лицу.

— Согласен, и ее куратор прекрасно об этом знает. Но Мэдлин дала им сведения, которые мы пытались собрать годами, включая местонахождение склада, о котором говорил твой отец. Если все подтвердится, у федералов будет то, что им нужно, чтобы двигаться дальше.

— Что она им сказала?

— Она подтвердила то, что мы знали о высококлассной сети проституток твоего отца и

о том, что Чарльз шантажирует чиновников, хотя она утверждает, что не знает никаких подробностей о последнем. Но самое главное, она подтвердила, что оба патриарха занимаются торговлей молодыми девушками, в основном из Мексики и стран Карибского бассейна. Именно оттуда приходят большие деньги, особенно после того, как они объединились с картелем. Их деятельность стала настолько хорошо отлаженной машиной, что Каллахан и твой отец стали играть более пассивную роль в повседневной жизни.

— Откуда Мэдлин так много знает? Я бы не подумал, что они доверили бы ей такую секретную информацию.

— Федералы задали тот же вопрос, и тогда она потребовала неприкосновенности, прежде чем дать им что-то еще.

— Почему?

Джон прочищает горло.

— Потому что, очевидно, Мэдлин активно помогала им вербовать молодых женщин в течение многих лет.

— О, черт, — бормочу я. — Почему это не удивляет меня? Что нам теперь делать?

— Пока держись в стороне. Мэдлин дала им адрес старого склада в Ван Найс. Она утверждает, что была там на прошлой неделе и что группа из примерно дюжины молодых девушек в настоящее время проходит подготовку. Федералы собираются проверить, подтвердится ли это, и мы будем знать, куда двигаться дальше.

— Это нормально, что ФБР делится таким количеством информации с подрядчиком?

— Вовсе нет, — Джон прочистил горло. — Но Рэйф знает, что чем больше у нас будет информации, тем сильнее мы сможем помочь, и он доверяет мне решать, чем следует делиться, а чем нет. Для него выгода перевешивает любые возможные последствия в этой ситуации. Скажем так, ты не единственный, кто лично заинтересован в этом.

Хм.

— Значит, ты скоро мне перезвонишь?

— Я скоро свяжусь с тобой, — подтверждает Джон.

24. Жас

— Ты отлично справляешься, Жасмин. Когда загорится зеленый свет, выезжай вперед, поднимись по пандусу, ведущему на северный съезд.

Краем глаза я бросаю взгляд на Эвана, моего инструктора по вождению.

— Но это же выезд на автостраду!

— Вот именно. Я думаю, ты доказала, что можешь достаточно хорошо справляться с закрытыми улицами. Давай посмотрим, насколько хорошо у тебя получится влиться в поток машин на шоссе.

Ладно, поехали.

Я включаю сигнал и выезжаю на правую полосу, ведущую на трассу.

— Хорошо, — говорит Эван. — Теперь держи педаль газа и убедитесь, что ты проверила свою слепую зону перед тем, как повернуть налево.

Клянусь, мой пульс бьется со скоростью мили в минуту, но мне удается следовать его указаниям, не задев чью-то боковую панель. Конечно, шоссе переполнено; это же Лос-Анджелес, в конце концов.

— И что теперь?

Я вижу, как он возится со своим телефоном.

— О... э... это хорошо. Просто оставайся на этой полосе и следите за скоростью. Будь

начеку, если машины перед тобой внезапно затормозят. Мы проедем вниз несколько миль, а потом свернем на обочину.

— Хорошо.

Я периодически проверяю зеркала заднего вида и боковые зеркала, но в основном концентрируюсь на дороге впереди. Я слегка нажимаю на тормоза, из-за чего Эван несколько раз дергается вперед на своем сиденье, но он слишком занят игрой на своем телефоне, чтобы жаловаться по этому поводу. Что, черт возьми, происходит с этим парнем? Несколько раз, когда мы встречались, он был очень внимательным и отзывчивым. Сегодня он выглядит рассеянным.

Мой инструктор указывает на зеленый знак впереди.

— Через одну милю сверни на этот съезд и держитесь правее. Мы поменяемся, и я отвезу нас обратно.

— Что? Почему? Разве я не справляюсь?

— У тебя все отлично, Жасмин, — Эван снова проводит пальцами по экрану телефона, пока наконец не убирает его в карман куртки. — Движение становится довольно плотным, поэтому я хочу взять управление на себя.

— О. Хорошо.

Что ж, это неприятно, но, думаю, я его понимаю. Даже если автострада в Лос-Анджелесе забита машинами, люди все равно мчатся по асфальту с такой скоростью, будто они проходят пробы для нового фильма — Форсаж. Я успешно возвращаюсь на закрытые улицы, ни во что не врезавшись, и следую указаниям Эвана через промышленный район. Здесь почти нет движения — полагаю, это потому, что сегодня суббота и близлежащие предприятия не работают по выходным.

— Поезжай вперед и прижмись к обочине.

Я направляю машину к бордюру и умудряюсь припарковаться менее чем в футе от него, что на самом деле довольно впечатляюще для меня. По какой-то причине я не могу определить расстояние между шинами и бордюром. Даже не начинайте рассказывать мне о параллельной парковке.

— Хорошая работа, Жасмин. Давай, оставь ключи в замке зажигания и выйди из машины.

Я отстегиваю ремень безопасности и выхожу из машины. Я пробираюсь к пассажирской стороне, где Эван стоит на коленях на тротуаре, завязывая шнурки.

— Извини, дай мне секунду, чтобы завязать, и мы уйдем отсюда.

— Без проблем.

Я поднимаю ручку двери и уже собираюсь распахнуть ее, когда чувствую острый укол на шее.

Я хлопаю рукой по этому месту.

— Что за черт?

Неужели меня только что ужалила пчела? Я оборачиваюсь, и тут я вижу, как мой инструктор по вождению бросает шприц на землю.

— Мне очень жаль, Жасмин, но это нужно было сделать.

— Что нужно было... — я отступаю назад, когда волна головокружения накрывает меня. — Вау.

Святое дерьмо, он только что накачал меня наркотиками? Последнее, что я вижу перед тем, как потерять сознание, это Эван, идущий на меня с веревкой в руках.

Первое, что я замечаю, это покачивание — ритмичное, подпрыгивающее движение. Затем появляется жгучая боль в руках. Я пытаюсь пошевелиться, но мои запястья связаны над головой.

Что, черт возьми, происходит?

Я лежу на чем-то мягком. Кажется, на матрасе. Я шевелю пальцами и обнаруживаю, что мои руки связаны мягкой веревкой. На ощупь она почти как атлас, но плотный. Я пытаюсь подтянуться, но бесполезно. Эти шулки никуда не денутся. Тот, кто их связал, знает, как завязать крепкий узел. Страшная тревога охватывает меня, когда я вспоминаю, как попала в это затруднительное положение. Мой инструктор по вождению явно чем-то накачал меня, но зачем? Черт побери! Как я все время попадаю в такие ситуации?

Соберись, Жас. Ладно, сделай глубокий вдох и сосредоточься. Попытайся понять, где ты находишься. Черт, бесполезно. Я ни хрена не вижу. Глаза открыты, но здесь крошечная тьма. Жужжание двигателя вызывает устойчивую вибрацию вокруг меня. Когда мой мозг связывает это с покачиванием, до меня наконец доходит.

Я нахожусь на лодке.

— Черт, — бормочу я про себя.

— Не волнуйся, Жасмин. Для этого еще будет достаточно времени, — мурлычет глубокий голос. — Скорее рано, чем поздно, ведь мы уже почти готовы отплыть.

Я судорожно вглядываюсь в темноту. Мои глаза, должно быть, адаптируются, потому что я вижу мужской силуэт в том месте, откуда доносился этот высокомерный голос.

— Ты.

Я несколько раз моргаю, когда загорается свет, и быстро оглядываюсь по сторонам. Меня окружает темное дерево и нейтральные цвета. Шикарные ткани и дорогая на вид фурнитура. Передняя стена сделана из изогнутых окон, но в данный момент они закрыты тяжелыми жаккардовыми портьерами — затемненными, полагаю, судя по их эффективности. По размеру этой комнаты я бы сказала, что мы находимся в главной спальне. Мой взгляд останавливается на шикарной зоне отдыха, где расположился Престон Дэвенпорт с невероятно самодовольным видом.

— Да. Я, — я вздрагиваю, когда Престон встает и начинает идти ко мне. — Ты ожидала кого-то другого? Может быть, моего сына?

Боже, я надеюсь, что прошло достаточно времени, чтобы Кингстон понял, что я пропала. Я подсознательно пытаюсь достать медальон, но изголовье, к которому я привязана, быстро отбрасывает эту мысль.

— Где Кингстон?

— Откуда мне знать? Я не его охрана.

Престон садится на край кровати, ухмыляясь, когда я отползаю как можно дальше. Я вздрагиваю, когда он обводит пальцами мою лодыжку и поглаживает обнаженный участок кожи между джинсами и носками. Я понятия не имею, куда делась моя обувь, но я посылаю безмолвную молитву всем богам, что я все еще одета.

Я прищуриваю глаза.

— Что тебе от меня нужно, придурок? Как я здесь оказалась?

Престон крепко сжимает мою ногу, так сильно, что я понимаю, что у меня там будет кольцо синяков.

— Ты определенно болтлива, не так ли? Вижу, мой сын еще не избавил тебя от этого.

Он усмехается.

— Стыдно. Хотя не могу сказать, что мне не понравится тебя ломать.

Пленительные глаза, которые я так люблю в своем парне, смотрят на меня с похотливой злобой. Но вместо тепла и любви, которые я обычно испытываю, когда на меня смотрят эти прекрасные карие глаза, мне холодно. Ледяной холод. Намерение, скрывающееся за взглядом этого больного ублюдка, неторопливо блуждающего по моему телу, кристально ясно. Он хочет причинить мне боль и изнасиловать меня, и он собирается наслаждаться каждой секундой моей агонии. Жаль для него, но я сделаю все возможное, чтобы не доставить ему такого удовольствия.

Престон снова встает и протягивает руки.

— Что ты думаешь о своем новом жилье? Ты мой первый гость на этой яхте. Мы собираемся отправиться в первое плавание.

Этот осел ведет себя так, будто он не похитил меня и не привязал к кровати против моей воли.

Я фыркаю.

— Насколько я знаю, ты не должен накачивать наркотиками или похищать своих гостей.

Престон прислонился к встроенному шкафу рядом с ним.

— Да, это было прискорбно. Но мой сын, кажется, никогда не отстанет от тебя — мальчик как собака с костью — поэтому я должен был воспользоваться возможностью, пока мог.

— Заплатив моему инструктору по вождению?”

Его волосы цвета соли с перцем, когда он наклоняет голову.

— Ты умная, как и твоя мать.

— Не говори о моей маме, — рычу я. — Ты не имеешь права даже думать о ней.

Престон раздражается искренним смехом.

— Видишь, вот тут ты ошибаешься. Я имею полное право думать о ней.

Я усмехаюсь.

— Да ну? И почему же?

— *Потому что она должна была быть моей, но моему мудаку бизнес-партнеру пришлось пойти и обрюхатить ее!*

Мои глаза расширяются от удивления, от слов и от того, что этот обычно уравновешенный человек кричит.

Престон выпрямляет спину и улыбается.

— Ты не знала этого, не так ли? Как много твоя мать рассказала тебе обо мне? О твоём отце?

Я знаю, что он не заслуживает ответа, но я также знаю, что правда будет сильным ударом по его самолюбию, поэтому я чувствую себя вынужденной ответить.

Уголки моих губ приподнимаются.

— Она абсолютно ничего не говорила о тебе. Я не знала о твоём существовании до тех пор, пока не переехала к своему донору спермы.

Клянусь, вена на его лбу, кажется, вот-вот лопнет.

— Лгунья!

Черт. Мистер Спокойствие и Собранность определенно покинул здание. Или лодку, скорее.

— Нет, — я чмокаю губами, произнося букву — Т.

Не успеваю я моргнуть, как боль рикошетом пронесется по моему лицу, когда он дает мне пощечину. Мое зрение затуманивается, слезы наполняют мои глаза. Черт, у меня такое чувство, словно моя щека горит. Я дергаю свои путы, инстинктивно желая прижать ладонь к горячей щеке, но мне снова напоминают, что я привязана к изголовью.

— Следи за своим языком! — Престон начинает расхаживать взад и вперед перед кроватью. — Может, ты и выглядишь в точности как она, но ты уж точно не ведешь себя как она. Махалия была гораздо более сговорчивой.

— И что это значит?

— Я с самого начала знал, что в твоей матери есть что-то особенное. К сожалению, та стерва, на которой я был женат в то время, отказалась иметь прислугу. Я думал, может быть, когда я ее обрюхачу, она изменит свое мнение — особенно когда узнает, что у нас будут близнецы, но у нее была упрямая жилка шириной в милю. Отпустить Махалию было нельзя, поэтому Чарльз согласился взять ее в свой дом. Затем этот урод обрюхатил ее в первый же месяц и решил оставить при себе. Мне не следовало жениться на Дженнифер. Посмотри, что я получил в результате: двух неблагодарных сопляков, которые сидят на большой куче того, что должно было быть моими деньгами. Если бы только у меня не было этого дурацкого желания произвести на свет наследника.

Я вдруг обрадовалась, что Кингстона сейчас нет здесь, чтобы услышать, как его отец изрыгает ярость.

Я приподнимаю брови.

— Значит, у моей матери и отца были отношения в какой-то момент?

Этот человек, несомненно, псих, и я знаю, что это лишь вопрос времени, когда он закончит говорить, чтобы он ни запланировал. Но можете не сомневаться, я собираюсь собрать как можно больше информации, пока он такой болтливый. К тому же, чем дольше я смогу поддерживать его разговор, тем дольше Кингстон будет меня искать.

Престон смотрит на меня.

— Нет, у них не было отношений, но с ней обращались не так, как с другими. Ситуация Махалии была... беспрецедентной. Ей были предоставлены определенные... привилегии, при условии, что она будет сотрудничать. И она сотрудничала. По крайней мере, какое-то время.

Я игнорирую комментарий о сотрудничестве моей мамы. Мне не нужно слышать, как он говорит, что принуждал ее, чтобы понять, что так оно и было. Если раньше и были какие-то сомнения, то они давно исчезли.

— Какие другие?

Злая ухмылка растягивается по его лицу.

— Если ты не поймешь, как быстро подчиниться, то скоро узнаешь.

Слова, которые Престон сказал Мэдлин в том видео, внезапно пронеслись в моей голове.

Готова поспорить, ты бы получил удовольствие, наблюдая за тем, как новые девочки проходят через подготовку. Когда они кричат, плачут, умоляют о пощаде... девушек берут против их воли снова и снова, снова и снова... избивают, морят голодом и накачивают наркотиками каждый раз, когда они сопротивляются.

Я захлебываюсь желчью.

— Почему я здесь? Что ты планируешь со мной сделать?

— Я планирую получить то, что давно пора. Я устал от людей, которые пытаются забрать то, что принадлежит мне. Сначала Чарльз, потом этот болван, который не мог выслушать простые инструкции. Даже мой собственный сын, на которого, как я думал, мог положиться как на преемника, облажался. Он должен был пойти и влюбиться в тебя. Он пытался отрицать это и устроил довольно хорошее шоу, но я знаю его лучше, чем он думает. Я был совершенно не против позволить ему поиграть с тобой какое-то время, но я не позволю ему оставить тебя у себя. Я понял, что пришло время сделать свой ход, когда стало очевидно, что именно это он и собирался сделать.

Господи, этот парень не в себе.

— Что значит по-твоему «давно пора»?

— Терпение, прекрасная Жасмин. Во-первых, у меня есть для тебя сюрприз.

У Престона появляется маниакальное выражение лица, прежде чем он исчезает, как я предполагаю, в ванной комнате. Я вытягиваю шею, чтобы посмотреть, когда он возвращается, таща что-то за собой. О, черт. Не что-то. Кто-то. Псих тащит моего сильно избитого донора спермы через дверной проем, оставляя на полированном полу след размазанной крови. Лицо Чарльза так распухло, что я с трудом узнаю его. Сначала я думаю, что он без сознания, но потом с его губ срывается болезненный стон, когда Престон останавливается и опускает верхнюю часть тела Чарльза обратно на пол.

— Какого блядь хрена?

Я не понимаю, что сказала это вслух, пока Престон не отвечает.

— Видишь ли, Жасмин. Пришло время тебе узнать правду о том, как на самом деле умерла твоя мать. Считаю это моим жестом доброй воли в обмен на твое будущее почтение, — на этот раз Чарльз застонал еще громче, когда Престон ударил его по ребрам. — Продолжай, Чарльз. Расскажи Жасмин, как ты виноват в смерти Махалии.

Я скажу это снова: Какого. Блядь. Хрена.

25. Жас

— Что?!

Престон закатывает глаза, когда Чарльз по-прежнему не издает ни одного вразумительного звука.

— О, прекрасно. Думаю, я скажу ей, раз уж тебе нездоровится.

— А что тут рассказывать? Моя мама попала под проезжавшую мимо машину, когда ждала автобус.

Он кивает.

— Да, тот отвратительно криминальный район, в котором вы жили, был весьма удобен для того, чтобы все выглядело как несчастный случай, не так ли? Но позволь мне спросить вот о чем: Полиция когда-нибудь упоминала о причастности банды? Или ты просто предположила?

Мне не нравится, к чему он клонит.

— В Лос-Анджелесе постоянно случаются автомобильные аварии. Почему я должна думать по-другому?

— И именно поэтому это было таким идеальным прикрытием! — Престон показывает на меня пальцем. — Видишь ли... когда в действительности, после многих лет жизни на свободе — в соответствии с соглашением, которое твой отец заключил за моей спиной, потому что этот сукин сын любил ее своим извращенным способом — Махалия решила

навестить Чарльза.

— Зачем ей это делать?

Он усмехается.

— Вот что делает все это таким замечательным. Ее материнские инстинкты, очевидно, взяли верх над инстинктом самосохранения. И это в конечном итоге привело к ее гибели.

Я качаю головой.

— Я не понимаю.

— Махалия вбила себе в голову идею, что она могла бы вымогать деньги у Чарльза, — смеется он. — Честно говоря, я думаю, она так долго отсутствовала, что забыла, с кем имеет дело. В общем... видите ли, ее старшая дочь — то есть ты — готовилась начать учебу в старшей школе. Бедная Махалия хотела только лучшего для своего ребенка, который был очень умным, но не надеялся поступить в колледж без полной стипендии.

Нет.

— Ах... Я вижу по твоему лицу, что ты знаешь, что я говорю правду. Мне продолжать?

Я киваю, слишком подавленная, чтобы подобрать слова.

— Как я уже говорил... она была на мели, что не должно удивлять. Она жила от зарплаты до зарплаты в течение пятнадцати лет до ее маленького импровизированного визита, что означает отсутствие сбережений на колледж для тебя. Ну, за эти пятнадцать лет Махалия, очевидно, подрастеряла яйца, потому что она никогда бы не осмелилась попробовать что-то подобное, когда я ее знал.

— Она сказала твоему отцу, — он подталкивает Чарльза ногой, — что если он не согласится финансировать твое обучение в колледже, она пойдет в полицию и расскажет все, что знает о нашей... менее чем законной деятельности. Дорогой папочка согласился на ее требования при условии, что она подпишет заявление об установлении отцовства. Он назвал это своей страховкой на случай, если она все же решит обратиться к властям.

Ладно, это та часть, которая никогда не имела для меня смысла, и у меня такое чувство, что сейчас я получу ответ.

— Почему он хотел заявить на меня права? Я бы никогда не узнала, кто он. Кем был любой из вас.

— Потому что Махалия подписала себе смертный приговор, как только появилась в его доме. Чарльз сказал ей, что если она когда-нибудь вернется или попытается связаться с кем-то из нас, это будет стоить ей жизни. Ни он, ни я не знали, какой информацией она поделилась с тобой. Поэтому... чтобы присматривать за тобой, Чарльзу пришлось взять над тобой опеку после смертельного случая с твоей матерью. И представь мое приятное удивление, когда ты появилась, почти идентичная версия женщины, которая ускользнула из моих лап. Как будто судьба дала мне второй шанс все исправить.

— Ты больной ублюдок, — огрызаюсь я.

— Ты говоришь это так, будто это плохо, — его губы кривятся в жестокой ухмылке.

— Не волнуйся, Жасмин. После того, как мы выйдем в море, и я сброшу твоего вероломного отца в Тихий океан, мы с тобой немного повеселимся. Почему-то мне кажется, что ты любишь немного разврата в постели. К счастью для тебя, со мной есть чем заняться.

Яхта вдруг начинает двигаться, и глаза Престона загораются.

— О, хорошо. Похоже, скоро начнется празднование. Если позволите, я пойду проверю капитана и удостоверюсь, что он увезет нас достаточно далеко от посторонних глаз.

Престон кивает моему отцу.

— Убедитесь, что он не уйдет. О, кого я обманываю? Он никуда не уйдет в таком состоянии.

— Проснись! — шепчу я, как только смех Престона стихает за пределами комнаты. — Если у тебя есть хоть какие-то отцовские инстинкты в глубине твоего поганого мозга, ты бы проснулся и развязал меня!

Я дергаю за свои путы с разочарованным рычанием. Я все пытаюсь и пытаюсь освободить свои руки, пока не задыхаюсь от напряжения.

— Чарльз! — я пытаюсь снова, слезы текут по моему лицу. — Пожалуйста, вставай! Не дай, чтобы Престону сошло все с рук! Если ты не хочешь сделать это для меня, сделай это для себя. Он собирается убить тебя!

Донор спермы снова стонет. Наконец-то, хоть какое-то признание! Чарльз перекачивается на бок, хрипя. Он медленно открывает один глаз — легче сказать, чем сделать, когда он так опух, — и пристально смотрит на меня.

— Жасмин, — мой отец кашляет, как будто разговор требует серьезных усилий.

— Кто сделал это с тобой? Престон?

Он с минуту качает головой.

— Наемный... громила.

Конечно. Престон не любит пачкать свои руки.

— Ты можешь двигаться? — я не свожу глаз с двери, ожидая, что Престон может появиться в любой момент. — Ты можешь развязать меня?

— Могу... попытаться... не... знаю... если... получится, — у него снова приступ кашля.

— Шшш! Потихе.

Чарльз ползет ко мне с мучительно медленным шагом. Каждый раз, когда он двигается, он издает этот ужасающий звук, который заставляет меня думать о животном, которого пытаются. Он громко хрипит, по его лицу стекают капельки пота. Я приподнимаюсь, когда он уже почти добрался до кровати, и наклоняюсь как можно дальше, чтобы ему было легче до меня дотянуться. В тот момент, когда он протягивает руку, пытаюсь опереться на кровать для устойчивости, дверь открывается.

— На твоём месте я бы этого не делал, — Престон вернулся, с пистолетом, направленным прямо на моего отца.

Я мысленно ругаюсь, когда Чарльз падает лицом вниз в знак поражения. Я была так близка. Я не знаю, как далеко я смогла бы зайти, поскольку я понятия не имею, насколько далеко от берега мы находимся в данный момент, но я бы попыталась. Я лучше утону при попытке бегства, чем буду лежать здесь и позволять Престону издеваться надо мной.

Престон цокает языком.

— О, Жасмин. Что мне с тобой делать? Похоже, тебе нужен урок того, с кем ты имеешь дело, — прежде чем я успеваю спросить его, что это такое, он заряжает курок и стреляет.

Я вскрикиваю, когда кровь пропитывает правую штанину брюк Чарльза. Чарльз, однако, не издает ни звука. Я все еще вижу, как слабо вздымается и опускается его спина, когда он тяжело дышит, но он совершенно безмолвен. Должно быть, он потерял сознание.

— Ты чертов психопат! — я дергаю за веревки изо всех сил, пытаюсь освободиться. Я вскрикиваю, когда мне кажется, что я вот-вот вывихну плечо.

Престон наставляет на меня пистолет.

— Не усложняй ситуацию.

— Пошел ты!

Его глаза вспыхивают от ярости.

— Ты маленькая шлюшка. Думаю, мне нужно научить тебя хоть какому-то гребаному уважению.

Я яростно дергаю за ограничители, пока Престон подходит все ближе и ближе, но это бесполезно. Когда он достигает кровати, он засовывает пистолет за пояс брюк и забирается на матрас, упираясь коленом мне в грудь, выбивая из меня дыхание. Я закидываю ноги на кровать, делая жалкую попытку принять позу мостика, пока он возится с пуговицей на моих джинсах. Он находится не под тем углом, чтобы я могла ударить его по яйцам, но это не останавливает меня от попыток.

— Не шевелись, сука! — рычит он.

— Ешь дерьмо! — отвечаю я.

Я поворачиваю голову, когда его кулак летит мне в лицо. Рука Престона касается моей скулы, что очень больно, но, по крайней мере, это не глаз, я полагаю. Я остолбенела ровно настолько, чтобы он успел расстегнуть мои джинсы и начал стягивать их с бедер.

— Убери от меня свои мерзкие гребаные руки!

Я извиваюсь и поворачиваю нижнюю часть тела, пытаясь предотвратить сползание джинсов с моих ног, но невозможность использовать руки мешает любому прогрессу.

Престон одаривает меня зловещей улыбкой, когда успешно снимает с меня штаны и бросает их за спину. Он обхватывает мои голые ноги, впиваясь большим пальцем в нерв на верхней внутренней стороне бедра. Я вскрикиваю, когда он нажимает сильнее, и резкая боль перехватывает мое дыхание. Его руки находятся в нескольких сантиметрах от линии трусиков, когда он поджимает мои колени к груди. Престон удерживает мои колени на месте, глядя на маленький клочок хлопка, отделяющий мою голую киску от его жадных глаз.

Престон наклоняется вперед, обхватывая одной рукой мои ноги. Затем он опускает бедра и стонет.

— Если ты еще не поняла, мой сладкий цветочек, мне нравится, когда ты сопротивляешься. Это делает мой член становится твердым, — он вдавливая в меня свою эрекцию, подтверждая свои слова.

Я обнажаю зубы.

— Как ты только что меня назвал?

— О? Тебе это понравилось? Я помню, твоя мать говорила тебе это. Тогда я думал, что это глупое ласкательное выражение, но сейчас мне интересно, точно ли оно описывает твою сладкую киску. Мой сын определенно считает, что ради нее стоит бросить все.

Престон снова обхватывает мои лодыжки и оборачивает их вокруг своей талии, продолжая набрасываться на меня. Я уже готова закричать, когда мой палец упирается в пистолет. Я не колеблюсь ни секунды. Я сжимаю свои бедра вокруг Престона и сажу ноги вместе ровно настолько, чтобы вытащить оружие из его штанов.

Он быстро соображает, что я делаю, и выкручивается из моей хватки, но не раньше, чем я успеваю схватить пистолет и швырнуть его на пол. Престон сводит руку и наносит мне пощечину в то же место, куда он ударил меня ранее. Мои глаза наполняются слезами, я быстро проигрываю битву за то, чтобы удержать их. Рвота подбирается к горлу, когда он снова прижимает мои ноги к груди и начинает тереть меня через нижнее белье с выражением полного экстаза на своем извращенном лице.

— Ты больной ублюдок!

Он сардонически смеется, погружая кончик большого пальца внутрь меня через тонкую

хлопковую преграду.

— А ты, блядь, любительница подразнить член. Мы хорошая пара, не так ли?

Я лихорадочно прокручиваю в голове свои мысли, пытаюсь найти выход из этой ситуации. Паника захлестывает меня, поскольку мой разум отказывается выдавать что-либо жизнеспособное. Сколько раз мне нужно подвергнуться нападению этих элитарных мудаков, чтобы все закончилось? Серьезно, это гребаное чудо, что мой рассудок еще цел. Не знаю, будет ли так по-прежнему, если так пойдет дальше.

Нет, я не могу так думать. Я должен выбраться из этого. Другого выхода нет. Если то, что сказал Престон, правда — если моя мама умерла, потому что пыталась сделать то, что считала лучшим для меня — тогда я в долгу перед ней. Я не позволю, чтобы ее смерть была напрасной. Я не позволю этим больным ублюдкам победить. Я укрепляю свою решимость, когда решаю, как мне к этому подойти.

Престон одаривает меня самодовольной улыбкой, когда берет за край моих трусов.

— Теперь, я думаю, нам достаточно прелюдии, не так ли? Давай снимем эти вещи, чтобы мы могли получить настоящее удовольствие.

— Подожди!

К моему удивлению, он действительно сделал паузу.

— Что?

— Я сделаю все, что ты захочешь, — я вложила в свой тон всю искренность, на которую была способна. — Я обещаю. Я перестану сопротивляться... или... если ты хочешь, чтобы я притворилась, что сопротивляюсь, я могу сделать и это.

Лоб Престона неестественно гладкий, когда он хмурится.

— Ты считаешь меня глупым?

— Нет, — я качаю головой. — Вовсе нет; клянусь. Я просто... Мне просто сначала нужно кое-что от тебя.

Престон садится обратно на колени и внимательно оценивает меня.

— Хорошо, я достаточно любопытен, чтобы потакать тебе. Что именно тебе нужно от меня, прежде чем я возьму от тебя то, что хочу?

— Я хочу быть тем, кто убьет его. Чарльза, я имею в виду. Я хочу, чтобы последним, что он увидит, было мое лицо, смотрящее в дуло пистолета.

Его глаза сужаются.

— И почему ты хочешь это сделать?

— За то, что он сделал с моей мамой, — объясняю я. — Там, где я выросла, если кто-то забирает у тебя что-то ценное, ты забираешь обратно, независимо от цены. Он застрелил мою маму, так что будет справедливо, если я сделаю то же самое с ним.

Сумасшедшему ублюдку нравится эта идея. Я вижу. Что еще важнее, он начинает мне верить.

— Все, что тебе нужно сделать, это развязать меня. Затем я могу застрелить Чарльза, мы можем выбросить его тело, а потом ты можешь делать со мной все, что захочешь. Когда он все еще сомневается, я добавляю: — Можешь даже называть меня Махалией, если хочешь. Я буду притворяться ею столько, сколько ты захочешь.

Я тяжело сглатываю, ожидая, пока он примет решение. Когда его лицо озаряется искренней — хотя и безумной — улыбкой, я понимаю, что поймала его на крючок.

— Хорошо... я клюнул, — его глаза снова сужаются. — Но не думай, что я просто дам тебе пистолет и позволю попробовать. Я буду прямо за тобой, держать пистолет, пока ты

нажимаешь на курок.

Дерьмо. Не совсем то, на что я надеялась, но мне придется принять это и разобраться с остальным по ходу дела. Если я смогу заставить Престона развязать меня, у меня будет гораздо больше возможностей для импровизации.

Я киваю.

— Хорошо.

— Тогда... Я собираюсь трахнуть каждую из твоих дырочек, пока ты будешь кричать о пощаде, — Престон внимательно наблюдает за мной, оценивая мою реакцию.

Я сглатываю, позволяя ему увидеть страх, который вызвали его слова.

— Как захочешь.

Он кивает, похоже, удовлетворенный моим ответом. Престон сползает с кровати, чтобы забрать пистолет, и снова убирает его за спину.

— Не придумывай ничего смешного, пока я развязываю веревки. Если ты снова возьмешь пистолет, я буду трахать твою киску стволом, пока мой член будет в твоей заднице.

Иисус, блядь, Христом, да этот человек не в себе. Действительно и по-настоящему не в себе.

Я задерживаю дыхание, когда он подходит ближе и протягивает руку надо мной, чтобы начать процесс развязывания ремней. Как только мои руки освобождаются, я инстинктивно потираю запястья, вздыхая с облегчением.

— Вставай, — Престон делает движение «Иди сюда» одной рукой, а другой направляет на меня пистолет. — Давай покончим с этим.

Я поднимаюсь с кровати и медленно иду к Престону с поднятыми в знак капитуляции руками. Я говорю себе не обращать внимания на его взгляд, который он окидывает мои голые ноги, уделяя особое внимание на верхнюю часть бедер.

— Хорошая девочка.

Когда я присоединяюсь к нему там, где он стоит над моим лежащим без сознания отцом, он пинает Чарльза по ребрам, заставляя его вздрогнуть и очнуться. Престон переворачивает избитого мужчину носком своей безвкусной туфли, так что тот оказывается на спине.

Я перевожу взгляд с отца на пистолет, который Престон направляет на него.

— Что мне делать? Я никогда раньше не стреляла из пистолета.

Уголки его губ приподнимаются.

— Иди сюда, милая Жасмин. Я покажу тебе, что делать.

Я неуверенно делаю несколько шагов ближе и задыхаюсь от удивления, когда он хватается за руку, притягивая к себе. Когда я стою спиной к Престону, он обхватывает меня сзади и зарывается носом в мои волосы.

— Ммм... ты тоже сладко пахнешь. Не могу дождаться, чтобы попробовать твою киску на вкус, — желчь бурлит у меня в животе, когда он вдавливая свой стояк в мою поясницу. Престон берет меня за руки, направляя их в нужное положение. Он обхватывает меня своими руками, загибая указательный палец на спусковой крючок пистолета. — Теперь я собираюсь снять пистолет с предохранителя, вот так, — он делает паузу для эффекта, прежде чем сделать именно это. — Затем мы будем целиться в это яблочко прямо посередине его лба, — он опускает пистолет так, чтобы он был направлен в голову моего отца. — Проснись, Чарльз! Ты не захочешь это пропустить.

Глаза моего отца слегка приоткрываются и сразу же сосредотачиваются на мне. У меня перехватывает дыхание, когда я вижу в его взгляде — безнадежность. Как бы сильно я ни ненавидела этого человека, я не хочу убивать его. Я не хочу, чтобы это было на моей совести. Кроме того, я бы предпочла, чтобы он гнил в тюремной камере до конца своих дней.

— Есть последние слова, которые ты хотел бы сказать своей дочери? — Престон усмехается. — Говорите сейчас или замолчи навсегда.

— Я... Мне ж...жаль, Жасмин, — задыхается Чарльз. — За... каждую... вещь.

Слезы начинают литься из моих глаз без предупреждения. Престону приходится подхватить меня, когда мои колени подгибаются.

Он усмехается.

— О, не отказывайся от меня сейчас, Жасмин. Мы только подошли к самому интересному.

Я делаю укрепляющий вдох, когда он возвращает мой палец на спусковой крючок. Дерьмо. Думай быстрее, Жасмин. Как мне выбраться из этого? В тот момент, когда Престон медленно надавливает на мой палец, жутко спокойный голос останавливает его на полпути.

— Отпусти ее, или я всажу тебе пулю в лоб.

26. Кингстон

Глаза моего отца метнулись в мою сторону, и он увидел, что я направил пистолет прямо на него. Жас задыхается, когда он обхватывает ее торс рукой и направляет пистолет ей в висок. Мне требуется все мое самообладание, чтобы сохранить спокойствие.

— Так, так, Кингстон. На твоём месте я бы опустил пистолет. Ты же не хочешь, чтобы бедная Жасмин пострадала?

Я бегло оцениваю внешний вид моей девочки. Моя челюсть подрагивает, когда я замечаю синяк, расцветающий на ее левой щеке, но в остальном она кажется относительно неизменной. Хотя, учитывая, что ее штаны исчезли, я должен спросить.

— Ты в порядке, Жас? — я хочу воткнуть себе нож глаз в тот момент, когда слова слетают с моих губ. Конечно, она не в порядке. Даже если у моего отца еще не было возможности причинить реальный вред, у нее все еще есть сумасшедший, прижимающийся пистолет к ее виску.

— Я в порядке, — она вздрагивает, когда мой отец крепче сжимает пистолет.

— Она не будет в порядке, если ты не опустишь пистолет, — обещает мой придурок-отец.

— Отойди. От. Нее. Блядь, — каждое слово, которое вылетает из моего рта, пронизано смертельным намерением. — Я не боюсь тебя убить.

— Каков отец, таков и сын, — рычит он, направляя пистолет прямо на меня.

К сожалению, он все еще крепко держит Жас. Я уверен в своей цели, но слишком много вещей может пойти не так, если я выстрелю, когда она стоит так близко к нему. Это не тот риск, на который я готов пойти. Я просто надеюсь, что ребята успешно очистили палубу. Последнее, что мне нужно, это чтобы кто-то еще пришел сюда и усугубил мою проблему.

— Я совсем не такой, как ты, старик.

— Правда? — рука, держащая Жас, двигается, пока его ладонь не оказывается прямо над ее грудью. Мой палец на спусковом крючке начинает зудеть, когда он сжимает его, дразня меня. — У нас одинаковый вкус в женщинах.

Мне приходится сознательно избегать взгляда Жас, потому что я не думаю, что смогу

выдержать страх, который, как я знаю, она сейчас испытывает. — Я не собираюсь повторять это снова, папа. Отпусти ее.

— Или что? — усмехается он. — Я не думаю, что у тебя хватит духу выстрелить в меня.

Я направляю пистолет вправо и нажимаю на курок. Жас вскрикивает, когда зеркало над комодом разбивается вдребезги. Краем глаза я вижу, как Чарльз ползет по полу, медленно приближаясь к ним. Я быстро бросаю взгляд в его сторону и вижу, что он смотрит прямо на меня, молча пытаюсь передать свои намерения. Я не доверяю этому ублюдку ни на йоту, но я верю, что его ненависть к моему отцу достаточно сильна, чтобы позволить этому произойти. Я знаю, что мне нужно отвлечь отца на достаточно долгое время, чтобы это произошло.

— Ты так не думаешь? — мышцы на его щеке подрагивают, когда я подначиваю его.

— Почему нет? Потому что ты был таким образцовым отцом все эти годы?

— Ты неблагодарный маленький засранец. Я должен был попросить кого-нибудь убить тебя, как я сделал это с твоей сукой матерью, — губы моего отца превращаются в злобную ухмылку, когда он видит, что я не шокирован. — А, вижу, для тебя это не сюрприз. Возможно, ты умнее, чем я предполагал. Твоя сестра знает?

— Знает, какой ты злобный ублюдок? — спрашиваю я. — Да. Знает ли она подробности того, что вы с Каллаханом сделали? Она вот-вот узнает. Уверен, скоро об этом расскажут все новостные каналы.

Его глаза сужаются.

— И что это значит?

— Это значит именно то, что я сказал. К тому времени, как ты сойдешь с корабля, Эйнсли и весь остальной мир будут знать обо всех твоих грязных делишках. Торговля людьми, хищения, связи с картелями, взяточничество и шантаж. Все это, — когда его глаза расширяются, я продолжаю. — Видишь ли, дорогой отец, ФБР уже давно следит за вами двумя. И так случилось, что твоя брошенная любовница, Мэдлин, дала им недостающую часть головоломки, которая была им нужна, чтобы надрать тебе задницу. Пока мы разговариваем, на вашем складе идет обыск.

В его глазах вспыхивает ярость, и он направляет пистолет на Чарльза и стреляет ему в голову. Брызжет кровь, и безжизненное тело Чарльза тут же падает на пол. Мой отец снова направляет пистолет на меня, но Жас, воспользовавшись отвлекающим маневром, вырывается из его рук прежде, чем он успевает нажать на курок. Когда его оружие падает на пол, Жас пользуется возможностью нырнуть в шкаф. Теперь, когда она находится вне линии огня, я могу сосредоточиться исключительно на том, чтобы уничтожить этого ублюдка.

Ноздри моего отца раздуваются, а глаза безумны, когда он бросается на меня. Но я не даю ему шанса дотронуться до меня. Я навожу дуло своего пистолета и стреляю. Первый выстрел попадает ему в ногу, отчего он падает на колени. Он сгибается пополам, когда мой второй выстрел попадает ему в плечо.

— Ты выстрелил в меня! — он пытается найти пистолет, который выронил, когда Жас толкнула его, но ему трудно пошевелить рукой.

Я делаю шаг вперед и отбрасываю пистолет в сторону.

— И я сделаю это снова, если ты не сдашься. Я бы предпочел, чтобы с тобой разобрались федералы, чтобы я мог наслаждаться мыслью о том, как ты гниешь в тюрьме, где тебя насилуют, до конца своей жалкой жизни, но я не боюсь вышибить тебе мозги, если ты будешь меня принуждать. В любом случае, ты больше не проблема.

— Ты готова убить своего отца ради куска пизды? — кричит он.

Я усмехаюсь.

— Нет. Я бы убил тебя, потому что ты ублюдок-садист, который не заслуживает того, чтобы дышать. Без тебя мир станет лучше.

— Когда ты успел стать таким чертовым мстителем? — лицо моего отца бледнеет, на лбу выступает капелька пота, так как потеря крови начинает сказываться на нем.

— Как раз в то время, когда я узнал, что ты виновен в смерти моей матери. Но если честно, ты мне и до этого не очень нравился.

— Лучше бы ты никогда не родился, сопляк.

— А я бы хотел, чтобы в тот день вместо нее умер ты.

Я вижу момент, когда он решается на это. Полагаю, он считает, что ему нечего терять, с чем я не могу не согласиться. Я делаю последний выстрел в тот момент, когда отец достает пистолет. Пуля попадает в центр его лба, свет мгновенно исчезает из тех же самых ореховых глаз, которые я вижу в зеркале каждое утро. Я чувствую, что меня не трогает тот факт, что я только что убил своего отца, когда я засовываю пистолет в карман джинсов и направляюсь прямо к шкафу, где Жас ищет убежище.

— Жас.

— О Боже, ты в порядке? — Жас судорожно проводит руками по моему лицу, осматривая меня на предмет повреждений.

— Я в порядке, — я легонько касаюсь синяка на ее челюсти. Ее глаза налились кровью от слез, и она дрожит, но, похоже, с ней все в порядке. — А ты? Он прикасался к тебе?

Она качает головой.

— Нет. У него не было такой возможности до твоего прихода. Это... это он...

Я киваю.

— Мертвы. Оба.

Жас обвивает меня руками за шею и притягивает к себе, всхлипывая у меня на груди. Я крепко прижимаюсь к ней, не желая отпустить. Я опускаюсь на пол и притягиваю ее к себе на колени, давая ей время все осмыслить.

— Значит, все закончилось? Действительно закончилось? — фыркает она.

Я целую ее макушку.

— Все кончено.

— Кингстон? — звонит мой частный детектив Джон. — Все чисто, Бентли.

— Эй, чувак, ты здесь?

Жас поднимает голову.

— Бентли? Сюда!

Мгновение спустя Бентли и Джон появляются в дверном проеме кладовки.

— Привет, малышка, — говорит Бентли. — Ты в порядке?

Она шмыгает носом.

— Да.

Джон кивает мне в знак признательности.

— Все хорошо? Я слышал выстрелы.

— Да, — подтверждаю я. — Наверху все в порядке?

— Все чисто. Единственным человеком на судне был капитан, и я быстро спустил его вниз. Он пристегнут наручниками к одному из перил на верхней палубе. Твой друг Рид наблюдает за ним.

— Как вы все так быстро сюда добрались? — спрашивает Жас.

Я убираю прядь волос с ее лица и прикасаюсь к медальону на ее шее.

— Я ждал в автошколе, чтобы забрать тебя. Как только я увидел, что твой инструктор возвращается без тебя, я проверил GPS. Когда я увидел, что ты на пристани, я понял, что мой отец каким-то образом добрался до тебя. Я сразу же позвонил ребятам и сказал, чтобы они встретили меня здесь.

— Разве мы не на оффшоре? Где ты раздобыл лодку?

Я киваю.

— Примерно в двух милях или около того. Я одолжил у одного парня катер. Он как раз готовился уходить.

Жас приподнимает брови.

— И он добровольно просто позволил тебе ее взять, да?

Я пожимаю плечами.

— Я дал ему ключи от моей Agega в качестве залога.

Она мягко улыбается.

— Слава Богу, что ты такой заядлый сталкер.

— Не поощряй его, Жасси, — смеется Бент. — Что ты хочешь делать теперь, брат? — он дергает головой через плечо, принимая более серьезное выражение лица, когда жестом показывает на два мертвых тела позади себя. — Что нам с ними делать?

— Я сообщу об этом в полицию. Мне все равно нужно проверить, — Джон протягивает свой сотовый. — Если позволите.

Я киваю.

— Спасибо, чувак.

Я делаю глубокий вдох и помогаю Жас встать. Бентли отводит глаза, когда замечает, что на ней нет штанов.

— Я... эээ... встретимся наверху, да?

Жас краснеет.

— Да, Бент. Спасибо.

Я жду, пока Жас оденется, затем мы оба выходим из главной каюты, тщательно обходя два тела. Жас останавливается на пороге и оборачивается, чтобы осмотреть комнату. Она делает глубокий вдох, когда ее взгляд останавливается на Чарльзе, затем она берет меня за руку, и мы вместе поднимаемся на мостик. Прямо перед тем, как мы добираемся туда, чтобы встретиться с ребятами, я останавливаю ее.

Ее тонкие брови приподнимаются.

— Что случилось?

— Ничего, — уверяю я ее. — Просто нужно было что-то сказать, пока мы не столкнулись с неизбежной бурей дерьма, объясняя, что здесь произошло.

Жас проводит пальцем по длине моей брови, вниз по переносице.

— Что это?

Я прижимаюсь своими губами к ее губам.

— Я люблю тебя. Ты ведь знаешь, что это никогда не изменится, верно?

Она улыбается.

— Знаю. Потому что я чувствую то же самое, даже если ты временами бываешь невыносимым пещерным человеком.

Я хватаю ее за задницу и притягиваю к себе.

— Можешь не сомневаться, я такой и есть. Не жди, что это изменится, когда дело

касается тебя.

Жас смеется.

— Не беспокойся, здоровяк. Я и не думаю, что это когда-нибудь случится.

— Пока все ясно, — я подмигиваю, а затем принимаю более серьезное выражение лица. — Ты в порядке?

— Да. Буду, — Жас кивает, затем берет меня за руку. — Да ладно тебе, неандерталец. Давай покончим с этим, чтобы мы могли жить дальше до конца наших дней.

Как по мне, звучит чертовски идеально.

27. Жас

— Жасмин, так приятно наконец-то познакомиться с тобой.

Я пожимаю руку Сандре, моему новому адвокату.

— Мне тоже. Спасибо, что встретились с нами. Мне жаль, что нам пришлось постоянно переносить встречу. Это был сумасшедший месяц.

Она одаривает меня сочувственной улыбкой.

— Не беспокойтесь. Пожалуйста, присаживайтесь оба.

Кингстон выдвигает для меня стул, прежде чем сесть. Прошло две недели со дня смерти наших отцов, и эти две недели были сплошным вихрем. Когда стало известно о задержании ФБР, Кингстон и я подверглись бомбардировке со стороны СМИ попытками взять интервью. После того, как мой парень не очень любезно послал всех нахуй и пригрозил подать на них в суд, если они не оставят его, меня и Эйнсли в покое, они отступили.

Мы втроем только что переехали в дом в Малибу, и я наконец-то чувствую, что могу дышать. Эйнсли восприняла все это довольно тяжело, но, как мы с Кингстоном и предсказывали, Рид невероятно поддержал ее. Я думаю, что новое место поможет всем нам, потому что нам больше не придется ежедневно сталкиваться с напоминаниями о наших демонах.

Сандра открывает папку и достает несколько документов. Она кладет их передо мной вместе с ручкой.

— Как мы уже обсуждали по телефону, мистер Дэвенпорт достаточно четко сформулировал, чего вы хотите достичь, но я хотела бы услышать это и от вас.

Я сдерживаю улыбку, когда краем глаза замечаю, как Кингстон хмурится. Мальчик не любит, когда кто-то задает ему вопросы. Когда я беру его руку и начинаю поглаживать большим пальцем костяшки пальцев, выражение его лица смягчается.

— Конечно.

— Итак, документы, которые вы держите перед собой, предназначены для официальной смены имени. Мне нужны только ваши подписи под каждой отметкой, и я подам их в суд первым делом утром. Поскольку вы совершеннолетняя, не должно быть никаких причин, чтобы это не было одобрено и не было рассмотрено в ускоренном порядке. Ривьера снова станет вашей законной фамилией в кратчайшие сроки.

— Спасибо, — я беру ручку и начинаю подписывать свое имя возле каждой вкладки. — А другой вопрос, который мы обсуждали?

— Да, конечно, — Сандра убирает еще какие-то бумаги. — Как я уже говорила мистеру Дэвенпорту, мы подадим прошение о частичной опеке, но я не могу ничего обещать, поскольку не было доказано никакого жестокого обращения или отсутствия заботы. Первое, что сделает суд, — назначит несовершеннолетнему адвоката. Они выступают в качестве

нейтрального голоса для ребенка, не ущемляя его прав, эмоционального благополучия и не заставляя его встать на сторону того или иного родителя. Или, в данном случае, родителя по отношению к брату или сестре. Их задача — найти факты и не допустить эмоциональной составляющей. Тот, кого суд назначит на дело вашей сестры, будет следить за тем, чтобы здоровье, безопасность и благополучие Белль были главным приоритетом при вынесении рекомендаций суду.

— Хорошо, — говорю я ей. — Я бы не хотела, чтобы было по-другому.

— Приятно слышать, — говорит она. — Теперь я хочу быть откровенной со своими клиентами и предупредить вас, что битвы за опеку могут быть грязными, занимать много времени, и расходы, несомненно, будут расти. Нет никаких обещаний, что вам будет предоставлена законная опека или свидания. Вы с самого начала будете вести нелегкую борьбу, учитывая, что вы еще учитесь в средней школе и не зарабатываете достаточно денег на своей подработке, чтобы обеспечить себя материально. С учетом этого, вы все еще хотите продолжить?

— Абсолютно, — киваю я. — Мне нужно попробовать.

Сандра улыбается.

— Хорошо, тогда. Если...

— У меня есть вопрос, — прерывает Кингстон.

— Продолжайте, мистер Дэвенпорт.

— Поможет ли ее делу, если мы поженимся? Калифорния — это штат общественной собственности, верно? Значит, если бы мы поженились, она автоматически получила бы право на половину моего состояния.

У меня отвисает челюсть.

— Кингстон! Я не могу...

Кингстон выжидающе поднимает брови, глядя на моего адвоката.

— Ну?

Она прочищает горло.

— Ну, да, это, конечно, помогло бы. Судам нравится видеть стабильность — как финансовую, так и внутри семейной динамики — при принятии решения о назначении опеки. Хотя, общая собственность распространяется только на то имущество, которое вы приобрели во время брака. Все, что было приобретено до этого, не подлежит разделу.

— Но если мы откроем совместный банковский счет, это будет считаться имуществом Жас, верно?

Сандра кивает.

— Верно.

— А если я впишу ее имя в свидетельство о собственности на дом, это тоже будет считаться, верно?

— Прости, что? — вмешиваюсь я. — Зачем тебе указывать мое имя в документах на дом?

Мой парень улыбается.

— А почему бы и нет? Это такой же твой дом, как и мой. Неважно, кто за него заплатил.

— Кингстон!

— Детка, давай не будем тратить время этой милой дамы на разговоры об этом прямо сейчас, хорошо? — подмигивает он. — Мы можем поспорить из-за этого — и помириться —

позже.

Я закрываю лицо руками.

— О, Боже мой. Ты иногда такой неловкий.

Мой адвокат смеется.

— Вы двое напоминаете мне меня и моего мужа в вашем возрасте.

— Как давно вы женаты? — спрашиваю я.

— Тридцать лет в следующем месяце, — она прикрывает рот рукой и шепчет: — И секс все такой же горячий, как и в начале.

Кингстон смеется, а я чувствую, как краснеет мое лицо.

Я бросаю на него злобный взгляд. — Я разберусь с тобой позже.

— В любом случае... — я тычу большим пальцем в сторону Кингстона. — До того, как нас так грубо прервал этот осел... что вы говорили?

— В двух словах, это будет нелегко, — она наклоняет голову в сторону Кингстона. — Но предложения мистера Дэвенпорта, безусловно, помогут.

Я вздыхаю.

— Хорошо. Что ж, думаю, мы обсудим это дома и свяжемся с вами.

Она кивает.

— Звучит неплохо. А пока я подам прошение о смене твоей фамилии.

— Спасибо.

Мы с Кингстоном встаем и пожимаем руку адвокату, прежде чем покинуть ее кабинет.

Я бью его по руке, как только мы садимся в машину.

— Не могу поверить, что ты поднял эту тему!

Он поднимает руки вверх в знак капитуляции.

— Стоп, Рокки. Я просто пытался помочь.

— Кингстон! Ты не можешь просто предложить нам пожениться, чтобы увеличить шансы на победу в деле об опеке.

— Я не предлагал жениться только для того, чтобы получить опеку. Я сделал это потому, что мы собираемся сделать это в любом случае, так что если это поможет делу, почему бы не пожениться раньше, а не позже?"

Я потираю переносицу.

— Прости, я пропустила ту часть, где ты просил меня выйти замуж за твою задницу?

Он ухмыляется.

— О, детка, как будто у тебя есть право выбора.

Мой пренебрежительный взгляд вернулся.

— Властная задница.

Кингстон хватается за затылок и притягивает к себе для поцелуя.

— Не притворяйся, что тебе это не нравится.

Я отстраняюсь и отталкиваю его, потому что он прав; я не могу сказать, что мне это не нравится.

— Неважно, — бормочу я. — Тебе повезло, что я так сильно тебя люблю.

Он смеется.

— Не буду с тобой спорить, детка.

— Ребята, вы слышали? — спрашивает Эйнсли.

Она набросилась на нас, как только мы с Кингстоном вышли из машины.

— Слышали что? — спросил Бентли, вылезая из своего Porsche с места рядом с нашим.

— Директора Придурка уволили в выходные, — объясняет Рид.

— Что? — спрашивает Кингстон. — Почему?

Эйнсли улыбается.

— Его поймали, когда он трахал Элинон Джексон в актовом зале.

— Вау, — Бентли присвистывает. — Подожди. Кто такая Элинон Джексон?

— Жена бустера, — Глаза Эйнсли расширяются. — Одна из жен самого большого бустера! Ходят слухи, что он требовал увольнения директора Дэвиса, иначе он больше не будет выписывать чеки школе, и он использовал свое значительное влияние на других бустеров, чтобы сделать то же самое.

— Черт. Не могу сказать, что мне будет хоть немного не хватать этого придурка, — пожимаю я плечами.

— Я тоже, — соглашается Кингстон.

— В любом случае... — Эйнсли продолжает. — Сегодня вместо первого урока они собираются провести собрание в спортзале. Они собираются представить нового директора.

— Ну, поиск замены не занял много времени, — замечает Бентли. — Есть новости с том, кто это?

— Я думаю, кто-то из другой частной школы в этом районе, — Эйнсли кивает головой в сторону здания, в котором находится спортзал. Или Спортивный центр, как его любят называть снобы из Виндзора. — Нам стоит зайти туда, чтобы мы могли найти места вместе.

Когда мы заходим в спортзал, он оказывается заполненным, поэтому мы встаем у боковой стены, а не пытаемся найти достаточно места на трибунах. Миссис Фуллер, одна из представительниц администрации, подходит к трибуне и ждет, пока все усядутся, прежде чем начать говорить.

— Доброе утро, ученики. Как некоторые из вас, возможно, слышали, директора Дэвиса больше нет с нами. Он... решил заняться другими возможностями.

— Да, другие возможности в вагине миссис Джексон, — шепчет Эйнсли.

Судя по смеху среди учеников, я бы сказала, что подобные комментарии передаются по кругу.

— Успокойтесь, мальчики и девочки! — требует миссис Фуллер. Как только в комнате становится тихо, она продолжает. — Как я пыталась сказать, с сегодняшнего дня у нас новый директор, и я бы хотела, чтобы вы все тепло поприветствовали его в Виндзоре!

Она указывает на мужчину средних лет, сидящего в стороне.

— Пожалуйста, поздоровайтесь с директором Каррингтоном.

Мужчина присоединяется к миссис Фуллер на трибуне и ждет, когда закончатся скудные аплодисменты.

— Спасибо, дамы и господа. Я очень рад быть здесь. Я был директором Кембриджской подготовительной школы в течение последних пятнадцати лет, и хотя мне очень понравилось мое пребывание там, я не могу быть более взволнован этой возможностью. В свое время я был — Виндзорским волком, и мне всегда хотелось вернуться в место, с которым связаны некоторые из моих самых приятных воспоминаний.

— Мне очень приятно, что моя дочь тоже будет Виндзорской волчицей. Я знаю, что это нетипично для ученика начинать учебный год так поздно, но я благодарен совету за то, что он решил сделать исключение, чтобы она смогла закончить мою альма-матер, — он осматривает аудиторию, пока его глаза не останавливаются на ком-то. — Давай, дорогая.

Встань.

Бентли фыркает.

— Ничто не сравнится с тем, как если бы твой папа позвал тебя перед всей школой.

Эйнсли шлепает его тыльной стороной ладони.

— Будь вежливым, Бентли.

— Дорогая, не стесняйся, — настаивает директор. — Встань так, чтобы все тебя видели.

Все взгляды следят за директором, когда его дочь поднимается с трибуны. Черт, она действительно похожа на более фигуристую младшую сестру Зендайи. Она откидывает свои длинные, завитые в локоны волосы в сторону и становится во весь рост, пока весь зал смотрит на нее, как на животное в зоопарке. Я не могу их винить — я тоже пялюсь. Она чертовски хорошенькая.

— Я бы не хотела быть на ее месте, — говорю я. — Хотя надо отдать ей должное, она держит голову высоко. Это привлекает внимание в этой толпе.

— Какого хрена? — шепчет Бентли.

Я чувствую, как Кингстон напрягается рядом со мной, прежде чем он выбрасывает руку перед Бентли.

— Не надо, чувак. Не здесь.

— Дамы и господа, — продолжает директор. — Я хотел бы познакомить вас с моей дочерью, Сидни. В этом году она выпускница.

Я смотрю налево и вижу, как ноздри Бентли раздуваются, а Рид присоединяется к Кингстону, обходя Бента с флангов, как будто они думают, что он сейчас выйдет из себя или что-то в этом роде.

— Что происходит? — шепчу я Бентли. — Ты ее знаешь или что?

— О, я, блядь, хорошо знаю, — шипит Бентли. — Но вот чего я не знаю, так это как она может быть старшеклассницей в школе, когда сейчас она должна быть старшеклассницей в колледже.

Я хмурюсь в замешательстве, прислонившись к Эйнсли.

— Ты хоть понимаешь, о чем он говорит?

У Эйнсли отвисла челюсть, когда она уставилась на девушку.

— Э-э...

— Что я упускаю? — я спрашиваю любого, кто ответит в этот момент. — Кто она?

— Она чертова лгунья и шлюха, вот кто она, — я потрясена ядом в тоне Бентли. — К черту это дерьмо. Я ухожу отсюда.

Кингстон и Рид бегут за Бентли, когда он выбегает из спортзала.

— Эйнсли? Что это было, черт возьми? Кто эта девушка?

Эйнсли сглатывает.

— Итак, ты знаешь историю, которую мой брат рассказал тебе о той вечеринке братства? В ту ночь, когда напали на Кариссу?

— Да... но какое это имеет отношение к этому?

Эйнсли кивает в сторону девушки из Сиднея.

— Потому что это та самая девушка из женского общества, которая держала член Бентли во рту, когда Карисса вошла на вечеринку.

— Что?! — у меня отвисает челюсть. — Я думала, он почти ничего не помнит с той вечеринки. Как он помнит, как она выглядит? Откуда ты знаешь, как она выглядит, если тебя там даже не было?

— Потому что фотографии распространялись по всему Insta и Snap после того, как это произошло, пока их не отметили. Я даже не могу сказать, сколько раз кто-то присылал Бентли скриншот, на котором ему отсасывают член на глазах у всей вечеринки. Эти идиоты думали, что он оценит воспоминания, не имея ни малейшего представления о том, что в то время мы имели дело с травмой Кариссы.

Я поворачиваюсь к ней.

— Но почему Бентли кажется таким злым на новенькую? Я не понимаю этой части. Она не заставляла его засовывать свой член ей в рот, и она понятия не имела, что Карисса появится на той вечеринке. Черт, да она, наверное, даже не подозревала о существовании Кариссы.

Эйнсли пожимает плечами.

— Я думаю, это потому, что эта девушка — ходячее, говорящее напоминание о том, что Бентли считает своей самой большой ошибкой. Он, вероятно, думал, что никогда больше не увидит ее лица, и его это вполне устраивало.

Я прикрываю рот рукой.

— О, Боже. Бедный Бент.

Эйнсли фыркает.

— Если ты собираешься кого-то жалеть, не оставляй без внимания Сидни Каррингтон. Потому что у меня такое чувство, что Бентли не очень хорошо с этим справится.

О, черт. Я просто могу себе представить. Я уже несколько раз была свидетелем злобного поведения Бентли, и я бы не хотела оказаться на его стороне. Судя по его реакции, я бы сказала, что он склоняется в этом направлении.

— Черт, — бормочу я.

— Да... — Эйнсли соглашается. — Как будто сейчас начнется дерьмовое шоу. Полагаю, это был лишь вопрос времени, когда драма снова разгорится. Это же Виндзор, в конце концов.

Прекрасно. Как раз то, что нам всем нужно: Больше драмы.

Эпилог

Жас

— Алло?

— Здравствуйте. Это Жасмин Каллахан?

— Это она, — во всяком случае, пока мое имя не сменят. — Кто звонит?

— Меня зовут Брайант Джейкоби. Ваш отец нанял меня для управления имуществом.

Он попросил меня связаться с вами в случае его смерти.

— О, — я нахмурилась в замешательстве. Я думал, что федералы конфисковали все активы Чарльза. — Что я могу сделать для вас, мистер Джейкоби?

Он прочищает горло.

— Да... мне нужно, чтобы вы пришли в офис в самое ближайшее время, чтобы подписать некоторые бумаги.

Теперь я действительно озадачена

— Какие бумаги?

Кингстон входит через парадную дверь, пока я мечусь по гостиной.

— *С кем ты разговариваешь?* — произносит он одними губами.

— Извините, мистер Джекоби, не могли бы вы подождать минутку?

— Да, конечно.

Я нажимаю кнопку отключения звука на своем телефоне, чтобы ответить на вопрос Кингстона.

— Адвокат Чарльза. Он сказал, что я должна подписать некоторые бумаги по наследству.

Кингстон выглядит таким же озадаченным, как и я.

— Включи громкую связь.

Я отключаю звук и нажимаю кнопку громкой связи, пока мы с Кингстоном садимся на диван.

— Хорошо, я вернулась. Итак, что вы говорили о каких-то бумагах?

— Для наследства, — повторяет он. — Чтобы перечислить вам деньги, мне нужна ваша подпись на нескольких документах.

Я щипаю себя за переносицу.

— Мистер Джекоби, я буду откровенна. Я понятия не имею, о чем вы говорите. Полагаю, вы слышали о проступках моего отца до его смерти?

— Ну... да, конечно, — бормочет он.

— Тогда, возможно, вы сможете понять мое замешательство. Насколько я понимаю, все активы Чарльза Каллахана были заморожены до тех пор, пока они не выяснят, какие средства были приобретены законным путем — если таковые имеются — и пока не будет произведена реституция.

— Да, это верно. Но я имею в виду не его имущество, мисс Каллахан. Я имею в виду имущество вашей матери. Махалия Ривьера была вашей матерью, не так ли?

— Да... — я растягиваю слово. — Но у нее не было никаких активов. Я была совладельцем ее единственного банковского счета, и на момент смерти на ее счету было менее ста долларов.

Мистер Джейкоби прочищает горло, на этот раз немного громче.

— Мисс Каллахан, я думаю, вы ошибаетесь. Ваша мать — единственный владелец нескольких крупных инвестиционных счетов, и она указала вас в качестве единственного бенефициара этих счетов. В совокупности ее имущество оценивается в двести шестьдесят два миллиона долларов, плюс-минус.

— Что?! — теперь настала моя очередь брызгать слюной. — Как это возможно?

Глаза Кингстона расширяются.

— Мистер Джейкоби, меня зовут Кингстон Дэвенпорт. Я сижу здесь с Жас... э-э, Жасмин. Могу я задать вам несколько вопросов?

— Мисс Каллахан, можно ли свободно говорить в присутствии мистера Дэвенпорта? — спрашивает он.

— Да, все, что угодно, — подтверждаю я.

— В таком случае... пожалуйста, продолжайте, мистер Дэвенпорт.

— Когда первоначально были открыты эти инвестиционные счета?

Похоже, что адвокат перелистывает какие-то бумаги.

— В течение двух лет, примерно шестнадцать-восемнадцать лет назад. Каждый из них был открыт ровно на десять миллионов долларов и с тех пор значительно вырос.

— Подождите еще раз, пожалуйста, — Кингстон нажимает кнопку отключения звука и поворачивается ко мне. — Он скрывал активы на ее имя. Если она и подписала что-либо для

открытия этих счетов, то это могло быть под принуждением, или она не знала, что подписывает. Если бы она не знала о существовании этих счетов, Чарльз все равно имел бы полный доступ к ним, чтобы делать все, что ему заблагорассудится, если только он делал это онлайн, — Кингстон включает звук. — Можете ли вы сказать нам, были ли добавлены какие-либо средства за эти годы?

— Да. Было много случаев. У меня есть квартальные отчеты за последние семь лет. Вы можете ознакомиться с ними, когда придете подписать соответствующие бумаги.

— Мистер Джекоби, мне придется вам перезвонить.

— Но...

Я завершаю звонок, прежде чем он успевает закончить свое предложение.

— Это кровавые деньги, Кингстон. Я не хочу иметь с ними ничего общего. Почему он оставил эти деньги мне?

— Я думаю, что он любил тебя по-своему, а для Чарльза деньги решают все. Возможно, это был его способ сказать тебе это.

— Мне не нужны его грязные деньги!

— Так, подожди секунду, — говорит он. — Что еще ты собираешься делать? Передать это федералам?

— Именно это я и собираюсь сделать! — вскидываю я руки вверх. — У вас есть другое предложение?

Он улыбается.

— Есть.

— Что?

— Ты можешь пожертвовать его благотворительным организациям... жертвам секторговли. Или мы можем основать новый фонд. Подумай, Жас, что хорошего могут сделать все эти деньги. К тому же, это будет чертовски круто- трахнуть Чарльза.

— Я не знаю...

Кингстон хватает меня за руку.

— Просто подумай об этом, хорошо? Если ты возьмешь деньги, ты сможешь гарантировать, что они пойдут непосредственно жертвам, пострадавшим от рук таких людей, как наши отцы. Черт, может быть, даже непосредственно от наших отцов. Эти женщины и некоторые мужчины смогут получить терапию, помощь в возвращении в общество. Можно даже финансировать частные организации, которые занимаются поиском и ликвидацией сетей торговцев людьми. Деньги могут многое сделать. Может быть, ты хотя бы подумаешь об этом?

Я задумываюсь на мгновение.

— Хорошо.

— Хорошо, ты подумаешь об этом?

Я качаю головой.

— Нет. Хорошо, я сделаю это. Но ты должен помочь мне найти достойные места, куда можно направить эти деньги. Я хочу быть уверена, что каждая копейка каким-то образом будет передана непосредственно жертвам.

— Я буду с тобой на каждом шагу, Жас.

— Что ж, думаю, мне стоит перезвонить ему и назначить встречу для подписания бумаг, да?

Кингстон берет мой телефон и передает его мне.

— И как только ты закончишь, мы начнем искать благотворительные организации.

Я киваю.

— Договорились.

— Что ты думаешь, малышка? — Кингстон усаживает Белль в ее новой комнате и наблюдает, как она прыгает на свою новую кровать.

— Мне нравится! — визжит она. — Это все мое?

Я улыбаюсь.

— Все твое, милая. Если папа разрешит тебе остаться с ночевкой, ты останешься здесь.

Белль бегает по своей комнате, осматривая все вокруг.

— Я бы хотела жить здесь вечно!

Я наклоняю голову набок.

— Но разве ты не будешь скучать по своему папе?

Белль смотрит в сторону и пожимает плечами.

— Не знаю. Папа не очень хороший, а теперь Моника уехала.

— Что значит, Моника уехала? Когда это случилось? — я сажусь на огромный розовый стул в углу ее комнаты. — Сядь со мной, милая, и расскажи мне, что случилось.

Белль забирается ко мне на колени.

— Я слышала, как Моника кричала на него за то, что он поцеловал соседку. Она не вернулась с работы на днях, и папа сказал, что она не вернется никогда.

Я вздыхаю. Я знала, что это был лишь вопрос времени, когда Джером испортит эти отношения.

— Мне очень жаль, милая. Если тебе когда-нибудь понадобится поговорить об этом, мы можем общаться по FaceTime в любое время дня и ночи, хорошо?

Она хмурится.

— Я должна вернуться? Разве я не могу просто жить с тобой и Кингстоном здесь, на пляже?

Я грустно улыбаюсь ей.

— О, дорогая, я бы хотела, чтобы все было так просто.

— Привет, принцесса, — Кингстон опускается перед нами на колени и берет Белль за руку. — Если бы мы могли сделать так, чтобы ты могла жить с нами все время, ты бы хотела этого? Тебе бы пришлось поменять школу и все такое.

Я расширяю глаза, бросая на Кингстона взгляд *какого черта ты делаешь?* Адвокат сказал нам всего *неделю назад*, что это будет долгий, затяжной процесс.

— Да! — Белль кивает. — Моя учительница все равно злюка, так что мне все равно, если мне придется завести новую.

Кингстон смеется, целуя Белль в лоб, и делает то же самое с моим.

— Я вернусь через некоторое время, хорошо? Мне нужно выполнить одно поручение.

Я смотрю на него с подозрением.

— Что за поручение?

Он подмигивает.

— Это сюрприз.

Когда Кингстон возвращается через несколько часов, Белль спит на диване, а Эйнсли тихонько похрапывает рядом с ней. Мы строили замки из песка и играли на пляже с Эйнсли некоторое время, прежде чем мы вдвоем зашли в дом и устроили марафон фильмов про

принцесс. Ни одна из них не прошла и половины первого фильма, прежде чем потерпела крах.

— Привет, — шепчу я, не желая будить девочек.

— Привет, — шепчет он в ответ. — Пойдем поговорим на задней площадке.

Я осторожно высвобождаюсь из объятий Белль и встречаю Кингстона снаружи.

— Посиди со мной, детка, — он похлопывает по пустому месту на шезлонге.

Я устраиваюсь между раздвинутых ног Кингстона и ложусь ему на грудь. Солнце уже село, поэтому мы несколько мгновений слушаем, как волны разбиваются о берег, прежде чем он заговаривает.

— Итак... я сделал кое-что.

Я поворачиваюсь к нему лицом.

— Что именно?

— Я пошел к Джерому.

— Что? Зачем?

— После того, что Белль сказала ранее... я кое о чем подумал. Странно, что это не пришло мне в голову раньше, но у меня была догадка, и я хотел проверить, прав ли я.

— О чем?

— Чтобы узнать, заинтересован ли отец Белль в частных переговорах об опеке.

— Что ты имеешь в виду?

— Мы платили ему за наши еженедельные визиты к ней, так?

— Ты платил ему, — поправляю я.

Кингстон щипает меня за бок.

— Как я уже сказал, мы платили ему за еженедельные визиты, верно? И это заставило меня задуматься. Что если он возьмет единовременную выплату, и мы будем видеть ее каждый день?

— Я не понимаю, Кингстон.

— Я говорил с Сандрой по дороге. Она подтвердила, что если Джером лишится родительских прав, как единственный оставшийся родственник Белль, ты сможешь подать прошение, чтобы стать ее законным опекуном. Теперь, когда ты совершеннолетняя, и у тебя есть финансовая и семейная стабильность, нет никаких причин, чтобы суд отказал тебе в просьбе. Сандра сказала, что она может подать экстренное прошение, чтобы временная опека была оформлена на нас, пока все юридические вопросы будут рассмотрены.

— Ты серьезно? — я поворачиваюсь, обхватывая ногами его спину. — Ты говорил об этом с Джеромом?

— Да, — кивает Кингстон. — Он сказал мне, что если я выпишу ему чек, он подпишет все, что нужно. Этот засранец счел нужным добавить, что он никогда не хотел ребенка, так что мы делаем ему одолжение.

Я усмехаюсь.

— Да, потому что именно о нем мы так беспокоимся.

— Верно, — Кингстон закатывает глаза. — В любом случае... Сандра сказала, что первым делом утром оформит документы. Джером подпишет, я переведу ему деньги, и она наша.

— О, Боже. Мой, — я хмурюсь, когда что-то приходит на ум. — Сколько он запросил? Сколько денег, по его мнению, она стоит?

— Я попросила его назвать цифру. Он сказал миллион. Думаю, он не ожидал, что я

заплачу, но когда я согласился, мужчина буквально прыгал от радости.

— Кингстон... Я не могу позволить тебе сделать это. Я никогда не смогу расплатиться с тобой, — я провожу пальцем по его брови. — Я так сильно люблю тебя за то, что ты это предложил, но...

Он сжимает мои губы.

— Я тоже люблю ее, Жас. Я тоже хочу, чтобы Белль была в нашей жизни. Я делаю это как для себя, так и для тебя и для нее. Я бы отдал ему все свое состояние, если бы он попросил. Это всего лишь деньги.

Я смеюсь.

— Только тот, кто никогда не боролся за еду на столе, может сказать что-то подобное.

Кингстон бросает на меня язвительный взгляд.

— Сосредоточься на главном, Жас. Белль может быть нашей. Навсегда. Все, что тебе нужно сделать, это сказать — да.

Я забираюсь к нему на колени и осыпаю его челюсть поцелуями.

— Да. Все — да.

Он улыбается.

— Надеюсь, ты будешь так же согласна, когда я задам тебе другой важный вопрос, который изменит твою жизнь.

Я улыбаюсь в ответ.

— Все, что тебе нужно сделать, это спросить.

— Приятно слышать, — подмигивает он.

— Жаль, что моя мама не может увидеть нас сейчас. Увидеть, как мы все счастливы и что мы вместе.

Я прячу лицо в ладони Кингстона, когда он прикладывает ее к моей щеке.

— Мне бы хотелось думать, что обе наши мамы видят нас. Черт, да они, наверное, вместе висят на пушистом облаке, обняв друг друга, как на фотографии на камине, и рассказывают о том, как их дети влюбились.

Я улыбаюсь, потому что прекрасно представляю себе это.

— Ты так думаешь?

— Я действительно так думаю, — он медленно кивает, глядя мне в глаза. — Я чертовски сильно люблю тебя, Жас. Я никогда не перестану говорить тебе это, так что если у тебя с этим проблемы, то тебе лучше покончить с этим дерьмом прямо сейчас.

Я смеюсь, потому что только этот человек мог бы бросить ругательные слова в романтическое заявление.

— Не волнуйся, Пещерный человек, я никуда не уйду.

— Если ты попытаешься, я...

Я игриво закатываю глаза.

— Да, да, я знаю. Ты выследишь мою задницу.

Его красивые зеленовато-золотые глаза искрятся весельем.

— Можешь не сомневаться, милая.

КОНЕЦ